

ОТЕЛЬ «РУБИ»

[VK.COM/TRANSLATION4YOU](https://vk.com/translation4you)

СЬЮЗЕН ЯНГ

От автора бестселлеров по версии «*New York Times*»

Останьтесь на сегодня. Останьтесь навсегда.

Одри Каселла останавливается в шикарном отеле «Руби», что совершенно не планировалось, но, тем не менее, она рада этой непредвиденной остановке. Спустя несколько месяцев после смерти их матери, Одри и её брат Дэниел направляются к своей бабушке — хоть и родственнице, но почти незнакомке — потому что их отец целиком отдался горю.

Одри с семьёй планируют провести в отеле лишь одну ночь, но жизнь в «Руби» похожа на сказку, и они продлевают своё пребывание, потому что здесь полно отвлечений — в том числе и красивый постоялец Элиас Ланж, который заставляет сердце Одри биться быстрее. Но за роскошным фасадом отеля таится немало странного. Каждую ночь в бальном зале творится что-то фантастическое, но попасть туда можно только по приглашениям, и, похоже, Одри единственная из всех гостей, кто его не получает. Поэтому она проводит время на крыше, вместе с гостиничным персоналом, слушая сплетни о тёмном прошлом отеля.

Чем больше Одри узнаёт о новых знакомых, тем больше растёт её любопытство. Она разрывается в разные стороны — назад тянет прошлое, где осталась невыносимая потеря, будущее обещает хоть немного радости, а между ними — жизнь в месте, которое скрывает в себе больше, чем кажется...

Добро пожаловать в «Руби»!

Сьюзен Янг

Отель «Руби»

*Посвящается моему дедушке,
Уолтеру «Шэдоу» Паржичу,
и, как всегда, светлой памяти моей бабушки, Джозефин
Паржич.*

ОСТАНЬТЕСЬ НА НОЧЬ. ОСТАНЬТЕСЬ НАВСЕГДА.

От автора: Во многих старых отелях не было тринадцатого этажа. Так и в «Отеле „Руби“» нет тринадцатой главы, что добавит ещё больше таинственности пребыванию там Одри...

Глава 1

Верхушки деревьев нависают над дорогой, образуя арку и закрывая собой луну и звёзды. Мы уже около часа едем через эти леса, и в густом тумане света фар нашей машины едва хватает, чтобы осветить небольшой участок дороги перед нами. Я смотрю на заднее сидение, чтобы проверить, насколько раздражён мой брат, который не разговаривает со мной с нашей последней остановки в Вегасе. Он неподвижно застывает, повернув голову к темноте за окном, с вызовом игнорируя меня.

— Если мы не съедем с этой дороги, — говорит мой отец, — то, по-моему, сможем сократить дорогу через горы. Я помню, что мы с вашей мамой как-то раз именно так и ехали.

Уши закладывает, словно их залили цементом, и я замираю, потому что упоминание нашей матери — это табу, его нельзя просто так вставлять в разговор. Я слышу, как двигается Дэниел, и напряжение вокруг меня возрастает, тисками сжимая моё сердце. Когда мне кажется, что я вот-вот поперхнусь своей скорбью, папа включает радио, вырывая нас из тишины.

Я пялюсь на дорогу через лобовое стекло, глаза жжёт. Но я не осмеливаюсь моргать, дабы не дать воли слезам. В таких случаях я обычно поворачиваюсь к Дэниелу, но мы уже израсходовали весь запас утешений. Сейчас слова кажутся фальшивыми, пустыми. Так что мы оба больше не утруждаем себя ими.

Мой брат знает, что вина за эту поездку лежит не только на мне. Я совершала ошибки с тех самых пор, как умерла мама. Но не я одна. Психологической адаптацией Дэниела стали отрицание собственной скорби и чувство обиды; и порой он обрушивал их на меня. Но наш отец, скажем так, полностью погрузился в себя.

И вот папа отсылает нас к нашей бабушке. Мы покидаем наш дом в Аризоне, чтобы теперь жить в Элко, маленьком городке в Неваде. Отец уверяет нас, что это будет «новый старт», но, честное слово, единственный, кто собирается зажить по-новому, это он. Мы же останемся с далёкой родственницей.

Правда в том, что папа перестал нас видеть. Он смотрит сквозь нас, как будто не в силах выносить наше сходство с мамой. Как будто мы невидимки. Мы с Дэниелом потеряли обоих родителей, несмотря на то, что один из них сидит сейчас рядом со мной.

— Можно я поменяю станцию? — спрашиваю я. Мой голос звучит хрипло, и я понимаю, что не говорила вслух с тех пор, как мы выехали из Вегаса. Как так?

Папа кидает взгляд в мою сторону, словно мой голос напугал его, и коротко кивает. Дэниел снова шевелится на заднем сидении, в то время как я начинаю переключать станции в поисках любой, что будет звучать без помех. Мой айпод умер сто с лишним километров назад, но мне не выпал шанс зарядить его. Я во власти радио-богов, а они, похоже, мне не благоволят.

Все станции встречают меня помехами, кроме одной единственной, где играет старый джаз. Я снова иду по кругу.

— Эй, Од, — окликает меня Дэниел. Моё сердце замирает, и я оборачиваюсь к нему. Он копия нашей мамы — те же платиновые волосы и голубые глаза. И это меня по-прежнему поражает.

— Можно мне твой «Сникерс»? — спрашивает он.

Я давлюсь смешком, прикрывая улыбку, потому что это способ Дэниела извиниться. Мне не стоит отдавать ему шоколадку, особенно после того, как у грязных туалетов на площадке для стоянки он сказал мне, чтобы я заткнулась. Я допустила ошибку, упомянув нашу маму. Не знаю, почему я так поступила, тем более что мне известно, как Дэниел ненавидит, когда я так делаю. Думаю, я просто соскучилась слышать слово «мама» не в связке с фразой «мне так жаль».

Уже в машине, Дэниел пробубнил с заднего сидения что-то там о моём эгоизме.

— Спроси Райана, — сказал он.

Так и началась наша негласная война.

Но Дэниел — мой брат, и он единственный из оставшихся в этом мире, кому есть до меня дело. Такое заслуживает шоколадки. Я хватаю рюкзак, примостившийся у моих ног, и начинаю рыться в переднем кармане, пока не касаюсь размякшего шоколада. Бросаю брату батончик, он кивает в знак благодарности, и временное перемирие восстановлено.

Напряжение чуть спало, и я надеюсь, что из-за этого папа почувствует облегчение. Но его лицо остаётся решительным; он сосредоточен на своём плане, чтобы боль вновь не одержала над ним верх. Отец не всегда был таким. Я не могу точно определить, когда именно он изменился, но это было быстро. Мы же были слишком отвлечены, чтобы заметить. Я занималась самолечением, проявляющимся в виде всевозможных раздражающих выходов; Дэниел был погружён в избегание и отрицание. Не было никого, кто сплотил бы нас.

А когда папа пришёл домой и наткнулся на исключительно бурную вечеринку, которую я устроила, то вёл себя спокойно и сдержанно, хотя на самом деле должен был выйти из себя. Посадить меня под домашний арест лет так на двадцать. Но вместо этого он предложил план.

— Это только на лето, — говорил он нам с Дэниелом, нависая над ведёрком с курицей из «KFC». — Вы же знаете, вашей бабушке хотелось бы проводить с вами больше времени.

Маме моей мамы лет восемьдесят, и я с трудом могу представить, что ей так уж сильно хочется иметь дело с семнадцатилетней бунтаркой или её эгоистичным старшим братом. Мы встречались с бабушкой Нелл так мало раз, что можно по пальцам пересчитать, а назвать эти встречи располагающими язык не повернётся. Но это не важно. Потому что той ночью, сидя в спальне Дэниела, мы с братом пришли к выводу, что она единственная, кто проявила к нам интерес. Папа же отдавал нас. Бросал.

Но сейчас Дэниелу восемнадцать, и он обещает, что заберёт меня с собой, когда накопит достаточно денег для самостоятельной жизни. Пусть папа и оставляет нас под предлогом, что вернётся, мы знаем — этого не будет.

— Бабушка сказала, что специально для тебя, Одри, они сделали ремонт на чердаке, — произносит папа со своего места, но не смотрит в мою сторону. — Они поставили новую кровать, комод. Она ещё спрашивала про твой любимый цвет. Я сказал ей, что это розовый.

— Голубой, — отвечаю я, заслужив его короткий взгляд. — Розовый мне не нравится с седьмого класса.

Папа сглатывает, словно у него ком в горле, и перехватывает руль.

— Что ж, думаю, ты сможешь всё перекрасить. Будет весело.

— А где буду жить я? — спрашивает Дэниел. — Они почистили сено в амбаре?

Папа так долго молчит и не отвечает, что я уже хочу повторить вопрос. Но тут отец хрустит шейными позвонками и смотрит в зеркало заднего вида.

— Ты будешь жить в старой комнате твоей матери.

Я опускаю голову. Сначала меня переполняет ощущение того, что это предательство со стороны бабушки, когда она вот так решила связать Дэниела, а не меня, с детством нашей мамы. А я буду заперта на чердаке, словно героиня романа В. К. Эндрюс^[1]. Когда мне удастся справиться с болью, я оборачиваюсь и вижу, что Дэниел смотрит на меня, сжав челюсти; выражение его лица говорит о том, что мне не о чем волноваться. Мы не пробудем там долго. Даже если нам придётся сбежать.

Я снова смотрю на радио, готовая продолжить свои поиски ритмичным нажатием кнопки, но замечаю красный огонёк над CD-проигрывателем. Мне даже не вспомнить, когда я последний раз слушала компакт-диски в этой машине. Обычно у меня в ушах наушники, в противном случае в машине просто царит тишина. Я с любопытством переключаю режим и наблюдаю, как на экране магнитолы загорается индикатор воспроизведения.

Сначала меня встречает тишина. Когда я собираюсь переключить на следующий трек, колонки взрываются мелодией, которая звучит раз в десять громче, чем что-либо с радио. Я подпрыгиваю и смеюсь, глядя на отца. Но он никак не реагирует, совсем не обращая внимания на произошедшее. Он снова погрузился в свои мысли.

Это старая песня, и я смутно припоминаю, что она нравилась маме. Когда до меня доходит, что они связаны, моя рука убавляет громкость, не в силах выключить магнитолу совсем. Я ничего не говорю про песню, не возражая провести остаток поездки в том же эмоциональном уединении, как и три последних месяца моей жизни. Закрываю глаза и откидываюсь на сидении, предпочитая сбежать в сон.

Секунды бегут медленно, мои вялые мысли, как и обычно, преследуют воспоминания о последних мгновениях с мамой, о том, как бесцеремонно я вела себя с ней в то утро, перед тем, как она ушла на работу. Она была консультантом в моей школе, горячо любимой. Уважаемой. И я отправила её на смерть, даже не попрощавшись.

Я прочищаю горло и поворачиваюсь на сидении, но меня удерживает ремень безопасности. Отстёгиваю его, чтобы устроиться поудобнее, а потом отгоняю от себя печаль. *Хватит думать*. Слова песни заполняют моё сознание, унося прочь воспоминания о маме, и я не противлюсь этому. И когда боли больше нет, я наконец погружаюсь в сон. Проходит минута, а может быть и час, но вот до меня доносится звук мигающего поворотника, и я сажусь, слегка дезориентированная.

— Мы на месте, — устало произносит папа.

С мгновение я ошарашена смотрю на слёзы, поблёскивающие на его щеках. Он вытирает лицо рукавом, а затем резко поворачивает, отчего я ударяюсь плечом о дверь.

Небольшая дорога, сплошь усыпанная поломанными ветками, ведёт сквозь деревья. Я уже было собираюсь спросить отца, куда, чёрт побери, он направляется, когда перед нами появляются открытые железные ворота. Они огромные и украшены орнаментами. Прекрасные. Стволы деревьев оплетены золотыми фонариками, которые освещают уже чистую дорогу. Мы проезжаем через внутренний двор, по кругу которого стоят каменные скамейки и статуи, а всё это подсвечивается крошечными лампочками в коротко подстриженных кустарниках. Но когда в поле зрения показывается сам отель, даже Дэниел протискивается между передних сидений, чтобы посмотреть.

— Ничего себе! — бормочет он. — Мы, что, остановимся здесь?

Здесь — где у чёрта на рогах возвышается великолепное здание, которое в три часа ночи озарено так, словно сейчас канун Нового года. Фасад его выполнен из белого камня, а

огромный сводчатый проход украшен плющом. Я не могу удержаться от улыбки, когда мы останавливаемся у входа.

— Я без сил, — говорит отец. — И когда мне на глаза попала вывеска отеля «Руби», я подумал, что мы сможем раскошелиться на одну ночь.

Я вижу тень моего папы, того, каким он был раньше.

— Представьте, что это наши маленькие семейные каникулы, — добавляет он.

— Тогда я хочу себе отдельную комнату, — раздаётся с заднего сидения голос Дэниела.

Папа фыркает от смеха, но соглашается. Он выключает двигатель, и к нашей машине подходит парень в униформе цвета красного вина. Дэниел исчезает где-то в корме внедорожника, чтобы взять свой чемодан, а я поднимаю свой рюкзак на колени, когда водительская дверь открывается.

— Добро пожаловать в «Руби»! — говорит парень в красном. Мне не удаётся с точностью определить его акцент, но он симпатичный — тёмные волосы и тёмные глаза. Он смотрит внутрь машины и замечает меня.

— Я могу вам помочь с вашим багажом, мисс? — Его губы изгибаются в улыбке, и я ничего не придумываю — он со мной флиртует. Но из-за нашей поездки и поведения моего отца я сбита с толку. Поэтому отрицательно качаю головой.

— Я сама, — отвечаю я носильщику. — Но спасибо.

Он обходит машину, чтобы открыть мне дверь, и от меня не ускользает, что он стоит слишком близко, так что мне даже приходится нырнуть под его руку, чтобы выбраться из машины. Парень помогает загрузить наш багаж на золочёную тележку, и папа вознаграждает его сложенными банкнотами, а затем открывает массивные деревянные двери. Я оборачиваюсь и вижу, что носильщик ждёт нас. Он снова улыбается и, опустив подбородок, наблюдает за мной. Я быстро отворачиваюсь, по рукам ползут мурашки из-за чувства тревоги.

Вестибюль представляет собой какой-то взрыв роскоши: дорогая деревянная мебель, отделанные бахромой бархатные ткани, а над всем этим великолепием висит невероятных размеров люстра. Стены высотой этажа в три украшены картинами и гобеленами. Я поворачиваюсь к Дэниелу, и он улыбается — настоящей улыбкой.

— Да уж, мне бы стоило надеть чистую толстовку, — бормочет он.

— У тебя нет ничегошеньки чистого, — говорю я. — Я всю неделю не стирала твои вещи.

Дэниел обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

— Когда мы приедем к бабуле, я начну с того, что постираю всю свою одежду. И даже твою.

Я смеюсь, потому что Дэниел наверняка испортит всё, что засунет в стиральную машину. А ещё потому что он приучился называть нашу строгую старую бабушку бабулей. Мне не терпится увидеть её реакцию, когда он скажет ей это в лицо.

Папа останавливается у стойки регистрации, мы с Дэниелом — за его спиной. В углу сидит болезненно худой служащий, который лазает в интернете и щёлкает по клавишам компьютера. Он даже не поднимает головы, чтобы поприветствовать нас. Я покашливаю, чтобы привлечь его внимание, и, когда он по-прежнему не реагирует, вздыхаю, облокачиваюсь на столешницу и обвожу взглядом вестибюль. Я в состоянии сенсорной перегрузки, не в силах объять глазами всё и сразу. В обычной одежде я чувствую себя здесь не в своей тарелке. Мне стоило бы быть в коктейльном платье, или, может, даже в вечернем.

Внезапно позади стойки открывается дверь, одного цвета со стеной, и из неё появляется лысый мужчина с маленьким приятным лицом. Он смотрит в сторону второго служащего, но парень куда-то исчез. Хотя я даже не видела, как он уходил.

— Добро пожаловать в отель «Руби»! — радостно говорит мужчина. — Чудесная ночь.

— Утро, — поправляю я. Мужчина поворачивается ко мне и быстро, но внимательно окидывает меня взглядом, словно решая, стоит ли мне отвечать. Я читаю имя на его жетоне: Кеннет, портье.

— Пусть так, — отзывается он с усмешкой. Не дожидаясь его просьбы, мой отец кладёт на стойку своё водительское удостоверение и кредитную карту.

— Три комнаты, — говорит папа. — Только на одну ночь.

Кеннет учтиво кивает, читая нашу фамилию. Он некоторое время изучает нас с Дэниелом, а затем перегибается через стойку к отцу.

— Заранее прошу прощения, мистер Каселла, — говорит он. — Но, кажется, сегодня количество броней превышает количество свободных номеров.

Портье делает паузу, будто ждёт, что я снова вставлю замечание, что уже утро.

Папа понуро опускает плечи.

— А есть ли поблизости другой отель? Может быть, даже мотель?

— О боже, — быстро говорит Кеннет, махнув рукой. — Мы бы никогда не стали создавать вам такие неудобства! Это же очевидно, что это наша вина. Давайте посмотрим.

Он нажимает несколько клавиш.

— Есть два свободных номера на шестом этаже и, если ваша дочь не будет возражать, то для неё найдётся номер на тринадцатом. Сейчас там проходят ремонтные работы, но я уверяю вас, — тут он поворачивается ко мне, — это не нарушит ваш покой.

Представить не могу, что им пришлось в голову менять в таком прекрасном месте, но я благодарна уже за то, что нам не придётся коротать ночь в каком-нибудь зачуханном мотеле рядом с трассой.

— Номера на шестом этаже, — продолжает Кеннет, — имеют чудесный вид на горы Руби. И, помимо прочего, вы сможете выехать после расчётного часа. Надеюсь, это вас устроит?

Уговаривающий вкрадчивый голос Кеннета всецело владел беседой. За считанные секунды отец согласился на всё, даже не выяснив расценок.

— Чудесно, — говорит портье, хлопая в свои пухлые ладони. — Пока мы разговаривали, Джошуа доставил ваш багаж. Чтобы вам понравилось у нас, мы предлагаем широкий выбор условий отдыха. На территории отеля вы найдёте ресторан, магазин сувениров, салон красоты и спа-салон. А те большие двери, — он указывает рукой на стеклянные двери, — выходят в сад, за ними расположено кафе, а чуть дальше — теннисные корты. Есть ещё открытый бассейн, комната отдыха с бильярдными столами, и, конечно же, кинотеатр. А вот список фильмов.

Кеннет протягивает отцу брошюру и выдыхает, наконец-то сделав перерыв в своём монологе.

— Ух ты, — говорю я, выглядывая из-за плеча отца, чтобы посмотреть на брошюру. — Неужели кто-то вообще захочет отсюда уезжать?

Кеннет медленно поворачивается, его пальцы сложены на груди.

— Иногда такие находятся, мисс Каселла. А теперь, — говорит портье, любезно улыбаясь нам, — вот ваши карты-ключи и планы отеля. Ещё раз повторю, что рад

приветствовать вас в отеле «Руби». Надеюсь, вы приятно проведёте у нас время!

Широко раскрыв глаза, я тянусь за своим ключом и стягиваю его со стойки. Кеннет наблюдает за мной, но через мгновение разворачивается и исчезает за маленькой дверью в стене.

— Ну и чудило, — говорит Дэниел, запуская руки в карманы своей толстовки. — Хотя тут шикарно. Я чувствую себя грёбаной элитой!

— Дэниел, — предупреждает папа, но я вижу намёк на улыбку на его лице. Этот отель поднял настроение всем нам. И этого почти достаточно, чтобы мы забыли, почему оказались здесь.

Из-за огромных дверей в холле доносится музыка: нежная фортепианная мелодия и ленивое пение. Перед ними выставлен золотистый стенд, который гласит: «Празднование годовщины — 1937». Какое-то безумие, потому что я не знаю, кто бы в такую несусветную рань веселился на юбилейной вечеринке, или почему в отеле разрешены такие поздние празднества. Разве остальные гости не спят?

— Увидимся позже, — говорит Дэниел, потянув меня за рукав. Но я не успеваю даже спросить, куда он собрался, как мой брат пересекает вестибюль, только однажды повернувшись, чтобы помахать мне рукой. Папа окликает меня по имени, ожидая у позолоченных дверей лифта.

Мы молча поднимаемся. Мне очень редко доводилось проводить время наедине с отцом. Даже эти несколько минут проходят как-то неловко, как будто мы совершенно незнакомы. Колокольчик лифта звенит на шестом этаже. Папа, бормоча под нос, желает мне спокойной ночи и выходит. Потом останавливается и поворачивается. В его глазах я вижу просьбу о прощении и открываю рот, чтобы спросить, что случилось. Но двери закрываются, и в лифте остаюсь лишь я одна.

Где-то на задворках сознания меня начинает терзать ощущение, как будто я что-то забыла, но двери лифта разъезжаются в стороны, открывая взгляду тринадцатый этаж. Я выхожу.

В коридоре, длинном и зловещем, узорчатый пол винного цвета, а стены отделаны панелями из тёмного дерева. Выглядит красиво, но в то же время... мрачно. Как будто воздух здесь слишком тягучий. В конце коридора, над стеклянным столиком, висит непомерно большое зеркало в позолоченной раме. Я вижу своё отражение: мои светлые рыжие волосы собраны в узел и курчавятся на макушке из-за долгого путешествия, моя футболка с длинными рукавами — из разряда повседневных и заношена. Я выгляжу совершенно неуместно посреди всего этого старомодного убранства. Но знакомый образ, видимо, успокаивает меня, и я противлюсь холодку, пробегающему вдоль моего позвоночника.

Номер 1303 располагается в самом начале коридора, и я ещё раз оглядываюсь вокруг и только затем открываю дверь и захожу внутрь. Включив свет, я ахаю и прикрываю рукой рот. Кажется, я только что выиграла в лотерею, где разыгрывались гостиничные номера. Он роскошный. Вычурная зона отдыха (это что, старинная кушетка?), винтажная мебель с оригинальными узорами, лампы с абажурами из витражного стекла и деревянный стол с замысловатой резьбой. На кровати в углу лежат пушистый белый плед и большие взбитые подушки; столбики с четырёх сторон окружают матрас и загибаются сверху. Я хожу по комнате, вновь поражаясь тому, насколько потрясающим оказался весь отель. Когда мы путешествовали семьёй, *до этого*, то сэкономили. Единственный раз, когда мне довелось

остановиться в хорошем отеле, был, когда Райан увёз меня на все выходные. Тогда я его ещё любила, думала, что мы поженимся — влюблённые друг в друга ещё со школьной скамьи, как мои родители. Я потеряла девственность на двадцатом этаже «Марриотта». Здесь же намного-намного лучше.

Я бросаю рюкзак рядом с кроватью, на которой нахожу лежащую поперёк подушки одинокую розу и плитку шоколада. Красный цветок ярким пятном выделяется на крахмально-белой ткани, я поднимаю цветок и вдыхаю его лепестки. У них приятный пудровый аромат. В какое-то мгновение меня одолевают сомнения — а не в машине ли я до сих пор и вижу сон? После обязательных попрыгушек на кровати и обследования ванной комнаты, я решаю, что, несмотря на поздний час, мне уже не уснуть. Ведь столько всего ещё нужно разведать! Поэтому я быстро чищу зубы, распускаю волосы и наношу дезодорант. Внизу была музыка — знакомая музыка. Там должны быть и люди. Я наношу на губы немного блеска, засовываю карту-ключ в задний карман джинсов и направляюсь в вестибюль.

Когда я прохожу через вестибюль, там пусто, однако скучающий служащий снова вернулся за свой компьютер. Интересно, сделали ли ему выговор, за то, что он проигнорировал нас ранее? Судя по тому, что он сейчас также не обращает на меня никакого внимания, полагаю, что нет. Музыка ведёт меня вперёд, пока я не оказываюсь у входа в большой банкетный зал. Кажется, по ту сторону дверей вечеринка по-прежнему продолжается. С бешено бьющимся сердцем я оглядываюсь по сторонам и толкаю дверь, входя внутрь.

А там и правда вечеринка. И не то чтобы это засиделись допоздна несколько пьяных отщепенцев. Я кружусь, пытаюсь охватить всё глазами за раз. Комната высотой в три этажа, под потолком висят огромные люстры, всё пестрит от всплесков золотого и жёлтого, а дверной проём обрамляют тяжёлые тёмно-красные портьеры. Стены украшают замысловатые гобелены в золотых рамах. Есть здесь и уединённые альковы, со скамьями, врезанными в деревянные стены. Гости пьют из шикарных бокалов. Вокруг меня сплошь блёстки и галстуки-бабочки. На невысокой сцене за чёрным кабинетным роялем играет пожилой мужчина изысканной внешности, а рядом поёт женщина в золотистом платье. Слова песни кажутся вроде бы знакомыми, и в то же время их никак не вспомнить. Но голос у певицы потрясающий — яркий и бередящий душу. Мне хочется понаблюдать за людьми, я нахожу свободное местечко в одном из альковов и улыбаюсь миру, что завертелся вокруг меня.

Подходит официант в чёрном смокинге и предлагает мне напитки, наклоняясь, чтобы мне было удобно взять бокал с подноса. Он улыбается мне, почти как носильщик, и тут же растворяется в толпе. Наверное, вот так и живут знаменитости — вечеринки всю ночь, бесплатная выпивка. Я делаю глоток из бокала, и пузырьки шампанского щекочут нос. Папа бы убил меня.

Я останавливаюсь. Убил бы? Заботится ли он настолько сильно?

— Неужели уже наступила неформальная пятница? — раздаётся голос. Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда рядом усаживается парень. Он одет в шикарный серый костюм, а когда он кладёт ногу на ногу, то мне видны невероятно блестящие туфли. Он не улыбается, как остальные, но в его янтарных глазах определённо читается флирт.

— Теоретически нет, — отвечаю я, стараясь как можно естественнее сделать глоток шампанского. — Но, по правде говоря, наряжаться в торжественные наряды в четыре утра во

вторник — это как-то совсем по-дурацки.

Парень смеётся, искренне и от всего сердца, и мне нравится звук его смеха. В моём мире, мире постоянного притворства, мне за долгое время впервые случается увидеть неподдельную радость. Я снова делаю глоток, спрашивая себя, сколько ещё шампанского мне понадобится, чтобы забыть всё на свете, кроме него.

— Твоя взяла, — говорит парень, расставляя ноги и наклоняясь вперёд. — И, должен сказать, ты весьма очаровала меня тем, что не надела наряд для вечеринки.

— Что ж, это хорошо, потому что я в высшей степени впечатлена тем, что у тебя есть костюм.

Он снова смеётся, вокруг его глаз собираются морщинки, становятся заметными ямочки на щеках. Его улыбка исключительно обезоруживающая, в самом чудесном смысле.

— Элиас Ланж, — говорит он, протягивая руку.

— Вот это да! — дразнюсь я, моя ладонь исчезает в его. Но, вместо рукопожатия, он подносит мои пальцы к своим губам и учтиво их целует. Жар от его рта чуть было не доводит меня до обморока, и, когда моя рука падает обратно на колени, мне как-то неловко. Словно Элиас вновь оживил эту конкретную часть моего тела. Он улыбается и переключает своё внимание на вечеринку, кажется, осознав эффект, который произвёл на меня.

— Я Одри, — говорю я. — И я не знала, что сегодня здесь вечеринка. По какому событию?

— Одно и то же каждую ночь. И вот мы здесь. — Он ослабляет галстук, а затем берёт бокал с подноса проходящего мимо официанта.

— Мы? Ты часто здесь останавливаешься? — спрашиваю я.

Он делает глоток, смотрит на меня и снова делает глоток.

— Да. Хочешь, я покажу тебе всё? Типа испорченный богачей проведёт тебе экскурсию. Обещаю, будет куда веселее, чем здесь.

Я собираюсь сказать ему «нет», потому что обычно не сваливаю с совершенными незнакомцами после трёхсекундной беседы, даже если на нём костюм, но меня прерывают.

— Эли, — громко окликает его девушка, а затем умолкает, встав передо мной. Она притворяется, будто я не существую, когда говорит: — По-моему, мы собирались потанцевать. — Её розовые губы складываются бантиком, словно у маленькой капризули, и мне это кажется противным, а судя по отсутствию внимания со стороны Элиаса, я догадываюсь, ему тоже. Несмотря на её поведение, девушка выглядит сногшибательно, словно видение в блестящем белом платье, белокурые волосы обрамляют её личико.

— Ты знаешь, я не танцую, Кэтрин, — непринуждённо говорит Элиас. — Уверен, что Джошуа будет только рад окружить тебя. Хочешь, чтобы я у него спросил?

Маленькие голубые глаза Кэтрин становятся похожи на щёлочки. Она резко поворачивается в мою сторону, как будто это я только что говорила. Её взгляд метает в меня ледяные осколки, которые насквозь прокалывают всю меня.

— А ты кто? — спрашивает она.

Упав духом, стараюсь глотнуть шампанского так, чтобы не пролить из-за дрожащей руки.

— Я Одри, — звучит мой ответ. Элиас двигается ближе ко мне, словно хочет вступить. И надеюсь, так он и поступит, пока эта барышня не повыцарапывала мне глаза.

— Тебя сюда не приглашали, Одри, — презрительно говорит Кэтрин. — Так что вон отсюда.

Элиас наклоняется вперёд и берёт Кэтрин за руку, снова возвращая её внимание на себя.

— Кэти, — мягко говорит он. И мне кажется, что она должна растаять от теплоты в его голосе — со мной это бы точно произошло — но нет, девушка выдёргивает свои пальцы, словно его тон её обидел. Элиас выпрямляется, его каштановые волосы падают ему на глаза, и он убирает их назад.

— Уходи, — холодно говорит он. — Прямо сейчас ты ничего от меня не дождёшься.

Кэтрин наклоняется, приближая своё лицо к его лицу. На секунду мне даже кажется, что она собирается его поцеловать, и внутри у меня всё переворачивается. Но вместо этого девушка улыбается.

— Эли, — шепчет она. — Чтоб ты сдох, милый!

На что Элиас усмехается и поднимает свой бокал.

— Ура, — говорит он и пьёт.

Кэтрин бросает в мою сторону ещё один полный ненависти взгляд, а затем сердито уходит в другую сторону зала. Я кладу руку на живот и выдыхаю, счастливая от того, что стычки почти удалось избежать. Элиас поворачивается ко мне и виновато пожимает плечами.

— Не суди меня строго за то, что вёл себя грубо, — говорит он. — Она чистая психопатка.

— Да уж, есть немного, — соглашаюсь я, наблюдая, как Кэтрин покидает вечеринку. В ту же минуту, когда она исчезает, я немного расслабляюсь. Вокруг нас люди продолжают говорить, музыка играет, и мне вот-вот удастся вспомнить мелодию.

— Так что насчёт экскурсии? — спрашивает Элиас, пряча улыбку за ободком бокала. — Я знаю, где они держат шоколадки для гостей.

Я смеюсь, думая, какой же он всё-таки очаровашка. Но, опять же, я не идиотка. Он незнакомец, а даже если бы и не был им, у меня сейчас всё равно нет настроения встречаться.

— Нет, спасибо, — говорю я.

Элиаса, похоже, мой ответ не удивляет; более того, ему, кажется, он даже нравится. Склонив голову набок, парень скользит по мне взглядом.

— Как ты попала сюда, Одри? — спрашивает он.

— Через дверь.

Он тихо смеётся.

— Честно, что ни говори. Значит, ты здесь не ради призраков? — снова спрашивает Элиас. — Ведь здесь их большинство.

Он указывает в сторону толпы в зале.

— Правда? Так здесь водятся приведения?

— Думают, что да. — Элиас снимает с себя галстук и откидывает его в сторону. Его волосы снова падают ему на лоб, и по мне, так он выглядит более непринуждённым, более доступным. И это делает его ещё более привлекательным — в некотором роде взгляд украдкой на него настоящего.

— А ты без этого костюма? — спрашиваю я. Брови Элиаса поднимаются вверх, и я изо всех сил спешу объяснить. — Я не имела в виду тебя голого! Я имела в виду в жизни. Без костюма... о боже!

Мои щёки начинают гореть, но вот я уже смеюсь. К его чести, Элиас кивает в такт моим словам, как будто и правда ему интересно, что я там думаю.

— Что ж, — говорит он, указывая на комнаты над нами, — если ты желаешь взглянуть...

Я шлёпаю его по плечу, и тут мы уже вместе ухмыляемся, не замечая портье, пока он не откашливается рядом с нами. Он быстро посылает Элиасу неодобрительный сердитый взгляд, а потом обращается ко мне.

— Мисс Каселла, — говорит Кеннет, повернувшись в мою сторону. — Быть может, вам лучше подняться в свою комнату? В конце концов, вы уезжаете завтра утром, а сейчас почти четыре часа.

Элиас спокойно попивает своё шампанское. У него не потребуют удостоверения личности? Заботит ли служащих отеля, что он, или я, — несовершеннолетние? А потом я спрашиваю себя, а с какой это стати портье заволновался, что я ещё не в кровати, укутанная в одеяла?

— Видите ли, — объясняет Кеннет, словно прочитав мои мысли, — вход на эту вечеринку только по приглашениям. И убеждён, что у вас его нет.

Он ждёт.

— У вас есть приглашение, мисс Каселла?

Ненавижу, когда мне выговаривают, а сейчас я получила самый настоящий выговор.

— Нет, — отвечаю я. Я кривлю губы, глядя на Элиаса, словно спрашивая, что это с Кеннетом, и затем начинаю продвигаться к выходу.

— Рад был познакомиться с тобой, Одри, — окликает меня Элиас. — Может, ещё увидимся.

Я в полуобороте к нему, сердце гулко бьётся в груди. Я ничего не отвечаю, боясь, что он услышит это в моём голосе — печаль, абсолютный страх следующего шага. Я пробуду в «Руби» только один день, а затем меня отправят к моей бабушке. Честно говоря, сегодня я повеселилась так, как не веселилась уже тысячу лет. Мне не хочется разрушать этот момент, позволяя кому бы то ни было узнать, насколько я сломлена. Поэтому я просто машу ему рукой и маневрирую в толпе к дверям.

На выходе из зала мои глаза возвращаются к Элиасу. Он одиноко сидит в алькове, одетый для вечеринки, но каким-то образом лишний на ней. Уголки его рта опущены, он смотрит на танцующих, бокал в руке, и вид у него такой, словно ему тяжело быть здесь.

В коридоре на моём этаже тихо, настолько осязаемо тихо, что даже трудно дышать. Я захожу в свою комнату, бросаю ключ на комод и отбрасываю свои вьетнамки куда-то под кровать. В голове всё плывёт, и я быстро хватаю первую попавшуюся пижаму. Она мягкая, а штаны вытянулись на коленках. Я выключаю свет и забираюсь в кровать.

Я смотрю в окно на золотистые деревья, подсвеченные снизу огнями отеля. Здесь так безмятежно. Моя голова проваливается в подушку, с каждым морганием веки становятся всё тяжелее и тяжелее. Поездка вымотала меня, а в руке чувствуется тупая боль. Я потираю запястье, но пейзаж за окном медленно исчезает. Я думаю о вечеринке, об Элиасе. О том, как он пытался скрыть улыбку за ободком бокала, о золотистом оттенке в его глазах, когда он скользил по мне взглядом. Могу представить, на какого рода экскурсию он меня приглашал. Она бы наверняка закончилась в его комнате. И я не уверена, что была бы против такого хода событий.

Я сворачиваюсь калачиком и утыкаюсь в подушку, как будто меня обнимает человек. Я представляю себе его руки, обнимающие меня, биение его сердца под моей ладонью. И притворяюсь, что это не подушка, а Элиас, такой тёплый и уютный.

— Как ты сюда попала? — снова слышу его вопрос.

Я начинаю засыпать, и комната качается. Глубокий сон манит меня, и ему трудно противостоять. Полностью закрыв глаза, я отвечаю:

— Не знаю.

Когда я открываю глаза, разбуженная тихими звуками музыки, в моей комнате темно. Я несколько раз моргаю, пока мои глаза не привыкают к темноте; мягкий свет за окном говорит о том, что до рассвета ещё есть время. А значит, я проспала всего несколько часов. Из-под двери просачивается свет, и я жду с минуты, когда музыка прекратится. Но этого не происходит.

Я медленно вылезаю из кровати и на ощупь пробираюсь к двери. Из коридора до меня еле-еле доносится мелодия, но звучит слишком близко, чтобы быть музыкой с вечеринки. Я прислушиваюсь и тут же понимаю, что уже где-то слышала эту песню. Только никак не могу вспомнить где.

Оглянувшись назад, в темноту комнаты, я размышляю, не вернуться ли мне обратно в постель. Но, наконец, мысль о том, что где-то совсем недалеко проходит вечеринка, становится слишком заманчивой. Я открываю дверь, петли которой скрипят в тишине, и высовываю голову, чтобы проверить, нет ли кого в коридоре. Поначалу меня ослепляет внезапный яркий свет, но глаза почти сразу привыкают, и я вижу, что там никого нет. Кажется, что музыка доносится из конца коридора.

Что же это за песня?

Выдвинув щеколду, чтобы дверь случайно не захлопнулась, оставив меня снаружи, я, босая, выхожу из комнаты. Прикрыв дверь, я ещё раз с любопытством осматриваюсь. Вроде как бренчат струны, похоже на гитару, но медленно, слишком медленно, чтобы разобрать мелодию. Как только я покидаю безопасное пространство рядом с дверью своего номера, моё сердце тут же начинает бешено колотиться, а в горле сразу становится сухо.

Я изучаю каждую дверь, мимо которой прохожу, пытаюсь найти источник музыки. Не знаю точно, который час, но уверена в одном — безумно поздно, чтобы не спать. Поздно, чтобы непрерывно слушать одну и ту же песню. *Что же за песня?* Чем ближе я подхожу к последней комнате, тем ниже становится температура, всё холоднее и холоднее. Я начинаю дрожать и обнимаю себя руками, потирая плечи. Как бы мне хотелось, чтобы брат и папа жили на этом же этаже! Ненавижу быть одной. Я уже почти у последней двери — номер 1336 — когда музыка начинает угасать, словно кто-то медленно поворачивает ручку громкости.

Я останавливаюсь, застывая на месте от ощущения, что за мной наблюдают. Тяжело сглотнув, я оглядываюсь назад. В полном ужасе от того, что сейчас увижу там кого-то (*что-то*).

Музыка пропала. А я, тяжело дыша, стою посреди коридора отеля «Руби», босая и замёрзшая. Ещё раз взглянув на дверь, я разворачиваюсь, чтобы быстро вернуться в свой номер. Проскальзываю к себе и захлопываю дверь, прижимаясь ладонями к её поверхности, пока перевариваю обуявший меня страх. На всякий случай я закрываю все замки и придвигаю к двери кресло.

Не отрывая взгляда от дверной ручки, уверенная, что она в любой момент может повернуться, я отступаю назад, к кровати. Но минуты идут, начинает всходить солнце, и моя паника спадает. *У меня сдают нервы*, говорю я себе. *А может, я просто немного пьяна.*

В конце концов, я залезаю под одеяла, изнурённая, всё тело болит. Скоро я засну, и мои настоящие страхи найдут меня — всё как обычно — чтобы напомнить о том, как я

разрушила свою жизнь.

У меня не получилось порвать с Райаном официально. Неделями, даже месяцами я представляла себе всевозможные сценарии, в которых произносила: «Райан, я тебя больше не люблю. Я хочу, чтобы мы были друзьями». Он и был моим лучшим другом, секс был даже ни при чём. Я бы отстранялась, когда он хотел бы меня поцеловать, находила бы отговорки, когда ему захотелось бы взять меня за руку. Райан любил меня по-прежнему, как всегда. Я не могла разбить ему сердце.

Приближалась наша двухлетняя годовщина, когда я наконец решилась на это — закончить наши отношения. Я прорыдала всю ночь, мысленно и эмоционально подготавливая себя к тому, что собиралась сделать: он зайдёт за мной, чтобы мы вместе отправились в школу, но перед тем, как мы уйдём, я скажу ему.

Однако, когда на утро я спустилась вниз, то увидела свою маму, которая готовила завтрак. Она никогда не задерживалась в учебные дни. У меня внутри словно всё оборвалось, потому что это означало, что ещё день, снова, мне придётся притворяться девушкой Райана Мартина.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросила я, стоя босыми ногами на холодном линолеуме, в футболке Университета штата Аризона, плотно облегающей мою грудь. — Ты же должна быть на работе.

Мама рассмеялась, стоя у плиты. Тем самым смехом, которым смеются мамы, когда думают, что их дочери слишком остро на что-то реагируют, означаящим: *И что за драма обрушилась на тебя сегодня?*

— Даже не знаю, Одри, — сказала она, отворачиваясь, чтобы налить на сковороду порцию блинного теста. — Некоторые называют это завтраком. Понимаешь ли, он не всегда появляется из коробки с кашей.

— Не может быть, чтобы ты осталась дома, — сказала я ей. — Ты всё испортишь.

Мои глаза начали наполняться слезами, и мама, убрав сковородку с плиты, пересекла кухню. Она положила ладони — ладони, которые всегда были холоднее моих — мне на плечи и уперлась в меня своим взглядом.

— Что случилось? И что именно я могу испортить?

Моей матери нравился Райан. Нет — она любила Райана! Она считала его милым, добрым. Я даже как-то раз посоветовала ей усыновить его, потому что как только он оказывался у нас дома, она окружала его такой заботой, словно он вышел из её чрева. Я смотрела в её серо-голубые глаза, такие же как у Дэниела, и никак не могла собраться с духом, чтобы сказать ей, что я решила навсегда изменить свою жизнь. Пусть мне и хотелось остаться с Райаном друзьями, я понимала, что в реальности этого не могло случиться. Моё самосознание изменилось бы.

— Я... — начала я, не зная, что сказать, чтобы выражение озабоченности покинуло её лицо. Запах блинчиков — муки и сливочного масла — висел в воздухе, смешиваясь с моим страхом, отчего меня затошнило.

— Ничего, — проговорила я, качая головой. — Минут через двадцать придёт Райан, так что тебе лучше сделать ещё блинов.

Она не поверила в мою отговорку, выгнув бровь, раздумывала, надавить на меня или нет. Не стала. Мама вернулась к своим блинам, а я оделась и рассеянно почистила зубы и причесалась. Ещё один мёртвый день.

Только вот мёртвой оказалась моя мама, спустя меньше двух часов.

Я открываю глаза и пялюсь в потолок. Воспоминание о прикосновении мамы к моим рукам, прохладное и успокаивающее, исчезает. Я крепко зажмуриваюсь — мне безумно её не хватает! Как бы мне хотелось поблагодарить её за блины и попросить остаться, остаться надолго.

Стук в дверь заставляет меня подскочить и сесть на кровати. Внезапно дезориентированная, я оглядываю оклеенную обоями комнату. Белое покрывало, величественные деревья за окном — я не в Финиксе. Через секунду в голове щелкает — я в «Руби».

Снова стучат.

Я ищу глазами, где бы узнать, который час, но на прикроватном столике нет будильника. Только позолоченная лампа.

— Минутку! — кричу я хриплым ото сна голосом.

Когда я встаю, моя лодыжка сгибается под весом моего тела, и я падаю обратно на кровать. Быстро подвернув штанину пижамы, я ожидаю увидеть припухлость, но вместо этого обнаруживается совершенно здоровая нога, пальчики которой окрашены в ярко-розовый цвет. Осторожно опустив ногу на ковёр, проверяю, в порядке ли она, прежде чем снова подняться с кровати. Всё нормально.

Из-за двери доносится голос моего брата:

— Одри, поторопись! Мой желудок начинает поедать сам себя.

Я же пару раз топаю ногой, готовая к острой боли — но нет, ничего такого. Сделав несколько прыжков, решаю, что ногу просто свело судорогой. Я отодвигаю стул от двери, смущённая тем, что так сильно запаниковала. В свете дня это кажется глупым.

Открыв дверь, я вижу Дэниела, одетого в ту же самую одежду, что и минувшим вечером. Его волосы торчат в разные стороны, а на подбородке виднеется светлая щетина.

— Выглядишь ужасно, — говорю я. — Какой час? У меня нет часов.

Дэниел пожимает плечами.

— Что-то в районе утра. Завтрака. По-моему, в этом отеле вообще нет часов. Я, по крайней мере, не видел ни одних. Но кого это волнует? Мы на отдыхе.

Я открываю дверь шире, и Дэниел заходит в номер. Он садится на край кровати и проводит рукой по своим волосам.

— У меня была просто невероятная ночь, Од, — говорит он. — Это офигенный отель!

— Ты ходил на вечеринку?

Я поднимаю с пола свою сумку с вещами и бросаю её рядом с Дэниелом. Роюсь в куче одежды, но не нахожу ничего, что мне бы действительно хотелось надеть, поэтому переворачиваю сумку и вытряхиваю её содержимое.

— Это та, что по приглашению? — спрашивает Дэниел. — Увидел его только сегодня утром. А ты ходила? Почему меня не позвала?

Я смеюсь.

— Уф, да потому, что меня выставили оттуда уже через минуту, как я там оказалась. — Мне на глаза попадается красная спортивная майка, и я откладываю её в сторону, продолжая поиски, но теперь уже пары в меру чистых джинсов. — Так тебя пригласили?

Он кивает, а я оглядываю комнату, пытаюсь отыскать своё приглашение. Не нахожу.

— Что ж, — говорю я, хватая одежду. — Она проходила в банкетном зале — когда мы приехали сюда, играла музыка. Уж не знаю, как ты её пропустил.

— Честно говоря, я ни на что не обращал внимания, — признаётся он. — Когда ты

уехала в лифте, я пошёл посмотреть, нет ли у них спортзала.

Он ухмыляется.

— А вместо этого встретил девушку.

— Прошу, не рассказывай мне об этом. — Хотя он всё время рассказывает мне всё, особенно с тех пор, как умерла мама.

Грудь сдавливают, и я направляюсь с одеждой в ванную. Дэниелу я говорю, что вернусь через секунду, и он выглядит обиженным на то, что я не лезу из кожи вон, чтобы услышать его рассказ.

Дверь в ванную со щелчком закрывается, и я опускаю лоб на её деревянную поверхность. В последнее время я привыкла блокировать любые мысли о маме, отвлекая себя, когда она пыталась в них проникнуть. Но сейчас я не могу — не могу, когда за дверью сидит Дэниел с щенячьими глазами и ждёт, что я поглажу его по головке и скажу ему, какой он классный парень. Дэниел и мама были лучшими друзьями. Порой, вернувшись из школы, я заставляла их за кухонным столом, когда они просто болтали. Смеялись. Он рассказывал ей всё подряд. Сейчас он хочет, чтобы я заняла её место, хотя очевидно, что мне это не удаётся, и Дэниел ненавидит меня за это.

Я выпрямляюсь и быстро моргаю, чтобы сдержать навернувшиеся на глаза слёзы. Мне следует быть сильнее. Фарфоровая раковина холодит мои пальцы, когда я хватаюсь за её края, глядя на своё отражение в зеркале до тех пор, пока пульс не успокаивается. Дэниел здесь, и я ему нужна. Поэтому мне придётся вести себя повежливее.

Взяв зубную щётку и пасту, предлагаемую отелем, я поворачиваю кран. Вкус у пасты известковый, похож на соду, и я полоаскаю рот. Моё отражение смотрит на меня, удивляя тем, насколько хорошо я выгляжу. Этой ночью у меня, возможно, был самый лучший сон с...

— Одри, — канючит из комнаты Дэниел, — я тут умираю.

Мой брат очень избалованный, но его можно выносить. Я натягиваю джинсы и надеваю через голову майку. Теперь, когда пришёл Дэниел, я понимаю, что тоже голодна. Я ничего не ела с прошлого вечера.

Дэниел валяется на моей кровати, откинувшись на локти, и по-прежнему ухмыляется.

— Итак, всё началось с той великолепной блондинки, — говорит он в то же мгновение, когда я выхожу из ванной, словно до этого нас прервали на середине разговора.

— Я потерялся в коридоре... а ты уже успела здесь осмотреться? — прервавшись, спрашивает он. — Тут как в лабиринте с кривыми зеркалами. Да и неважно. Я, значит, пытаюсь отыскать дорогу в вестибюль, как из какой-то комнаты вываливается эта девушка, и дверь захлопывается у неё перед носом.

— Звучит многообещающе. — Я наклоняюсь, чтобы поднять кроватный подзор, пытаюсь отыскать свои вьетнамки. Вот и они.

— Да? — Дэниел смеётся. — Так вот, она плачет, вокруг глаз размазана чёрная хрень. Но она такая красивая. И я не имею в виду обычную привлекательность. Эта девушка словно сошла с классических полотен.

Упершись рукой в бедро, я усмехаюсь.

— Серьёзно? Ты что, пьян?

Дэниел садится, широко раскрывая честные глаза.

— Я не шучу, Од. Она была... совершенной. Светлые волосы, изящное платье — шикарная девушка, — с особым выражением добавляет он. — И даже с размазанной косметикой её кожа светилась как у тех жутких кукол, которых тебе присылала бабуля.

Он показывает мне рукой, чтобы я вспомнила.

— Как у фарфоровой куклы? — спрашиваю я.

— Да!

— Дэниэл, судя по твоему описанию, она ужасна. Тех кукол я запирала на ночь в шкафу, чтобы они не смогли меня убить. Ты уверен, что это не было галлюцинацией?

Он качает головой, улыбаясь самому себе.

— Не. Она была реальной. Я подошёл к ней и спросил, всё ли в порядке. Она довольна долго смотрела на меня, я даже подумал, что, может, у неё что-то типа нервного срыва. А потом вдруг сказала мне, что я симпатичный.

Моя губа насмешливо кривится. У моего брата всегда был отвратительный вкус, если говорить о девушках. Это даже стало темой наших семейных шуток за ужином. Но эта, похоже, попадает в категорию уникальных. Ведь ясно же, что кто-то выставил её из номера. А значит, у неё какие-то проблемы.

— И ты ответил ей тем, что...?

— Я её поцеловал, — говорит Дэниэл с таким видом, словно это единственный логичный ответ. — Меня ведь не каждый день называют симпатичным, Одри.

Теперь я уже смеюсь.

— О, я тебя умоляю! В альбоме выпускников тебя выбрали Самым красивым. Неужели тебе требуется ещё больше признания?

— Я требовательный.

Обув вьетнамки, я достаю из рюкзака свою сумку. Для поездки к бабушке мне не пришлось паковать много вещей. Получились только спортивная сумка и рюкзак. Вся моя жизнь могла бы уместиться на багажной полке. Дэниэл вскакивает с кровати, намереваясь окончить своё повествование.

— Так что мы поцеловались, а её кожа была холодной как лёд. Я спросил её, не хочет ли она взять мою толстовку.

— Гадость какая, ту, грязную?

Он пожимает плечами и придерживает передо мной дверь.

— Она её не взяла. Сказала, что в комнате у неё есть шаль.

Дверь с громким треском захлопывается за нами. Мы с Дэниэлом оборачиваемся в коридор, на другие номера. Тишина настолько зловещая, что у меня невольно напрягаются плечи.

— Э-э-э... — умолкает Дэниэл, по всей видимости, чувствуя то же самое, а затем продолжает: — А потом она взяла меня за руку и повела по коридорам. Боже, такое ощущение, что мы шли несколько часов.

Когда мы оказываемся у лифта, Дэниэл протягивает возле меня руку и несколько раз нажимает на кнопку вызова. Такими странными его истории оказываются редко, но в последнее время был просто наплыв отчаявшихся девиц. Тех, которые нуждались в нём, тогда как в действительности нуждающимся был он.

— И куда вы направились? — спрашиваю я. Двери лифта открываются, и мы заходим внутрь. Дэниэл нажимает на кнопку вестибюля, а я смотрюсь в зеркало и приглаживаю свои непослушные пряди. Стоило взять резинку для волос — а что если я случайно встречу Элиаса?

— Мы никуда не направлялись, — говорит Дэниэл, опираясь на блестящие золотые перила. — В том-то и дело — всю ночь мы просто шли и шли по коридорам.

— Утро, — поправляю я, но тут же извиняюсь, когда он бросает на меня взгляд типа «не корчь из себя всезнайку».

— Потом мы оказались у двери в её номер, и она спросила, не хочу ли я зайти.

— Всё, на этом можно остановиться, — предостерегаю я, поднимая палец. И я признательна, что в этот самый момент двери лифта открываются в вестибюле. Там туда-сюда слоняются гости, живые, болтают друг с другом. Зловещее ощущение, которое оставил после себя тринадцатый этаж, исчезает, и меня вновь поражает великолепие отеля «Руби». Мы с Дэниелом двигаемся к переполненному ресторану, и брат машет рукой, когда видит нашего отца, уже ждущего нас за столиком.

— Будь спокойна, — говорит мне мой братец, когда мы усаживаемся рядом с папой. — Ничего не было. Я знаю, как набивают себе цену.

Я смеюсь, а папа вопросительно поднимает брови.

— Мне захочется узнать, о чём ваш разговор? — спрашивает он.

Я поворачиваюсь к нему, потрясённая бодростью в его голосе. Тёмные круги под глазами, которые стали его постоянными спутниками после смерти мамы, исчезли.

— Дэниел познакомился с девушкой, — говорю я, проверяя папину реакцию. Большею частью лишь для того, чтобы посмотреть, отмахнётся ли он от нас, как прежде. Пробурчит нечто бессвязное.

— Ничего себе! — не без сарказма отвечает отец, а затем улыбается. Из-за чего я чуть не падаю со стула. Мы с Дэниелом переглядываемся, а затем оба поворачиваемся к нему, чтобы убедиться, что нам не показалось. Перед нами... прежний папа.

— Как её зовут? — спрашивает он.

Глаза Дэниела загораются, словно у маленького ребёнка, и то, насколько он жаждет внимания нашего отца, разбивает мне сердце.

— Кэтрин, — отвечает мой брат. — Только я не помню её фамилию.

У меня внутри всё сжимается.

— Кэтрин? — переспрашиваю я.

Дэниел кивает, а затем начинает пересказывать всю историю для папы. Я делаю глоток воды из стакана, стоящего на столе, точно зная, о ком идёт речь. О той девушке, что подходила к Элиасу. Она вела себя грубо, угрожала, а Элиас назвал её психопаткой.

Ну конечно же, моему брату непременно нужно было связаться именно с ней!

Вообще-то, у меня два выхода. Я могу рассказать Дэниелу, что она — отстой, и от неё нужно держаться подальше, или могу ничего не говорить. Как бы поступила мама? Я вспоминаю отрывки их с Дэниелом разговоров. Она бы пошутила, но в её шутках была бы и истина. Что-то типа скрытого совета, который мой братец мигом заглотил бы, потому что этот совет был приправлен сахарком. Но, опять же, мы уезжаем сегодня. Так что, пожалуй, об этом не стоит волноваться.

— Поведай папе о том, что она похожа на фарфоровую куклу-убийцу, — говорю я, и мой брат смеётся. До него не доходит, что эти слова следует понимать буквально. Дэниел продолжает свою историю, рассказывая нам малейшие подробности, вплоть до того, что её волосы пахли персиками. Я с радостью отвлекаюсь на официантку, которая подходит, чтобы принять наш заказ.

— Я заказал тебе кофе, — говорит отец, указывая на стоящую передо мной чашку. С щемящим чувством я благодарю его и поворачиваюсь к официантке.

— Могу я вместо этого взять сок? — спрашиваю я. — Ненавижу кофе.

Она улыбается, но эта улыбка не отражается в её глазах. Мама говорила мне, что искреннюю улыбку можно узнать по морщинкам, которые собираются вокруг глаз. Девушка быстро записывает за мной.

— Позвольте мне порекомендовать вам ветчину, — говорит она, открывая меню и указывая на блюдо.

Я морщу нос.

— Ветчина слишком отдаёт свиной.

Я улыбаюсь.

— А как насчёт блинчиков? — спрашиваю я, притворяясь, что это не имеет никакого отношения к воспоминаниям о маме. Притворяясь, что таким образом я не стараюсь почувствовать к ней близость.

Официантка пробегает глазами меню, будто сомневается, что они там указаны, а я смотрю на табличку, на которой указано её имя — Таня.

— Хороший выбор, — говорит она, захлопывая меню так, что дуновение воздуха касается моего лица и вздымает мои волосы. — Что к ним добавить?

— На ваше усмотрение, — задабривая её, предлагаю я. Она смотрит на меня так, словно я сказала что-то не то. Волоски у меня на затылке встают дыбом, и я начинаю вертеть в руках салфетку, чтобы отвлечься.

— Тогда фрукты, — говорит она и обходит стол, направляясь к Дэниелу. Мне не по себе, но я наблюдаю за тем, как официантка принимает его заказ. Её короткие вьющиеся волосы убраны назад ободком, красная помада оттеняет тёмную кожу. Словно почувствовав мой взгляд, девушка смотрит на меня, и я опускаю глаза.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает отец, ошарашивая меня своим вопросом. — Ты какая-то бледная.

— Просто проголодалась, — отвечаю я, расправляя салфетку на коленях. Когда официантка уходит, я придвигаюсь ближе к столу, к своей семье.

— А вы знаете, что здесь вроде как водятся призраки? — спрашиваю я.

Дэниел закатывает глаза.

— Да, Кэтрин упоминала об этом. Думаю, именно поэтому им и удаётся сохранять свой бизнес. Мы где-то у чёрта на куличках.

— Я тут подумал, — говорит папа в перерыве между глотками кофе. — А не остаться ли нам ещё на одну ночь?

— Правда? — спрашиваю я, и по моему лицу расплзается улыбка. Ещё одна ночь в «Руби» — это просто мечта! Ведь она не только отдалит мои страдания, но и подарит возможность поближе узнать того красавчика с вечеринки.

— А как насчёт двух ночей? — спрашивает Дэниел. — У меня планы, пап. И плевать, что мне вряд ли удастся осуществить их за какие-то сорок восемь часов.

— Что ж, тогда до пятницы, — отвечает отец, поднимая свою чашку. — Побудем вместе до пятницы.

Мы с Дэниелом обмениваемся взглядами, но я не позволяю последним словам вовлечь меня в размышления о том, что будет после. Этот момент слишком хорош.

— А теперь, — продолжает папа, — расскажи мне побольше про эту девушку, Кэтрин.

Дэниел пускается в изложение своих захватывающих планов по охмурению Кэтрин, а спустя пятнадцать минут Таня ставит передо мной тарелку. На ней яичница-болтунья с гарниром, а рядом — дымящийся кусок ветчины, яркое розовое пятно на белой тарелке. Я

поднимаю глаза на Таню, и девушка улыбается мне.

— Приятного аппетита, — шепчет она, протягивая мне столовый нож. Я тяжело сглатываю, забирая его из её руки. Я могла бы начать спорить, устроить сцену. Но сейчас Дэниел и папа так счастливы, что я ни за что на свете не стану это разрушать. Даже ради блинчиков.

Я впиваюсь ножом в кусок мяса, думая о том, что мне придётся его съесть, дабы усмирить свой урчащий желудок. Отправляю толстый кусок в рот, обхватывая рукой стакан. Таня поворачивается, чтобы взять с подноса ещё одну тарелку, и моё внимание привлекает вспышка красного. Я в ужасе, с громким лязгом, роняю столовые приборы. Таня истекает кровью — на её боку кровавое пятно размером с кулак. У меня рот набит едой, и я пытаюсь выговорить хоть что-то, тыча трясущимся пальцем в направлении официантки. Папа, увидев это, хмурит брови.

— Вам не нравится? — вмешивается Таня, явно обеспокоенная. Я вновь поворачиваюсь к ней — крови больше нет. На её белоснежной рубашке ни пятнышка, она чистая и отутюженная. У меня трясутся руки, а мои глаза бегают туда-сюда между её лицом и пропавшим пятном.

— Что-то не так? — спрашивает она и, слегка прищутив левый глаз, изучает меня.

— Нет, — говорю я, прижимая ладонь ко лбу. Я провожу рукой вниз по щеке, а потом прогоняю нервозность. — Должно быть, мне показалось.

Таня закусывает свой длинный, ярко-красный ноготь, словно задумавшись о чём-то. Затем она вежливо улыбается.

— С кем не бывает, — отвечает девушка. — Приятного завтрака.

И тут она уходит, чтобы принести другие тарелки.

Закончив завтракать, я решаю наведаться в магазин сувениров, который заметила, пока мы регистрировались. Меня переполняет волнение от того, что нам предстоит остаться здесь ещё на пару ночей, и я внимательно разглядываю магазин, который больше похож на универмаг, чем на лавку, забитую всяческими сувенирными безделушками. Здесь продаются не только стандартные брелоки и стопки, но и наборы изысканных бокалов и тарелок, комплекты постельного белья и мягкие банные халаты — всё, что будет напоминать вам об отеле «Руби» дома. Немного странно, что уж говорить. Но моим вниманием завладел шерстяной шарф, свисающий с вешалки.

В Аризоне я не особо часто носила шарфы, по крайней мере, настоящие, добротные. Так, декоративный шарфик в качестве аксессуара к джинсам и сапогам, но такой... Я снимаю его с вешалки и наматываю на шею. Своей мягкостью он напоминает кашемир, но гораздо толще и теплее. Он идеально подойдёт для затяжных зим в Элко, холодных дней, которые мне суждено проводить на перестроенном чердаке, запертой, словно позабытое прошлое моего отца.

Мысль о переезде к бабушке вновь наполняет меня ужасом, я снимаю с себя шарф и завязываю его на вешалке. Затем прохожу чуть дальше, к развешанным футболкам, и задерживаюсь у одной, тёмно-красной, с вышитым логотипом отеля на груди. Улыбнувшись, я начинаю искать размер побольше. Отыскав нужный, беру футболку и пытаюсь определить, подойдёт ли она Райану. Его руки стали более мускулистыми, так что всякий раз, когда я покупаю ему большой размер...

Райан. Выронив футболку из рук, я делаю шаг назад. Всё это время я была словно на автопилоте, до такой степени наши с Райаном отношения укрепились в моём сознании — я машинально покупаю для него вещи, запоминаю всякие мелочи и забавные случаи, чтобы потом рассказать ему о них. И это при том, что я даже не собираюсь ему звонить. Я так долго хотела быть свободной, что теперь, когда это произошло, я не знаю, кем хочу быть. Я не уверена и в том, кто я есть сейчас.

Я отхожу от футболок и направляюсь к стойке со свечами, расположенной у кассы. За прилавком сидит среднего возраста женщина и читает «Энтертейнмент Уикли»^[2], а в дальнем углу магазина какой-то парень пополняет запасы на книжных полках. Женщина поднимает глаза от журнала и улыбается.

— Приветствую, милочка, — говорить она с едва различимым южным акцентом. — Ищешь что-то особенное или просто смотришь?

— Просто смотрю, — отвечаю я. Она кивает, но откладывает журнал в сторону, будто я целиком завладела её вниманием. Продавщица примерно одного возраста с моей матерью, элегантная и безупречная, одетая в костюм цвета слоновой кости с подплечниками. Вид у неё такой, словно она только что сошла со страниц каталога какой-нибудь известной марки. У неё широкая и искренняя улыбка, а её духи напоминают мне о бабушке — стильной богатой бабушке, которая надевает пиджак, чтобы поработать за кассой.

— Хотя, — говорю я, надеясь завести разговор, — возможно, мне захочется кое-что купить для своего бывшего парня.

Она усмехается и, напугав меня, хлопает ладонью по столешнице.

— Вот это другое дело!

Женщина обходит прилавок и встаёт передо мной. Я читаю имя на бейджике: Астрид.

— А я уж думала, что остаток дня мне придётся умирать от скуки. Ты видела этих людей? — Она показывает руками вокруг себя. — Они такие скучные, как ходячие мертвецы.

— Ну а теперь, — продолжает продавщица, — скажи-ка мне, ты собираешься завоевать своего бывшего обратно или это будет презент-извинение?

— Определённо, извинение, — говорю я, от смущения мой голос дрожит. Улыбка Астрид чуть угасает, и она наклоняется ближе.

— Тогда у меня есть то, что идеально подойдёт, — шепчет женщина и начинает двигаться в том направлении, откуда я только что пришла.

Я следую за ней, сомневаясь, что всё-таки отправлю Райану этот подарок, какой бы он ни был. Но со смерти моей матери я больше не разговаривала ни с одной женщиной. Так что, может, сейчас я смогу притвориться, будто разговариваю с мамой. Быстро сморгнув наворачнувшиеся слёзы и шмыгнув носом, я останавливаюсь рядом с Астрид перед витриной с декоративными баночками и коробками шоколадных конфет.

— Вообще-то, он не такой уж любитель романтики, — говорю я, оглядываясь по сторонам. Астрид тянется мимо меня и берёт с полки белую коробку с шоколадом, а потом протягивает мне. Я нерешительно забираю коробку, но качаю головой.

— Райан не станет это есть, — говорю я ей. — Он до чёртиков одержим своей диетой. Побольше белков, поменьше углеводов, никакого сахара.

Я кладу коробку обратно на полку и с удивлением вижу, что Астрид мне улыбается.

— Они не для него, — говорит она, вновь забирая коробку и направляясь с ней к кассе. — Они для тебя.

— Для меня?

Астрид проходит за прилавок и вытаскивает пакет, на котором по диагонали красными буквами написано: «Отель „Руби“». Она кладёт конфеты внутрь и пробивает их. Я смотрю на неё, словно она потеряла рассудок. Когда становится очевидно, что я не собираюсь платить за покупку, она наклоняется над кассовым аппаратом.

— Тебе не за что извиняться, — говорит она вроде как оправдываясь. — Просто отпусти это, милочка.

— Не хочу показаться грубой, — начинаю я, — но, если честно, я многим ему обязана. И это куда как больше коробки шоколадных конфет.

— Может, оно и так, — говорит она, выражение её лица становится серьёзным. — Но в этом вся наша жизнь — приводить всё в равновесие. Он здесь, с тобой?

— Нет. И сомневаюсь, что когда-нибудь увижу его снова.

Астрид кладёт свою руку поверх моей.

— Вот видишь?

Она отворачивается к кассе, словно только что сказала нечто значительное, но я немного в замешательстве. Завязывать дружескую беседу с первой попавшейся продавщицей оказалось не самой хорошей идеей.

Что ж, по крайней мере, она выбрала конфеты с подсолённой карамелью. Они мои любимые. Я ещё раз оглядываю прилавок и замечаю почтовые открытки. Одна из них привлекает моё внимание, и я вытаскиваю её из пластиковой подставки. На открытке изображён написанный маслом отель, особо выделяются массивные двери парадного входа и витражные окна. На деревьях сияют огоньки, наделяя изображения какой-то магией. На

обратной стороне напечатано: «Останьтесь на сегодня. Останьтесь навсегда».

— Астрид, — говорю я, двигая открытку по прилавку. — Вы можете добавить и это?

Её взгляд быстро перемещается от открытки на меня, она выглядит немного раздражённой из-за того, что я не хочу прислушаться к её совету и «отпустить». Она пробивает открытку и засовывает её в пакет, к коробке с шоколадом, сообщая мне общую сумму. Я даю ей несколько банкнот и, пока жду сдачу, замечаю, что парень закончил заполнять полки. Пустая тележка по-прежнему стоит на месте, но сам он пропал.

— Ну вот, — говорит Астрид, протягивая мне пакет.

Я благодарю её, забирая свои покупки, и иду в сторону выхода, уже думая, что напишу Райану на открытке.

— И, милочка, — окликает продавщица. Я поворачиваюсь к ней, и она мне улыбается. — Добро пожаловать в «Руби».

Поднявшись в свою комнату, я принимаю душ и подкрашиваюсь. Прихорошившись, открываю коробку с конфетами и засовываю одну из них в рот. Поначалу я наслаждаюсь богатым сладким вкусом, но чем дольше жую, тем больше начинает пробиваться привкус свернувшегося молока.

— Беее, — говорю я, открывая рот и выплёвывая конфету в мусорную корзину, куда она приземляется с глухим стуком. Прополоскав рот, тщательно осматриваю коробку, пытаюсь найти срок годности. Не обнаружив ничего подозрительного, я закрываю коробку и выбрасываю её целиком в мусорку.

— Пустая трата денег, — говорю я, выключая свет в ванной и возвращаясь в комнату.

Я сажусь на кровать и кладу на колени карту с описанием услуг, предоставляемых в номер. Открытка лежит на одеяле рядом со мной. Я беру ручку с прикроватной тумбочки и выдыхаю, чтобы успокоиться. Откинувшись на подушки, кладу открытку на карту, чтобы было удобнее писать.

Проходит минут двадцать, а слова так и не идут. Их слишком много, они слишком претенциозные, чтобы влезть в строчку, написанную ручкой. Возможно, Астрид была права — мне следовало отпустить эту ситуацию. С каждой минутой я раскаиваюсь всё больше, и чувство вины вот-вот сожрёт меня живьём. В попытке избавиться от боли, я быстро царапаю на открытке несколько слов и подписываю её.

Прости за всё.

— *Одри*

Покончив с этим, я вскакиваю с кровати, засовываю открытку в задний карман джинсов и надеваю сандалии. Спускаюсь вниз и попрошу их отправить моё сообщение. И тогда дело будет сделано. Всё закончится. Я позволю этому закончиться.

А уж затем я переключу всё своё внимание на Элиаса, это превосходное отвлечение. Я не собиралась замутить с незнакомцем от скуки, но этот парень в костюме определённо мне нравится. И, по-моему, я вроде тоже ему понравилась. Очень приятно вновь почувствовать, что кто-то к тебе равнодушен.

Я беру карту-ключ и направляюсь к двери.

В лифте я приглаживаю волосы, ибо они упрямо торчат в разные стороны, делая меня похожей на сумасшедшую. Я пытаюсь справиться с ними, когда двери открываются. У меня замирает сердце. В лифт входит Элиас и опирается на зеркальную стену.

— Одри Каселла, — говорит он, отодвигаясь в сторону, чтобы перед ним оставалось место. — Ты до сих пор здесь.

Его взгляд перебегают с номера этажа вновь на меня.

— Какой неожиданный сюрприз.

— Не говори! — Из-за его пристального взгляда я заливаюсь краской. — Мой отец решил, что мы останемся ещё на несколько дней. Так-то, чтобы встретиться с тобой, я бы подождала и заявила на твою роскошную вечеринку, но мне сказали, чтобы попасть туда, нужно приглашение. Совсем не пафосно, ага. — Он усмехается, а я искоса смотрю на него. — Эй, ты потерял свой костюм.

— Я отлично выгляжу и без него.

Я смеюсь, опуская глаза в пол, — уверена, ему ничего не стоило понять мой восторг от встречи с ним. Мои накрашенные розовым ногти ярким пятном выделяются на фоне сдержанных цветов лифта, красного и серого, и я перевожу взгляд на обувь Элиаса — мягкие коричневые мокасины. Ещё на нём шорты цвета хаки и хлопчатобумажная белая рубашка, рукава которой закатаны. Его волосы зачёсаны, однако несколько прядей выбились вперёд. Он оказывается выше, чем мне помнится, и, дальше продолжая рассматривать его, я понимаю, что Элиас улыбается и смотрит прямо перед собой. Я следую за его взглядом и упираюсь в наше отражение в дверях лифта. Когда мы встречаемся глазами в глянцевой поверхности, он подмигивает. Я улыбаюсь и отвожу взгляд.

Лифт останавливается и звенит сигнал, сообщающий, что мы в вестибюле.

— Куда ты сейчас? — Элиас показывает мне рукой выходить первой, когда двери открываются. — Я решил, что могу поменять свои планы.

Я поворачиваюсь к нему, картонный прямоугольник в моём кармане вызывает во мне такое ощущение, будто я обманываю. Только вот кого? На этот вопрос у меня нет точного ответа.

— Мне... эээ... нужно отправить открытку своему бывшему.

— Я начинаю немного ревновать, — говорит Элиас, хотя его полуулыбка говорит совсем о другом.

— Было бы из-за чего. Это извинение за то, что я была ужасной девушкой.

— Как учтиво с твоей стороны! — Элиас посмеивается. Мы нарочито медленно шагаем через вестибюль, чтобы продлить наше время вместе. — Не могу припомнить, чтобы хоть одна из моих бывших девушек так волновалась. Твой парень... — Элиас замолкает и ждёт, когда я подскажу ему имя.

— Райан.

— Райан, — продолжает он, — должно быть, классный парень. Или ты действительно вела себя ужасно.

— Пятьдесят на пятьдесят, мне кажется.

— Надеюсь, тебе никогда не придётся оказывать такую же любезность и мне.

Мы подходим к пустой стойке регистрации, и я посылаю Элиасу виноватую улыбку.

— Думаю, я не пробуду здесь достаточно долго, чтобы наши отношения приобрели официальный статус, так что ты в безопасности, — говорю я ему.

Элиас разворачивается и опирается на столешницу, чтобы ему был виден вестибюль.

— Я не боюсь обязательств, — отвечает он.

— Я боюсь.

— Чёрт, а ты интересная. — Элиас украдкой косится на меня, его губы кривятся в ухмылке. — Позволь, я украду тебя хотя бы на чуть-чуть. Проведу для тебя тут экскурсию.

Я всерьёз обдумываю его предложение, когда открывается дверь в заднюю комнату, и

оттуда выходит Кеннет. Он ослепительно улыбается, как будто рад, что мы тут стоим и ждём его. Элиас бросает на него взгляд, но не приветствует его. Однако Кеннет и бровью не ведёт.

— Мистер Ланж, — говорит он, кивая Элиасу. — О, мисс Каселла. Вы всё ещё здесь. Чем могу быть полезен?

Вообще-то, это всё ещё более странно, чем мне казалось. Я отхожу от Элиаса и вытаскиваю открытку из заднего кармана.

— Как бы мне отправить вот это? — спрашиваю я тихим голосом и двигаю открытку через стойку, но Кеннет лишь смотрит на неё, не прикасаясь к ней.

Когда он ничего не отвечает, я прокашливаюсь, чтобы мой голос стал звучать увереннее.

— У меня нет марок, — говорю я. — Я подумала, может быть...

— Я сейчас же этим займусь, — произносит Кеннет, складывая руки перед собой. Но он не продолжает, даже адрес не уточняет. Я жду, долго, но его лицо выражает лишь угодливость. Я благодарю его и поворачиваюсь к Элиасу, широко раскрывая глаза и показывая ему, что портье какой-то странный.

На губах Элиаса быстро мелькает улыбка, но вот он вежливо кивает Кеннету и берёт меня за руку, чтобы увести отсюда. Когда мы пересекаем вестибюль, его пальцы выскальзывают из моих, отчего по мне пробегает холодная дрожь. Мы оборачиваемся к Кеннету. Он наблюдает за нами, но потом забирает открытку и исчезает в задней комнате.

— Ну и, — начинаю я, — что за проблемы у этого парня?

Элиас издаёт стон, будто не знает с чего начать, да ему и всё равно.

— Как ты уже сказала, вы не задержитесь здесь на столько, чтобы тебе пришлось отправлять мне крайне вежливое сообщение о том, что бросаешь меня, — говорит он. — Так стоит ли тебе тратить своё время на догадки о том, что на уме у портье? Но совершенно точно тебе стоит сделать одно — пойти со мной.

Он протягивает мне руку.

— И куда мы собираемся? — с наигранным подозрением спрашиваю я.

Элиас смеётся и опускает руку.

— В ад, возможно. Но для начала я бы украдкой провёл тебя по «Руби». Кеннету это совсем не понравится.

— Я думала, мы не будем тратить время на беспокойство о нём.

— Я буду беспокоиться за нас двоих, — говорит Элиас. — Кеннета волнует только одно — чтобы в «Руби» всё шло своим чередом. А ещё он любит периодически появляться и проверять, не попал ли я в неприятности. — Элиас сжимает губы. — У меня привычка всегда и везде их находить.

— Так, может, тебе стоит проявить чуточку самоконтроля?

— И какое в этом удовольствие?

Вляпаться в неприятности с Элиасом кажется мне весьма заманчивым времяпрепровождением этой среды. Но мне не совсем ясно, что он делает в «Руби». Живёт ли он здесь?

— А чем именно ты тут занимаешься, Элиас? — со смехом спрашиваю я. — Если, конечно, ты не Элоиза^[3], в чём я сильно сомневаюсь...

Он снова берёт меня за руку и тащит вперёд.

— Потом расскажу, — отвечает он с озорной улыбкой. — Потому что сейчас у меня возникла совершенно гениальная идея, но... — Элиас оглядывается назад, на стойку регистрации, чтобы проверить, там ли Кеннет, — мы же не хотим, чтобы нас увидел портье?

— Похоже, ты снова хочешь нарваться на неприятности.

— Так и есть, — говорит Элиас.

Мы входим в коридор, и я вытягиваю шею, когда мы проходим мимо ресторана, где, как я вижу, по-прежнему сидит мой отец и разговаривает с Кеннетом. Как портье удалось оказаться там так быстро?

Папа поднимается на ноги, широко размахивая руками, потому что, похоже, у них с Кеннетом происходит некая оживлённая беседа. Затем, в отчаянии, он хватается Кеннета за руку. И тут, словно зная, что я наблюдаю, портье мрачно сверкает своими тёмными глазами в мою сторону. Ужас наваливается на меня, дыхание перехватывает.

— Пойдём, — говорит Элиас, не подозревая о новом местоположении Кеннета.

Он берёт меня за руку, и вот мы снова бок о бок направляемся дальше по коридору. На мгновение я задумываюсь, о чём же спорили отец и Кеннет. Обо мне? Но тут Элиас смеётся, его пальцы скользят вниз по моей руке и оборачиваются вокруг ладони. От ощущений этого прикосновения моё сердце начинает биться быстрее, меня с головой затягивает в его мир. Уже так давно я ничего не хотела — никого не хотела. Я забываю обо всём на свете.

— Не пугайся, — говорит Элиас, и ямочки на его щеках становятся ещё заметнее из-за улыбки. — Но я тут подумал, а не начать ли нам с релаксации? А именно, с парной?

Разгорячённые потные тела, обёрнутые лишь в полотенца. Не могу поверить, что готова на это согласиться.

— Интересное предложение, — говорю я.

— Да, я так и подумал, что это гениально!

Мы оба смеёмся, и он тащит меня в конец коридора, к дверям из матового стекла.

В парной я бывала раза два, после упражнений в спортзале. Но обычные полы, выложенные белой плиткой, и скамейки не шли ни в какое сравнение с этим местом. Как только мы входим в маленькую комнату, наполненную паром, в нос мне ударяет аромат кедра. Кроме нас, здесь никого больше нет, и я иду по влажному полу к скамьям. Я сажусь первая и жду, что Элиас сядет рядом, но он опускается у бадьи с водой.

Когда мы зашли в спа-центр, женщина у стойки даже не подняла головы, чтобы посмотреть на нас, а продолжала улыбаться своему телефону, словно читала сообщение. Мне сразу подумалось, что Кеннет был бы не очень этому рад, но Элиас приложил палец к губам, и мы прокрались мимо администратора. Но тут нас остановила девушка в белоснежном платье и поприветствовала Элиаса поцелуем в щёку. Я не стала закатывать глаза; ещё будучи девушкой Райана, я прошла ускоренный курс по сдерживанию ревности. Хотя он и не давал особо повода.

Элиас спросил девушку, можно ли нам взять полотенца, и она, неодобрительно на него посмотрев, взяла огромное пушистое полотенце и протянула его мне. Как и Кэтрин на вечеринке, эта девушка также без особого удовольствия наблюдала за мной и Элиасом. Я поблагодарила её и взяла полотенце.

Переодевшись в ванной комнате, я встретила с Элиасом перед входом в парную, слегка потрясённая его видом без рубашки. Ну да, я тоже была в одном лишь полотенце, но мне с трудом удалось бы сформулировать хотя бы одну фразу, которая не начиналась бы со слов: «Ух ты...»

Элиас совсем не похож на Райана, накачанного, крепкого, мощного. Он, наоборот, невероятно высокий и худой, подтянутый и жилистый. И, честно говоря, это нравится мне больше. С Райаном я всегда чувствовала себя немного неловко, словно мне стоит

отправиться в спортзал, а не жевать попкорн в кинотеатре.

Я ожидала какой-нибудь, но реакции, на то, что тоже была почти голой, однако Элиас, единожды взглянув на меня, сразу же открыл дверь в парную.

И вот мы сидим в этой жаркой комнате. Я откидываюсь на спинку нагретой деревянной скамьи, через всё помещение глядя на Элиаса. Он берёт полный черпак воды и выливает его на раскалённые камни, они плюются и шипят, и комнату окутывает паром. Он доходит до меня, мне становится тяжело дышать. Но какое это упоение, когда жар лижет мою кожу!

Элиас встаёт и подходит ко мне, залезая на скамью выше. Я передвигаюсь, опираясь локтем на его сидение и опустив подбородок на предплечье. Элиас опирается головой о стену, а затем опускает глаза на меня. На его лице и ключицах стала собираться влага. Я чувствую себя вконец обольщённой.

— Почему ты отправила ту открытку? — спрашивает он, и в густом воздухе его голос звучит грубее. — За что именно тебе пришлось извиняться, Одри?

Я выдыхаю, мои мышцы расслаблены.

— За то, что недостаточно его любила, — тихо отвечаю я. — За то, что старалась, но у меня не получилось. Но, что хуже всего, за то, что ничего ему не говорила, хотя, уверена, он сам всё понимал. Я вела себя как трусиха, а он заслуживал большего.

Элиас закрывает глаза, его адамово яблоко двигается, когда он сглатывает.

— Порой жизнь сводит нас с неправильными людьми, но исключительно по правильным причинам. Ты удивилась бы, скажи я, что понимаю, о чём ты? Только я не пытался её полюбить, и уж точно не стал за это извиняться.

— Жестоко, — говорю я, совершенно уверенная в том, что речь идёт о девушке, которой увлёкся мой братец. Но так как Элиас только что признался, что у него не было к ней чувств, упоминать сейчас о Кэтрин было бы глупо.

— Но тогда почему ты был с ней? — всё-таки спрашиваю я, надеясь на подробности.

Элиас долго молчит, но вдруг открывает глаза и садится вертикально, опираясь локтями о колени. Из-за пара его кожа слегка порозовела.

— Этого ждали, — говорит он. — И когда я рассказал ей о своих чувствах, она отнеслась к этому равнодушно. Считала, что мы принадлежим друг другу несмотря ни на что.

Он смотрит на меня, по-настоящему смотрит.

— Вот что значит, Одри, — шепчет он, — быть ужасной девушкой.

Внезапно в выражении его лица проявляется одиночество, хотя наши тела находятся так близко, влажные от пара и пота. Его меланхолия отражает мою собственную. И на мгновение я не одна. Но и не с ним. Так странно, потому что чем больше Райан пытался мне дать, тем более одинокой я себя чувствовала. А сейчас этот незнакомец ворвался в мой мир и поглотил его.

Элиас смеётся, отрывая от меня взгляд, и ложится на свою скамью.

— Не нужно на меня так смотреть, — говорит он в потолок. — Пока ещё слишком рано тебя целовать. Ты ещё недостаточно очарована.

Я прикрываю пальцами улыбку.

— По-моему, у тебя неплохо получается, — говорю я, заставляя его вновь рассмеяться.

— А то. Но если я собираюсь практиковаться в самообладании, о котором ты говорила, — отвечает он, — то лучше бы нам поскорее выбираться отсюда, пока этот жар не затмил твоё трезвое сознание. Пойдём.

Он слезает со своей скамьи, а затем помогает подняться и мне. Я держусь за своё полотенце, покрепче натягивая его вокруг себя, хотя мой желудок свернулся в узел. Берусь за руку Элиаса, готовая притянуть его обратно, но он открывает двери, и внутрь устремляется прохладный воздух, благодаря которому я прихожу в себя. Пар быстро рассеивается, а вместе с ним и моё всепоглощающее желание, и я понимаю, что Элиас наблюдает за мной.

— Массаж, пожалуй, пропустим, — дразнится он. — Тебе определённо стоит одеться. Встретимся у выхода?

Я соглашаюсь, всё ещё немного дрожа от того, что была на волосок от полной и безнадёжной потери самоконтроля. И когда мы расстаёмся, я направляюсь в раздевалку, чтобы принять холодный душ.

Помучившись, но закрутив влажные волосы в пучок, я направляюсь к выходу из центра, где Элиас уже болтает с той самой девушкой, которая дала мне полотенце. Когда она меня замечает, то бросает в мою сторону тревожный взгляд, тут же прощается с Элиасом и уходит по своим делам. Ага, совсем не странно.

Элиас широко улыбается, когда я подхожу к нему, его волосы зачёсаны набок, а щёки горят от горячего пара.

— Ты ослепительна, — говорит он мне. — Я совершенно очарован тобой, Одри.

— Ага, — отвечаю я так, как будто он говорит неправду. Но мне нравится комплимент, особенно, когда я тоже им увлечена.

— Ну что, куда сейчас? — спрашиваю я. — Мне нужно будет встретиться с папой, чтобы он знал, что со мной всё в порядке. Расслабиться не получится.

Элиас открывает дверь, и мы выходим, взбодрившиеся после посещения парилки. Когда мы останавливаемся у входа в вестибюль, чтобы решить, куда пойти дальше, я вижу, как из ресторана выходит мой брат. Его глаза опущены в телефон, брови сведены вместе.

— Эй, — окликаю я его.

Элиас рядом со мной расправляет плечи и запускает руки в карманы своих шортов. Дэниел подходит к нам, обречённо поднимая телефон.

— Никак не могу найти сигнал, — говорит он. — Я видел, как другие пользуются своими телефонами. Чтоб вы в аду сгнили, «Ай-Ти энд Ти»^[4]!

Он замолкает и смотрит на меня:

— Почему у тебя такое красное лицо? Чем ты занималась? — Он подозрительно косится на Элиаса. — А это кто?

Элиас протягивает ему руку.

— Элиас Ланж, — представляется он. — А ты...?

— Её старший брат. — Дэниел пожимает руку Элиаса, стискивая пальцы так, что я понимаю — он сжал руку сильнее, чем это было необходимо. Элиас же и бровью не повёл.

Дэниел очень серьёзно относится к своей роли брата-защитника. До Райана, если Дэниелу не нравился парень, с которым я встречалась, он ждал на крыльце с бейсбольной битой наперевес. Но потом появился Райан, а Райана любили все. Какое-то время моему брату не было необходимости защищать мою честь. Я, в какой-то мере, даже растрогана. Но ещё рада, что его бита осталась в Финиксе.

— Я иду в бассейн, — говорит мне Дэниел, повернувшись к Элиасу спиной. — Сходи за купальником.

— Сегодня и правда идеальная погода для плавания, — вмешивается Элиас, которого, кажется, забавляет невоспитанность моего брата. — Иногда в это время дня облачно, но, видимо...

— А как ты познакомился с моей сестрой? — обрывает его Дэниел, развернувшись к нему лицом. Он старается выглядеть смущённым, что делает его ещё более беспардонным. Брат кидает такой же взгляд и на меня, и я презрительно усмехаюсь. Я не знаю Элиаса и на половину так же хорошо, как Дэниел знает Кэтрин.

— Мы встретились в лифте, — говорит Элиас. Дэниел начинает было играть с ним в гляделки, но, как будто только что вспомнив о первоначальной причине своего раздражения,

вытаскивает телефон, пытаюсь найти сигнал. Пока он отвлечён, Элиас наклоняется в мою сторону.

— По-моему, лучше будет не упоминать ту часть, где ты изъявила желание увидеть меня без костюма, — будничным тоном говорит он.

Я пихаю его в плечо, из-за чего он, пошатнувшись, делает шаг назад и тихо смеётся.

Дэниел вновь обращает на нас своё внимание.

— Хочу сначала наведаться в бассейн, потом взять вещи. Встретимся там?

— Позже, — говорю я. — Сейчас я на экскурсии.

Если честно, мне не хочется провести весь день наблюдая за тем, как Дэниел принимает солнечные ванны.

— Ладно, — не без подозрения соглашается брат. — Но тебе лучше со мной встретиться, или я сам приду к тебе в комнату.

Он отходит, но останавливается и оборачивается на нас.

— И лучше тебе быть там одной, Одри.

— Какие пошлости! До свидания. — Я машу ему рукой, давая понять, что он немного хватил через край. Элиас сжимает губы, словно старается не улыбнуться угрозе моего брата, и мы вместе наблюдаем, как Дэниел уходит от нас в сторону сада.

— Он всегда такой? — спрашивает Элиас.

— Почти, но, кажется, ты как-то особенно его выбесил.

— Порой со мной такое бывает. Но... — он улыбается, убирая с моего лица выпавшую из пучка мокрую прядь волос, — ты выглядишь... растрёпанной. Понимаю, почему он решил, что я дурно на тебя влияю.

Я шутливо хлопаю его по руке, но его прикосновение уже вновь разожгло во мне желание.

— Подумаешь, — говорю я, притворяясь, что он не сводит меня с ума. — Я всё ещё хочу услышать, почему ты самый завидный жених в «Руби». Само твоё существование уже вызывает подозрения.

Элиас смеётся и естественным движением предлагает мне руку. В моём, на первый взгляд, варварском мире его вежливость поражает.

— Я здесь живу, — отвечает он. — Но прежде чем ты поспешишь с преждевременными выводами, позволь мне закончить нашу экскурсию. Возможно, тогда ты поймёшь почему.

— Почему ты живёшь в отеле? — спрашиваю я. — Сомневаюсь. Я бы сказала тебе, что это странно, но мне самой предстоит жить на чердаке в доме моей бабушки. Так что не уверена, что имею право делать такие заявления.

Элиас смотрит на меня, моё признание удивило нас обоих. Мне не нравится появившееся из-за этого уныние, и я толкаю его плечом.

— Давай поторопимся, пока я не передумала и не отправилась в бассейн с братом.

— Тогда нам лучше побежать, — говорит Элиас и быстро тащит меня вперёд.

Мы смеёмся и останавливаемся у лифта. Элиас нажимает на стрелку вниз и смотрит по сторонам, его брови сведены в одну линию. По-моему, его грызёт моё высказывание о бабушкином чердаке.

— Невелика беда, — тихо говорю я, встав лицом к дверям. Когда есть столько других тем для разговоров, моё будущее в Элко, штат Невада, явно не в самом верху списка того, что бы я хотела обсудить. Зачем я вообще об этом упомянула?

— Ладно, — говорит он. — Не хочешь узнать, где у нас будет следующая остановка?

— В твоём номере? — спрашиваю я, искоса глядя на него. Я, конечно, шучу, но мне нравится, как его щёки заливают румянец. И ещё мне нравится идея о том, чтобы взглянуть на его комнату.

Элиас усмехается.

— Позже. На самом деле, я думал, что нам нужно отправиться в самое сердце «Руби». И... — Он замолкает. — Хотя, после твоего предложения это звучит как-то скучно: я собирался отвести тебя вниз, в хозяйственные помещения.

В «Руби» есть подвал. Он не страшный и там не водятся привидения, но после великолепия вестибюля это место кажется тусклым и тесным. Стены покрашены в бледно-голубой цвет; полы серые, с чёрными полосками от подошв. Мимо нас спешно пробегает девушка в униформе, успев робко улыбнуться Элиасу. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть ей вслед, и подталкиваю его локтем.

— Они тут все тебя знают?

— Угу. Налево. — Он указывает на коридор, в котором чувствуется тяжёлый запах стирального порошка и антистатика. Но это и успокаивающий запах — он напоминает мне о доме. О маме.

— И как часто ты устраиваешь такие экскурсии? — спрашиваю я.

Мой голос звучит резче, чем мне хотелось, и я пытаюсь отогнать мысли о маме. Элиас обиженно косится на меня.

— Это первый раз, — коротко отвечает он. — Но спасибо, что подумала, будто это ничего не значит. Снова налево.

Мы поворачиваем, и коридор становится ещё теснее из-за шкафчиков, стоящих вдоль стен. Элиас останавливается на полпути и вытягивает руку над моей головой, чтобы открыть один из них. Я отступаю в сторону, боясь, что ранила его чувства.

— Прости, — говорю я.

Элиас достаёт маленькую шоколадку с мятой и протягивает мне. Прислонившись плечом к двери шкафчика, он смотрит на меня сверху вниз. Я медленно разворачиваю фантик и откусываю от уголка. Как и у зубной пасты с утра, у неё затхлый, прогорклый привкус. Завернув конфету обратно в фантик, и убираю её в карман, а затем тихо говорю Элиасу:

— Я не имела в виду, что ты мудака. Я просто решила...

— Решила, что я не заслужил доверия?

Я слегка улыбаюсь.

— Нет. Я решила, что ты живёшь в отеле, где тебя постоянно окружают незнакомые люди. Женщины. К тому же, как ты сам знаешь, ты...

Мне следует замолчать.

— Я что? — с любопытством спрашивает Элиас, наклонившись ближе.

— Хорошенький.

— Хорошенький? — задумчиво спрашивает он. — Ты думаешь, я хорошенький?

Моё лицо полыхает, но с каждой проведённой с Элиасом секундой мне становится всё комфортнее мириться с моей тягой к нему. Но я по-прежнему стараюсь не подавать вида — пожимаю плечами, будто моё признание не значит ничего особенного.

— Я всегда считал себя симпатичным, — говорит он. — Благодарю. Ну, и раз уж мы откровенничаем, я нахожу тебя опьяняющей. Тобой можно увлечься, потеряв голову.

Мы неотрывно смотрим друг на друга, а потом я смеюсь.

— Хватит со мной флиртовать, Элиас, — говорю я, чтобы как-то разрядить момент. — Давай поговорим о чём-нибудь другом. Например, о том, почему ты живёшь в отеле у чёрта на куличках.

— Тебе не нравится «Руби»? — Он выглядит уязвлённым, но вдруг смотрит куда-то за меня и выпрямляется. Его лицо сияет.

— Лурдес, — произносит он. — Ты вернулась.

Я поворачиваюсь и вижу, как к нам подходит молодая управляющая, возможно, чуть постарше нас.

— Вчера, — говорит девушка. — Похоже, у нас новые гости.

Она тепло мне улыбается, а потом устремляет взгляд на Элиаса. Управляющая складывает руки на груди с таким выражением, словно ждёт объяснений. И тут до меня доходит, в какое маленькое пространство мы втиснулись. Крошечный закуток, который подходит для хранения простыней или тайных поцелуев.

Элиас кладёт руки мне на плечи и подталкивает меня вперёд.

— Это Одри Каселла, — говорит он. — Я просто провожу экскурсию.

— В подвале? — спрашивает Лурдес. У неё идеально вырисованные брови, высокой аркой, как у звёзд немого кино. Её тёмные волосы коротко подстрижены, а кожа — глубокого оливкового цвета.

— Ты не должен здесь находиться, Эли, — говорит она, хотя её голос становится мягче. — Я провожу её обратно к вестибюлю.

— Лурдес... — начинает он, но она качает головой.

— Из-за тебя у меня будут неприятности.

Элиас умолкает, виновато глядя на девушку. Его настрой меняется в мгновение ока, ему будто ненавистна одна даже мысль о том, что он может причинить ей вред.

— Ты права, — говорит он и поворачивается ко мне, чтобы с улыбкой продолжить, — к тому же, я не думаю, что твой брат был бы в восторге от того, как я собирался закончить нашу экскурсию.

Едва дыша, я прислоняюсь к шкафчику.

— Да, Эли, — объявляет Лурдес, — ты очень секси. А теперь двигай.

Элиас усмехается и касается моей руки, прежде чем проскользнуть мимо меня. Он останавливается рядом с Лурдес, возвышаясь над её миниатюрной фигурой.

— Мы скучали по тебе.

Лурдес поднимает глаза, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Я знаю.

Между ними проскальзывает мимолётной вспышкой выражение потери, но Лурдес тут же отталкивает Элиаса в сторону.

— Давай, беги, — лёгким тоном говорит она. — И не возвращайся сюда, если не планируешь складывать полотенца.

— В любое время.

Они прощаются, Элиас машет мне на прощание и исчезает в конце коридора. И Лурдес сразу же с шумом выдыхает.

— Прости, что помешала вам, — говорит она. У неё прокуренный голос, и теперь, когда Элиас ушёл, кажется, что она рада видеть меня куда больше. — Шастать здесь с ним — не самая хорошая идея. Он редко думает о последствиях.

От разочарования у меня сводит живот, но Лурдес быстро поднимает руки вверх.

— Я не говорю, что Эли плохой. Отнюдь. — Она ободряюще улыбается. — Не о нём тебе стоит беспокоиться.

— Тогда о ком?

Лурдес сжимает губы, как будто и так рассказала мне слишком много. Она закрывает дверцу шкафчика с шоколадками и направляется обратно по коридору, показывая мне, чтобы я следовала за ней. В нос мне снова ударяет запах дома, но в этот раз тоска по нему не такая болезненная.

— Моя мама пользовалась таким же стиральным порошком, — вырывается из меня.

Лурдес поворачивается, чтобы посмотреть на меня, поначалу в замешательстве, но потом выражение её лица становится мягче.

— Как и моя, — говорит она с грустью. — Чем... Чем он пахнет для тебя?

Это странный вопрос, но, в то же время, я совсем не против вспомнить о маме, пробудить те воспоминания, что не пропитаны трагедией.

— «Тайдом», — говорю я с улыбкой. — Но я так и не смогла догадаться, что она к нему добавляла. Как ни старалась, у меня никак не получалось добиться такого же аромата. Больше он никогда мне не встречался, до сегодняшнего дня.

— А я чувствую отбеливатель, — отвечает Лурдес.

Она отворачивается и продолжает двигаться дальше по коридору. Я пытаюсь уловить запах отбеливателя, но не чувствую ничего похожего.

— Пойдём же, — зовёт меня Лурдес. — Портье не нравится, когда в хозяйственном блоке находятся посторонние.

Она снова оборачивается.

— Ты уже видела бассейн? Он шикарный!

— Ещё нет. Мой брат как раз туда собирается. Думаю, я составлю ему компанию.

— Так будет лучше. — Лурдес останавливается у лифта и нажимает на кнопку. — Я уверена, что мы ещё увидимся. В каком ты номере? Пришлю тебе ещё шоколадок.

— Тринадцать-ноль-три.

Улыбка сходит с лица Лурдес. Она пытается прийти в себя, но я всё равно заметила. Девушка снова нажимает на кнопку, словно подгоняя лифт.

— А Элиас знает, в каком ты номере? — как ни в чём не бывало спрашивает она.

— Эээ... нет, не думаю. Он не поднимался ко мне, если ты об этом хочешь спросить. Подожди-ка, а что такое? — спрашиваю я, уже с беспокойством. — В моей комнате водятся приведения или что?

Лурдес смеётся, хлопая меня по плечу, и как раз открываются двери лифта.

— Да нет же! — говорит она. — Ничего такого.

Я лежу на шезлонге у бассейна, когда на мой журнал падает тень. Прищурившись, смотрю на собирающиеся тучи, а потом нахожу взглядом выглядывающую из воды светловолосую голову Дэниела. До этой внезапной перемены стояла прекрасная погода. Просто супер.

С нами тут ещё несколько постояльцев, но все они кажутся занятыми своими делами. Молодая пара расстелила полотенца на траве, и теперь они лежат, откинувшись на локти, и что-то шепчут друг другу. Пожилой мужчина читает газету за столом под зонтиком. Никто из них даже не глядит в мою сторону, что к лучшему — наверняка, я по-прежнему всё ещё красная после наших прогулок с Элиасом.

— Одри, — кричит мне Дэниел и поднимается из бассейна, упираясь руками в

выложенный синей плиткой бортик. — Залезай сюда, пока не начался дождь. Я покажу тебе свой прыжок в воду.

— Мне и отсюда всё прекрасно видно. Тебе не нужен клуб болельщиков, Дэниел. Иногда у тебя получается вытворять нечто совершенно потрясающее только ради твоего собственного удовольствия.

Выражение лица у моего брата меняется, и он, поднимая брызги, плюхается обратно в воду. Я ранила его чувства, но неумышленно. Дэниел очень сердечный; и он меня очень любит. Но вместе с этой любовью идёт его постоянная потребность в самоутверждении.

Уже на другом конце бассейна Дэниел поднимается по лестнке и встаёт на краю. За его спиной на шезлонгах лежат три девушки, и все они изогнули шеи для лучшего обзора. Хотя мой брат их не замечает — он сверхсосредоточен на предстоящем прыжке. Надеется, что сделает всё правильно. Я вздыхаю, отбрасываю журнал и встаю у бассейна напротив него.

— Лучше бы тебе не облажаться, — кричу я ему.

Уголок его рта приподнимается, а затем он выбрасывает руки вперёд и прыгает в воду. Как я и ожидала, он идеально входит в воду под прямым углом и выныривает сквозь водную рябь. Дэниел стряхивает с лица воду и находит меня взглядом.

— Ну как? — спрашивает он.

У меня ноет в груди, потому что я не смогу ответить ему, как ответила бы мама. Она бы хлопала в ладоши и кричала, воодушевляя его. Я же лишь улыбаюсь.

— Класс! — говорю я. — У тебя правда здорово получилось, Дэниел.

Он лучезарно улыбается и плывёт к бортику, чтобы снова повторить прыжок. Я располагаюсь так, чтобы мне было удобно наблюдать за ним, и болтаю ногами в воде. Некоторые постояльцы уходят, посмотрев на тяжёлые облака, закрывающие небо. После третьего прыжка я говорю Дэниелу, что ему пора вылезать, пока его не ударило молнией. Он готовится нырнуть снова, когда я вижу Лурдес, управляющую.

Но сейчас она не в униформе. Вместо этого на ней чёрные шорты и бледно-розовая блузка, а её глаза блестят под несколькими слоями туши на её ресницах. Лурдес поднимает руку и машет мне, и я возвращаюсь к своему шезлонгу, гадая, пришла ли она сюда, чтобы встретиться со мной.

— Привет, — говорит управляющая, когда подходит ко мне. Кажется, она нервничает. — Элиас сказал, что ты будешь здесь. Не возражаешь, если я поторчу тут с тобой немного?

— Нет, конечно, — отвечаю я, указывая на соседний шезлонг. — Хотя, похоже, скоро начнётся дождь.

— Здесь не бывает дождей. — Лурдес садится, и мы обе поворачиваемся к бассейну, где плещется Дэниел. Он высовывается из воды и, заметив нас, кивает подбородком Лурдес, на что та улыбается.

— Это твой брат? — спрашивает она, пока Дэниел плывёт к мелководу.

Я вижу, как Лурдес оценивающе смотрит на моего брата, и мне хочется сказать, чтобы она даже не парилась. Зная Дэниела, я уверена, что он уже придумал, как вновь увидеться с Кэтрин, особенно если учесть необычность их первой встречи. В этом плане он всегда предсказуем.

— Да, Дэниел, — отвечаю я Лурдес. — Мы здесь с нашим отцом.

— О? — Она выглядит искренне удивлённой, что странно. Неужели она подумала, что мы тут сами по себе? У них есть такие постояльцы? По её лицу пробегают сомнения. — Я и

не предполагала.

Заметив это, я наклоняюсь чуть вперёд. Но прежде чем успеваю задать ей вопрос, на мою голую ногу капает холодная вода — это Дэниел стоит надо мной и вытирает волосы полотенцем.

— Привет, — обращается он к Лурдес. Мой брат наделён шармом, что говорить, и вот я наблюдаю, как Лурдес перед ним буквально тает. — Я Дэниел.

— Приятно познакомиться. — Лурдес с мгновение смотрит на него, а потом поворачивается ко мне, так и не назвав ему своего имени.

— Знаешь, Одри, сегодня вечером мы небольшой компанией собираемся подняться на крышу, отметить моё возвращение. — Она закатывает глаза, смущённая тем, что оказалась в центре внимания. — Ты тоже приходи. Познакомишься со всеми.

— О. — До меня не сразу доходит, что пригласили только меня, а не моего брата. — Конечно. Но в бальном зале будет вечеринка. Вы туда не пойдёте?

— Персонал не приглашается, — быстро отвечает Лурдес. — Что очень мне подходит, потому что половину гостей я на дух не переношу. — Она смеётся. — Поверь мне, на крыше куда лучше. Мы собираемся на закате. Придёшь?

Честно говоря, о чём тут думать — на шикарную вечеринку же меня не пригласили.

— Рассчитывай на меня. Звучит заманчиво.

Поднимаясь с шезлонга, Лурдес широко улыбается.

— Тогда увидимся вечером, — говорит она мне. Задержавшись взглядом на Дэниеле, Лурдес машет ему, а затем уходит через лужайку.

— Я ей не понравился. — Дэниел театрально удивляется в духе «Как такое вообще возможно?» — А я-то думал, нравлюсь всем.

— Так и есть, — говорю я. — Всем, кроме меня, но это только сейчас, потому что ты вёл себя грубо.

Дэниел смеётся и хлопает по мне полотенцем.

— О, перестань. Я шучу. По большей части. — Он пожимает плечами. — Я ей понравился.

— Я собираюсь внутрь, — говорю я, скручивая журнал и повязывая полотенце вокруг талии. Дэниел идёт со мной, и, стоит нам только пройти через большие стеклянные двери, как начинает проясняться. — Ночь будет чудесной. Ты пойдёшь со мной на крышу?

— По-моему, меня не приглашали, — говорит брат, но он, кажется, ничуть этим не обеспокоен. Воздух в «Руби» холодит мою кожу, Дэниел тоже дрожит и набрасывает себе на плечи полотенце. — Я собираюсь изучить другие варианты. — Он умолкает и показывает вперёд. — Как, например...

С противоположного конца вестибюля нам, с торжественным видом принцессы, машет рукой Кэтрин и направляется в нашу сторону. Сейчас она не в платье, но всё равно выглядит слишком шикарно для второй половины дня. Её белоснежная блузка, украшенная нитками бус, переливается в свете витражных окон. Дополняют это укороченные брюки-дудочки, чёрные шпильки и изысканные серебристые браслеты с орнаментом. Я вздыхаю и резко поворачиваюсь к брату.

— Ты серьёзно? — спрашиваю я его. Она — это слишком, даже на его вкус. Он смеётся, понимая о чём я.

— Дэн, — говорит Кэтрин, когда, запыхавшись, подходит к нам. Она кладёт ладонь на щеку Дэниела, театральным и чересчур уж любовным жестом.

— Я так волновалась, — мурлычет она, позволяя своей руке упасть. — Я думала, ты уехал.

— Нет, — говорит он ей. — Как недавно выяснилось, мы остаёмся до пятницы. Разве это не здорово?

Она раздражённо смотрит в мою сторону, гадая, как именно я вписываюсь в это «мы».

— О, Кэти, — быстро говорит Дэниел, — это моя сестра, Одри.

Кэтрин вежливо улыбается.

— Рада встрече, — неискренне здоровается она и тут же поворачивается к Дэниелу.

— Взаимно, — говорю я сквозь сжатые зубы.

Кэтрин окидывает взглядом Дэниела и дотрагивается до полотенца у него на шее.

— Бассейн здесь — просто сказка, — говорит она. — Ты плавал?

Я сдерживаюсь, чтобы с языка не сорвалось: «Тупость».

— Да, — отвечает Дэниел, немного даже с гордостью. — Я практиковался в прыжках в воду, но моя сестра оказалась совершенно не впечатлена.

Он толкает меня локтем в бок, от чего я издаю стон и делаю шаг назад. Уж лучше воздержусь от участия в их светской беседе.

— А я не умею плавать, — говорит Кэтрин. — Так что меня бы ты точно впечатлил.

— Я тебя научу, — отвечает Дэниел, полный самомнения и осознания собственной важности.

Когда Кэтрин восторженно сообщает ему, что о большем она и мечтать не могла, он игриво притягивает её к себе, зажимая под локоть, что подходит для девушки из колледжа, но никак не для светской львицы.

Кэтрин поднимает к нему лицо, и они улыбаются друг другу. И тут я понимаю, что мой брат в ней видит. Обожание. Внимание. Кэтрин подкармливала мальчишку внутри него, одаривая его признанием, которого он так жаждал. Мысль о том, что он до сих пор так отчаянно нуждается во внимании, вновь вызывает во мне чувство вины, в который раз доказывая, что я не оправдываю надежд своей семьи. И от этого я начинаю ненавидеть Кэтрин ещё чуточку больше... хотя за две минуты нашей первой встречи я и так поняла, насколько она ужасная.

Кэтрин смотрит за наши спины, и выражение её лица меняется. С протяжным стоном она отстраняется от моего брата.

— Мне нужно бежать. — Её голова склоняется набок, словно Кэтрин ненавистна сама идея покинуть его. — Обещай, что мы встретимся до сегодняшней вечеринки.

— Обещаю, — отвечает Дэниел.

Кэтрин умышленно игнорирует меня, проходя мимо, и выходит сквозь стеклянные двери в сад, быстро глянув в сторону стойки регистрации. Мой брат наблюдает за ней до тех пор, пока она не скрывается из виду, а затем поворачивается ко мне, на его лице светится самодовольная улыбка.

— Шикарная, да? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

— Для куклы-убийцы — вполне.

— Зря я её так описал, — бурчит Дэниел.

Я качаю головой в притворном сочувствии.

— И правда, ты поступил опрометчиво.

Он смеётся, и мы направляемся к лифтам в противоположном конце вестибюля. Стоит

мне только подумать, что я привыкла к роскоши «Руби», как меня вновь ослепляет какая-нибудь хрустальная безделушка или картинка, которых я раньше не замечала.

— Маме бы тут понравилось, — говорю я сама себе. Но как только эти слова срываются с моего языка, Дэниел прочищает горло, яростно поправляя своё полотенце.

— Я замёрз, — сухо говорит он. — Пойду переоденусь.

Он уходит вперёд, оставляя меня позади в молчании. Мне хочется закричать ему, что я тоже по ней скучаю. И мне тоже больно. Но Дэниел терпеть не может, когда я говорю о маме, так что я закрываю рот и следую за ним.

Мы идём через вестибюль, портье сидит за своим столом, что-то печатая в компьютере. Мы с Дэниелом заходим в лифт и нажимаем каждый кнопку своего этажа, не глядя друг на друга. Кеннет поднимает глаза.

Он сидит как вкопанный, когда двери закрываются, оставляя его с другой стороны.

Папа заказывает себе бифштекс с кровью, и когда из разреза на белую тарелку вытекает кровь, от отвращения у меня кривится рот. Он же отправляет в рот большой кусок и смотрит на Дэниела.

— Какие у тебя планы на вечер? — запивая мясо глотком красного вина, спрашивает его отец. Я всё ещё пытаюсь привыкнуть к нему вот такому. Его волнистые с проседью волосы уложены при помощи геля или мусса в старомодную причёску. Он чисто выбрит, на щеках розовеет румянец. Но самое странное в том, что папа снова проявляет к нам интерес.

— Не знаю, — отвечает Дэниел, поднимая ножку жареной курицы. — Может, позже встречусь с Кэтрин, ну а пока позанимаюсь в спортзале. А ты?

— Я получил приглашение на сегодняшнюю вечеринку в банкетном зале. — Наш отец смеётся и делает глоток вина. — Не помню даже, когда последний раз бывал на подобных торжественных мероприятиях. Скорее всего, это была моя свадьба.

Я опускаю глаза на белую льняную скатерть. То, как он сказал это, — словно его совместное с мамой прошлое было какими-то обиденными воспоминаниями — причиняет боль. Я жду реакции Дэниела.

— Ты собираешься пойти на вечеринку? — с напряжением в голосе спрашивает он отца. Дэниел явно раздражён упоминанием мамы, но, как обычно, предпочитает пропустить это мимо ушей. Если он не признает того, что она умерла, то сможет избежать боли. По крайней мере, именно так он однажды мне заявил.

— Да, подумал, выпью немного, — отвечает папа. — Ты тоже должен пойти. Наверняка ты тоже получил приглашение?

Дэниел морщится.

— Да, но не уверен, что мне там понравится. Ведь соберутся одни дряхлые старики, разве нет?

— Не только. — Папа смеётся. — Но я присоединюсь к представителям старшего поколения.

Он забавный. Я уже и забыла об этом. Дэниел улыбается, и внезапно я оказываюсь лишней в этом семейном союзе.

— А мне не прислали приглашения, — чувствуя себя ущемлённой, говорю я.

Дэниел усмехается.

— Наверное, ты кого-то очень разозлила.

— Ну и ладно. Я всё равно туда не собиралась. Что за радость всю ночь провести на какой-то чопорной вечеринке? А этот мужик за стойкой регистрации, Кеннет? Тот ещё придурок! Уж лучше я сама найду, чем развлечусь.

Рука отца напряжённо сжимает бокал, и он делает глоток вина.

— Тогда, наверное, мне лучше предупредить обслуживающий персонал, — говорит он сквозь сжатые губы. — В твои развлечения входит и порча имущества.

Эти слова словно пощёчина, порция суровой реальности для того сказочного покоя, что мы обрели в этом отеле. Я быстро моргаю, униженная. Разозлённая. Отец начинает извиняться, но Дэниел бросает еду, вытирает руки о салфетку и отодвигается на стуле, как будто мы сейчас собираемся уходить.

Папа никогда не ждал объяснений о той вечеринке у нас дома, из-за которой и решил

отослать нас с Дэниелом. А я решила, что он недостаточно волновался обо мне, чтобы объяснять ему что-то. Это было почти три недели назад, в субботу, на следующий день после моего дня рождения. Я в одиночестве сидела на кухне, когда Дэниел вернулся домой и принёс какой-то яблочный мини-пирог, который швырнул мне, как футбольный мяч.

— С семнадцатилетием, — улыбнувшись, поздравил он, обнимая одной рукой какую-то девушку, которую притащил с собой домой. Она, вся такая из себя высокомерная блондинка, щёлкнула жвачкой, совершенно не впечатлённая моим существованием. Я, конечно, его поблагодарила, потому что Дэниел всё-таки вспомнил про мой день рождения, в отличие от отца. Он уже три дня подряд допоздна оставался в своём офисе, и я начала сомневаться, что он вообще станет возвращаться домой.

Когда мой брат ушёл, я поднялась в спальню родителей и села на кровать. Наш дом был вычищен от воспоминаний о маме, даже от её запаха. Всё, что осталось, — это несколько фотографий, которые стояли на каминной полке в гостиной. Я ждала там до самой темноты, но отец всё никак не возвращался.

В кармане завибрировал телефон, я вытащила его и увидела, что это снова звонил Райан. Я до сих пор не понимаю, почему он оставался со мной. Я так и не отважилась признаться ему, что больше не люблю его, но он и так должен был заметить. Вместо этого он обращался со мной как с заболевшим ребёнком — его любовь была как куриный бульон для моей одинокой души. И казалось крайне жестоким бросать его именно в тот момент. Так всё могло закончиться тем, что я бы вышла за него замуж. Был только один выход примирится со смертью мамы. «Я хочу устроить вечеринку, — написала я ему, не желая разговаривать. — Можешь помочь?».

В день моего рождения Райан пропустил школу и накормил меня завтраком у себя дома. Я весь день делала всё механически, с пустым сердцем. Порой я задумывалась, могла ли безоговорочная любовь Райана подавить меня.

«Кого мне пригласить? Эй, ты в порядке?» — таким был его ответ.

«Нет. И пригласи всех».

Я не стала ждать, пока он ответит, и пошла к себе в комнату, чтобы взять чистую одежду. Следующие сорок минут были размытым пятном из-за пара в душе и слишком большого количества туши на ресницах. Я хотела забыть этот вечер. Забыть его. Забыть себя.

Вечеринка была в самом разгаре, громкая и развязная. Я оказалась на диване с каким-то незнакомцем и смеялась. У него были лохматые чёрные волосы и тяжёлый парфюм. Он положил свою ладонь на моё бедро. Я послала его на хер. И тут появился Райан, завязалась драка. От восхитительной смеси алкоголя и чувства опасности у меня кружилась голова, и я просто стояла и смотрела — даже ни разу не попросив их остановиться.

Диван перевернулся, вместе с ним и приставной столик, лампа упала на пол. Райан держал парня за воротник и бил его по лицу. Я никогда ещё не видела его таким злым, и в тот момент меня озарило — он злился на меня, очень. На то, что я его оставила.

— Райан? — слабым голосом позвала я. Чувство вины, боль, скорбь — всё это прорвалось наружу. Должно быть, тон моего голоса напугал Райана, потому что он тут же повернулся ко мне, в его глазах был страх. Незнакомый парень воспользовался тем, что Райан отвлёкся, и ударил его кулаком сбоку в голову, вырубив.

Застыв на месте, я наблюдала, как он падал — сначала пола коснулось его массивное плечо, а потом с глухим стуком опустилась голова. Всё вокруг затихло, и только на заднем плане играла песня... что это была за песня? Какая-то из маминых любимых.

Когда Райан не двинулся, народ начал тревожно перешёптываться, некоторые сразу же ушли. Парень, какой-то левый грёбаный мудака, сплюнул на моего бойфренда. С ненавистью глядя на меня, он вытер кровь с подбородка.

— Шлюха, — проговорил он, хотя мой отказ ему противоречил этому утверждению.

А потом парень смахнул с каминной полки все рамки с фотографиями, и они полетели на пол. Разбились на мелкие острые стеклянные осколки и клочки бумаги. Я застонала и упала на колени, все фотографии моей мамы были уничтожены.

Всё рушилось. Мне нужна была мама. Я закричала об этом; кричала оставшимся гостям которые тарасились на меня выпученными глазами.

— Мне нужна моя мама! — вырывая волосы на голове, безудержно орала я так громко, что полопались сосуды в глазах.

И тут вошёл мой отец. Мы никогда не говорили о том, что произошло. Он никогда не спрашивал, как я себя чувствовала.

— Отлично, папа, — говорит Дэниел с противоположного конца ресторанного столика. Он бросает салфетку на свою тарелку с едой, подходит ко мне и тянет меня за локоть. Я моргаю, по щекам катятся слёзы.

— Я не хотел, — искренне произносит отец. — Одри, прошу тебя...

— Приятного ужина, — отвечаю я дрожащим голосом и позволяю Дэниелу вывести меня из ресторана.

Уже в вестибюле, мой брат сгребает меня в объятия, да так крепко, что тяжело дышать. Потом он меня отпускает.

— Ох, ничего себе, — вытирая слёзы с лица, говорю я. — И спасибо.

Дэниел кивает и оглядывает вестибюль, словно понятия не имеет, что теперь со мной делать.

— Он не знал, — тихо говорит брат. — Я стараюсь не винить его, потому что он не понимал, что ты тоже умирала.

— Он не спрашивал.

Старая боль искажает черты лица Дэниела. В ту ночь меня спас он. Это мой брат, который вошёл в дом сразу за отцом, отвёз нас с Райаном в больницу, чтобы разобраться с его сотрясением. После того случая Райан едва мог смотреть в мою сторону, словно он увидел или услышал во мне то, что его напугало. И в итоге Дэниел был единственным, кто вообще смотрел на меня.

Мой брат опускает голову.

— Может быть, когда-нибудь ты расскажешь папе об этом.

— Может быть, — бормочу я и грустно улыбаюсь.

В фильмах всегда есть такие моменты, где герои выясняют, что они не понимали друг друга, что произошло недоразумение. Но не в реальной жизни. В реальной жизни очень сложно сказать кому-то, что ты его больше не любишь. И ещё сложнее сказать своему отцу, что не знаешь, как жить дальше. Моё горе украло мой голос.

Дэниел смотрит в сторону ресторана, наверняка думая о своём пропавшем ужине.

— Ты можешь вернуться, — говорю я ему. — Нет необходимости голодать из-за меня.

Он с сомнением смотрит на меня.

— Конечно есть. Я же твой брат. К тому же папина кредитка выдержит счёт за ужин в номере. Я просто мечтал попробовать лобстера.

Я смеюсь, и мы с Дэниелом идём к лифтам.

— Пожалуйста, пойдём на крышу со мной? — прошу я. — Я не хочу быть на людях одна.

Я далеко не такая коммуникабельная, как Дэниел. Мне привычнее общаться при поддержке его харизмы, когда основное внимание направлено не на меня, и я могу выбирать слова. Быть забавной. Сейчас же мне придётся придумывать всё на месте.

— Ну а как же та милашка-администратор? — спрашивает Дэниел, нажимая кнопку лифта. Двери тут же открываются. — Похоже, вы превосходно поладили. И ещё, Од, если ты помнишь, меня никто не приглашал.

— Ты просто бесишься, что она на тебя не запала.

— Немножко, — поправляет он меня. — Но ведь сегодня всего лишь среда.

Дэниел подмигивает, и я пихаю его в плечо, моё напряжение спало. Несмотря на этот эмоциональный срыв, я веселюсь. Не помню, когда такое было в последний раз.

Лифт останавливается на этаже Дэниела.

— У тебя всегда какие-то планы, — говорю я брату в надежде, что он передумает насчёт крыши. Он выходит и виновато пожимает плечами.

— Я очень привлекательный. Это дар и проклятие.

— Уф.

Он усмехается и направляется к своей комнате дальше по коридору. Я вздыхаю и опираюсь плечом на стенку лифта. По моему мнению, Дэниел напрасно теряет время с Кэтрин, но я не буду говорить с ним об этом. Похоже, он с ней счастлив, а больше всего на свете мне хочется, чтобы члены моей семьи были снова счастливы.

И вот уже после захода солнца я выхожу вслед за Лурдес на крышу через металлическую дверь. На улице тепло, влажный воздух липнет к коже. Слышна тихая, ненавязчивая мелодия — неспешная игра скрипки и едва уловимый голосовой напев. К нам подходит один из официантов, работающих в банкетном зале, и пихает мне в руку холодную бутылку. На нём белая футболка и чёрные штаны. Его волосы уже не зачёсаны набок, а торчат в разные стороны, особенно вокруг ушей. Он подмигивает Лурдес.

— С возвращением, красотка.

Лурдес одаривает его сияющей улыбкой и театрально разворачивается, когда парень отходит. Это флирт, но несерьёзный. Шутливый настолько, насколько может быть только с близкими друзьями.

— Все так рады тебе, — замечаю я и делаю глоток пива. — Как долго тебя не было?

Взгляд Лурдес скользит в мою сторону.

— Достаточно долго. Меня отстранили на время.

Я беззвучно произношу «О», но она лишь смеётся.

— Ничего криминального, — объясняет Лурдес. — Мы с Кеннетом просто по-разному смотрим на вещи.

— Охотно верю, — отвечаю я. — Так и думала, что он ужасный начальник.

— Ты даже представить себе не можешь!

Я оглядываю крышу и вижу официанта, который дал мне пиво. Он и ещё один парень залезают на самый край и садятся, свесив ноги вниз. Я указываю Лурдес на них.

— Разве это не опасно?

— Ага. И именно поэтому они так делают. Если ты ещё сама не поняла, — отвечает она и обводит рукой вокруг. — Почти всё, что по-настоящему весело, таит в себе опасность. Уверена, Эли уже говорил тебе об этом.

От упоминания его имени у меня подсакаивает пульс, и я поворачиваюсь к Лурдес.

— Вообще-то, я ещё не так хорошо его знаю.

Она смеётся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Узнаешь — в этом весь Элиас. Мы все так или иначе влюблены в него. — Она чуть наклоняется, словно собирается сообщить мне какой-то секрет. — Мы все здесь уже давно тусуемся вместе, Одри. И вот появился кто-то новый, кто сможет нас расшевелить. Из-за твоей ситуации я просто разрываюсь на части.

— Моей ситуации?

— Ты скоро уезжаешь, — забирая у меня пиво, чтобы отхлебнуть, говорит она. — Но часть меня хочет, чтобы ты осталась в «Руби». — Лурдес протягивает обратно мою бутылку. — А теперь пойдём, познакомлю тебя со своими друзьями.

Лурдес направляется в сторону кучки людей, которые сидят на металлических цилиндрах рядом со стеной, смеются и ведут себя как ни в чём не бывало, ибо вылазки на крышу для них — дело привычное. Думаю, это клёвая альтернатива той вечеринке, которую устраивают каждую ночь, но вас туда не приглашают. Где-то посередине крыши сидит парень постарше, на нём зелёная армейская крутка, хотя на улице стало совсем нечем дышать. Голова его побрита, он симпатичный, а ещё на его лице появляется улыбка, как только мы с Лурдес оказываемся в шагах трёх от компании.

— А... — произносит он и ставит ботинок на ящик, блокируя нам путь. У него манера медленно растягивать слова. — Пора бы уже, чёрт возьми. Без тебя это место было пыткой. — Парень бросает на меня взгляд. — А это что? Не думаю, что вам можно приводить на крышу гостей, мисс Фуллер. Или она исключение из правил? Что сказал бы на это Кеннет?

— Вообще-то, плевать я хотела на Кеннета, — сладко говорит Лурдес и проводит пальцами по его руке. — К тому же, Джером, он ей не начальник. — Её улыбка угасает. — Как и мне.

Джером убирает ботинок с ящика.

— Он точно не согласится с этим утверждением. Но ты же знаешь, что я питаю к тебе слабость. — Он машет, чтобы мы проходили, а потом говорит мне: — Приятно провести тебе время, милая.

— Спасибо.

Мои вопросы растут в числе, но Лурдес идёт дальше, а я не хочу отстать. Поэтому перехожу на бег, чтобы догнать её.

Мы останавливаемся рядом с компанией из пяти-шести человек. Здесь и официантка из ресторана, что принесла мне ветчину, и носильщик, который флиртовал со мной в день нашего приезда, даже та тихая девушка из хозяйственного блока тоже здесь.

— Ну вот и наша девочка, — улыбаясь Лурдес, объявляет носильщик. — Как здорово, что ты вернулась! Мы...

— Да-да, вы по мне скучали. — Лурдес отмахивается от сентиментальных фраз, резковато, но с любовью. Все с обожанием смотрят на неё. И с тенью сочувствия. А затем их внимание переключается на меня, наклонившись вперёд, они ждут, когда я заговорю. А я внезапно теряю дар речи.

— Это Одри Каселла, — говорит за меня новоиспечённая подруга. — Тот горячий красавчик-блондин — её брат.

Девушки и худощавый парень, попивая из бокалов для мартини, улыбаются и кивают друг другу. Мне хочется закатить глаза, потому что меня уже бесит, что люди всё время замечают Дэниела из-за его внешности.

— А ещё он просто хороший парень, — добавляю я. Все дружно переглядываются и начинают смеяться, как будто я только что рассказала им анекдот, в котором не знаю всей соли.

— Нет, ну это правда, — уже тише говорю я и поворачиваюсь к Лурдес.

— Уверена, так и есть, — отвечает она. — Но мы вообще-то не судим о людях по тому, насколько они хорошие. Таких обычно приглашают на вечеринку внизу. — Носильщик касается её бедра, чтобы привлечь к себе внимание, и, когда она опускает на него глаза, протягивает ей бутылку с пивом. — Спасибо, Джошуа, — говорит Лурдес, а затем поднимает пиво в тосте. — За наших новых гостей, — объявляет она. — За то, чтобы они подольше оставались с нами!

— Ура! — с лукавой улыбкой провозглашает Джошуа и отпивает пива.

Все остальные бормочут свои тосты, и потом Таня отодвигается в сторону, чтобы мы с Лурдес тоже могли сесть. Я делаю ещё один глоток, чтобы успокоить нервы. Все эти люди мне незнакомы — и мне очень неловко, особенно от того, что они, похоже, всё знают друг о друге.

— Скажи-ка мне, Джошуа, — обращается Лурдес к носильщику и, вытянув ногу, кладёт её ему на колени. Его рука тут же оказывается на её лодыжке, большой палец поглаживает кожу. — Как давно вы с Кэтрин возобновили ваши отношения? Мне пришлось услышать об этом от посудомойки.

Палец Джошуа замирает на месте, у меня внутри всё опускается.

— Это всё сплетни, — убирая со своих колен ногу Лурдес, говорит Джошуа. — Лучше мне не иметь с ней дел. Особенно после того, как она ударила меня ножом.

— Кэтрин ударила тебя ножом? — требовательно спрашиваю я, и моя тревога за брата становится ещё сильнее. Компания смотрит на меня, как и ещё несколько других человек.

— Шшц, — говорит мне Лурдес. — Нам нельзя сплетничать о гостях. Тем более, с Джошуа всё отлично. Это было не так впечатляюще, как он преподносит.

— Конечно, — с сарказмом произносит Джошуа. — У меня склонность преувеличивать тот факт, что женщины вонзают ножи мне в живот.

— А что самое смешное здесь, — выкрикивает Таня, — что «женщины» — это множественное число.

Все они дружно начинают смеяться, а я задумываюсь, действительно ли мой брат в опасности. Мне хочется спросить об этом, но, с другой стороны, я понятия не имею, когда они шутят, а когда нет. И ещё не знаю, как они отреагируют на то, что Дэниел путается с чужой подружкой. Разузнаю все детали у Лурдес позже, когда никого из них не будет рядом.

Тут Лурдес ругается, и я поворачиваюсь, чтобы проследовать за её взглядом. Через крышу в нашу сторону идёт Элиас, одетый в выглаженный чёрный костюм. И тут я понимаю, что улыбаюсь как идиотка, и стараюсь побыстрее принять хладнокровный вид, пока никто не заметил.

— Боже мой, — прислонившись спиной к стене, говорит Таня. — Сегодня здесь точно развернется ад.

— О, расслабься, — отвечает ей Лурдес. — Он же здесь не первый раз.

— Но этот точно может плохо закончиться, — вставляет Таня.

Я смотрю на неё, гадая, что конкретно она имеет в виду. Совпадают ли наши с ней представления о плохом конце? Если да, то я напилась.

— Эли, — кричит Лурдес. — Уже второй раз за день. Вот так возвращение домой!

Элиас подходит к нам, и мои минутные сомнения забыты. Мягкий свет подчёркивает его силуэт — высокий и угловатый. Его ботинки с шарканьем останавливаются, и становится видно его лицо, до боли красивое. Он тепло улыбается, на такую улыбку невозможно не ответить.

— Просто я рад, что ты вернулась, — присаживаясь на краешек соседнего металлического цилиндра, говорит он Лурдес. — И ты знаешь, что я бы ещё чаще появлялся, не будь порой Кеннет таким тираном.

— И настоящим мерзавцем, — добавляет Лурдес. Она удерживает взгляд Элиаса до тех пор, пока они оба не начинают смеяться. Затем Элиас двигается ближе ко мне.

— Я надеялся перехватить тебя за ужином, — тихо говорит он. — Но вместо этого у ресторана натолкнулся на твоего брата. Он не был особо рад.

— Могу представить. — Усевшись поудобнее, сейчас, когда пришёл Элиас, я чувствую себя более расслабленной. Он излучает умиротворение и покой. Как старый друг, которого я ещё не узнала. — А зачем ты меня искал? — наклонившись ближе, спрашиваю я его. — Разве тебе не нужно на скучную вечеринку?

— Нужно, — неохотно соглашается он. — Хотя я бы предпочёл всю ночь провести с тобой.

Его глаза мерцают страстным, неистовым блеском. Между нами какое-то магнетическое притяжение, почти невозможно не представлять себе, как я вливаюсь в его губы. Ребята вокруг нас поддерживают разговор, притворяясь, что не подслушивают. Элиас двигается ещё ближе, и мой взгляд опускается на его губы.

— Я найду тебя после вечеринки, — говорит он.

— Ты можешь просто туда не ходить, — предлагаю я. Где-то позади меня усмехается Джошуа, но Элиас заставляет его умолкнуть, подняв глаза. — Что такого особенного в этих вечеринках? Почему ты должен туда пойти? И не говори мне, что это из-за Кеннета. Он же обычный портье.

Элиас складывает руки на коленях, и я вижу, как двигается его челюсть, её резкие линии, напрягшиеся мускулы. Каждый раз при упоминании Кеннета он отшучивался, но теперь я вижу, что он реально недоволен. Интересно, это как-то связано с отстранением Лурдес или тут замешано нечто большее? На мгновение все умолкают.

— Есть правила, — говорит Таня, когда никто ничего не произносит. — Как на любой другой работе, если мы не следуем им, нас наказывают. И хотя я здесь не так давно, как остальные, знаю, что лучше держать рот на замке. А если ты хочешь получить удовольствие от своего пребывания здесь, наслаждаться видами, — она смотрит на Элиаса, — то лучше не злить портье.

Её угроза была адресована не мне; я поворачиваюсь к Элиасу.

— Он может выгнать тебя из отеля? — спрашиваю я. — И это ли самое худшее?

— Семья Элиаса помогла в строительстве этого места, — отвечает за него Джошуа.

Они обмениваются тяжелыми взглядами, натянутыми из-за того, что произошло в прошлом. И тут до меня доходит, что это «что-то в прошлом» каким-то образом связано с Кэтрин. Когда на той вечеринке она попросила Элиаса потанцевать с ней, он отказался, а потом упомянул Джошуа. Я не удивилась бы, узнав, что из-за неё в отеле возник

своеобразный любовный треугольник.

— Элиас никогда не сможет уйти, — продолжает Джошуа. — Чёрт, да эта вечеринка в честь него!

Ошарашенная, я начинаю спрашивать, правда ли это, но Лурдес сурово качает головой.

— Не нужно так, Джошуа, — говорит она ему, словно он капризный ребёнок. — Эли не виноват в том, что родился в богатой семье. — Она одаривает его озорной улыбкой, Элиас усмехается, его напряжение исчезает. — К тому же, мы все прекрасно знаем в чью честь эти вечеринки — в честь безмерного эго Кеннета.

— За наш дом, — выкрикивает Таня, и все повторяют за ней и пьют. Элиас кивает, поскольку у него нет бутылки, и я, хотя понятия не имею, что именно означает её тост, тоже делаю глоток пива.

— А теперь, — говорит Лурдес и толкает Элиаса носком своей туфли, — лучше бы тебе спуститься вниз, пока Кэтрин не отправилась тебя искать. Не думаю, что кому-то из нас хочется иметь дело с её перепадами настроения.

Кэтрин. Снова они упоминают её имя. Только теперь её очевидная связь с Элиасом заставляет меня ощутить маленький укол ревности. И это уже слишком для того, кто научился справляться с этим чувством. Я определённо порасспрашиваю о ней — ради себя и Дэниела. Я не знаю этих людей. Не знаю об их прошлом, об их отношениях. Но лучше будет, если я не окажусь вовлечённой в некую скрытую драму, особенно когда мне своих хватает.

Элиас смотрит на Лурдес.

— Полегче с ней, — говорит он, показывая на меня, и Лурдес отвечает ему улыбкой.

Элиас поднимается и расправляет брючины. Я бегло осматриваю его, восхищаясь его костюмом, его элегантностью. Сейчас, когда он собирается уходить, моя решимость избегать конфликта исчезает.

— Найди меня потом, — соглашаясь на его предложение, говорю я. И когда я слышу, как кто-то усмехается, мне становится неловко, но совсем чуть-чуть, потому что наши с Элиасом взгляды встречаются, и меня охватывает чувство покоя, чувство предназначения. Я хочу проводить с ним больше времени. Я хочу его. Губы Элиаса расплзаются в широкой улыбке.

— Теперь я определённо тебя найду, — с облегчением произносит он. И пересекает крышу, его ботинки стучат по бетону.

У меня сводит живот от некоей нервной энергии, как перед предстоящим поцелуем. Натяжение, учатившийся пульс. Напряжение. Так давно я не испытывала этой жажды поцелуя. Я уже почти забыла, на что похоже это чувство. Я почти забыла, как чувствовать.

Как только Элиас покидает крышу, Лурдес наклоняется ко мне, и исходящий от неё запах стирального порошка, которым пользовалась моя мама, заставляет меня думать, будто мы с ней дружим уже вечность.

— Ты ему нравишься, — поддразнивает она меня. — По-моему, он безумно в тебя влюбился.

Я закусываю нижнюю губу, чтобы моя улыбка не расплылась от уха до уха. Может, дело в алкоголе, но это возродившееся чувство кружит мне голову. Флирт вдохнул в меня жизнь.

— Наконец-то, — проговорил Джошуа. — И знай, если разобьёшь ему сердце, то всегда можешь начать встречаться со мной. — Он переворачивает бутылку, чтобы допить последние капли. — Мне нравятся плохие девчонки.

Джошуа симпатичный, но есть в нём что-то противное.

— Мне это не интересно, — отвечаю я, и он смеётся, потом пожимает плечами и говорит, что я многое теряю.

Из невидимого радио продолжает играть музыка, и я разворачиваюсь, чтобы посмотреть на остальных людей на крыше. Среди них есть несколько знакомых лиц, но когда на них нет униформы, тяжело сказать, кем именно они работают в отеле. Дверь на лестницу открывается, и выходят двое мужчин. Они тут же выделяются на фоне остальных — длинные волосы, чёрные футболки. Все молчат, когда они проходят мимо персонала, а затем останавливаются у края крыши. Тот, что повыше, вынимает пачку сигарет и вытаскивает две штуки. Мужчины курят и о чём-то разговаривают, обозревая территорию «Руби». Я никак не могу уловить, чем именно они отличаются, а когда поворачиваюсь к Лурдес, та пристально смотрит на меня. Её брови сдвинуты, словно она чем-то озабочена. Я отворачиваюсь обратно к мужчинам, но они уже зашли обратно.

— Ты знаешь историю «Руби»? — приглушённым голосом спрашивает Лурдес. На её щеках горит румянец, глаза озорно блестят от возбуждения. Остальные наклоняются ближе, словно это их любимая часть. — Говорят, здесь водятся привидения.

— Я слышала об этом, — отвечаю я, заинтригованная нетерпеливыми взглядами других членов нашей компании. Мне не особо нравятся страшные истории — наша жизнь страшная сама по себе — но у такого старого отеля, как этот, наверняка было захватывающее прошлое. — А что здесь произошло?

Лурдес широко улыбается, а остальные усаживаются поудобнее. Я посчитала бы это чудным, но без мобильной связи и интернета страшилки могут сойти за неплохое развлечение.

— «Руби» построили в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Отель стал местом отдыха и развлечений для богатых и знаменитых. «Титаником» на фундаменте. И судьба у него не менее трагична.

Все смеются, а я оборачиваюсь через плечо, чувствуя себя всё беспокойнее. Куда ушли те курящие мужчины? И как им удалось исчезнуть так быстро?

— Это место было легендарным, — продолжает Лурдес. — Говорили, что здесь самый грандиозный бальный зал на всём Западном побережье. Люди приезжали сюда валом — сенаторы, актрисы, магнаты. Семья Элиаса, — при упоминании его имени она улыбается, — была в числе капиталовладельцев, которые объединились, чтобы построить этот отель.

Более того, в ночь пожара в бальном зале чествовали именно их.

— Пожара, — повторяю я. — Они погибли?

— Да. Во время вечеринки по случаю первой годовщины бальный зал охватило пламя, — отвечает Лурдес. — Погибли все шестьдесят семь гостей. Никто не стал открывать двери, чтобы огонь не сжёг всё здание. Они попросту заперли людей внутри. — Люди вокруг нас притихли, в воздухе повисла печаль. Я клянусь, такое чувство, будто простонал сам отель.

— Какой ужас! — едва дыша, выговариваю я. По рукам ползут мурашки, мои глаза пробегают по остальным. Они с замиранием сердца ждут, когда Лурдес закончит историю.

— Владельцы быстро сделали реконструкцию — всё выглядело в точности так же, как до пожара. Словно его и не было вовсе. Здание продали, затем ещё раз. Не менялось лишь одно: вечеринка. Каждый вечер в бальном зале отель «Руби» устраивает вечеринку в память о погибших. Со всего мира сюда съезжаются люди, чтобы провести вечер в компании призраков. — Последнюю часть предложения Лурдес почти шепчет, а потом смеётся, когда видит, что ей действительно удалось нагнать на меня страху. — Поэтому Кеннет так заботится, чтобы всё было идеально, — качая головой, говорит она. — Иначе его вышвырнут вон.

— «Руби» — это приманка для туристов, — отзывается Джошуа. — Вечеринки должны посещать определённые гости, ну, чтобы поддерживать видимость. Тусоваться всю жизнь. В «Руби», — он горько усмехается, — ты можешь остаться на ночь. А можешь остаться навсегда.

Я так и не получила приглашения на вечеринку, в отличие от Дэниела и папы. Но не говорю им об этом. Потому что это как-то унижительно — я, что, недостаточно важный гость? Или Дэниел прав, и я кого-то сильно разозлила.

— Так вы думаете, здесь правда водятся привидения? — спрашиваю я.

Джошуа открывает переносной холодильник и достаёт ещё одну бутылку пива, откручивает крышку и отдаёт бутылку Лурдес. Она благодарит его, а потом отвечает на мой вопрос.

— Одри, в ту ночь в бальном зале заживо сгорело почти семьдесят человек. Думаю, кто-то был серьёзно ранен. Но не волнуйся, — она делает глоток, — они всего лишь привидения.

— За наш дом, — выкрикивает Таня. И снова все повторяют за ней этот тост и выпивают. Я смотрю на Лурдес, она улыбается мне поверх горлышка бутылки.

— Это значит никаких разговоров о работе в часы отдыха, — объясняет Лурдес. — Никаких разговоров о Кеннете, о наших жизнях за пределами «Руби». Это наши правила здесь, дома. Так работа легче переносится. — Она тянется к холодильнику и достаёт мне бутылку пива. Обычно я бы не стала пить вторую, но мне с ними весело. И мне нравятся их правила. Я не хочу говорить — как и думать — о своей жизни до и после «Руби».

Меняется музыка, а с ней и общее настроение. Сначала я не узнаю мелодию, но потом все начинают свистеть, словно весь вечер ждали только её. Песня слащавая, но, в то же время, я понимаю, почему она им так нравится.

— Кто вообще такое поёт? — спрашиваю я. Помню, мама оставляла её пару раз, когда играла радиостанция с классическим роком, но понятия не имею, кто исполнитель.

— Да чёрт его знает, — говорит Джошуа, словно это не имеет значения. — Это определённо восьмидесятые, а, по мнению Тани, это определённо круто.

Он улыбается ей, но она уже на ногах, качается в такт музыке.

Начинается припев, и Таня подпевает, сначала тихо. Я смотрю на остальных, не зная как реагировать. Они подбадривают её, призывая продолжать петь. И тут Таня впивается в свою футболку, вторую руку протягивает в нашу сторону и во всё горло кричит слова. Мы дружно смеёмся, но Таня продолжает и обходит всех по кругу, чтобы спеть серенаду каждому в отдельности. Она совершенно вовлечена в процесс и поёт балладу так, как её нужно петь. В какой-то момент, Таня впивается руками в волосы и падает на колени. Это чертовски изумительно!

В итоге песня подходит к концу, становится тише, и Таня, едва дыша, поднимается на ноги. Она кланяется, как победитель. Толпа взрывается аплодисментами, а Джошуа свистит, вставив пальцы в рот.

— Эта песня никогда не устареет, — искренне замечает одна из девушек.

— Спасибо, — говорит Таня и плюхается рядом с Лурдес. — Я её просто обожаю.

— А я предпочитаю Билли Холидей, — говорит Джошуа и берёт себе ещё бутылку. — Ну или, знаешь ли, кого-то с талантом.

— Музыкальный сноб, — говорит Таня. Она наклоняется и быстро целует его в губы, и он облизывается в ответ. Внезапно я чувствую совершенную растерянность. Они, что, вместе? Я поднимаю бутылку, чтобы сделать глоток, но в ней пусто. Неужели прошло так много времени?

— Ещё будешь? — спрашивает Лурдес, когда я со звоном ставлю бутылку.

— Мне хватит, — отвечаю я. Начинается новая песня, та же самая, которую я слышала в бальном зале на вечеринке. Та же самая, которую я слышала ночью. И мне снова никак её не вспомнить. Я закрываю глаза и стараюсь отбросить всё остальное, но не могу разобрать слова. Мелодия звучит слишком медленно.

— Эй, — окликает меня Лурдес, вырывая из оцепенения. Я смотрю на неё, она возбуждена и прямо-таки пульсирует энергией. — Хочешь увидеть привидения? — шепчет мне подруга.

Я совершенно точно уверена, что не хочу, потому что ощущение такое, как будто вдоль позвоночника ползут вверх чьи-то пальцы. Но Джошуа слышит наш разговор и уже сияет безумной улыбкой.

— Не знаю, — отвечаю я, не желая быть полным ссыклом.

— Давай, Одри, — говорит Джошуа. — Ты здесь всего на несколько дней. Выжимай из них всё что можно. А это самая лучшая часть.

Ещё несколько человек вливаются в нашу беседу и уже прямо-таки гудят от волнения. Несмотря на то, что я не очень-то верю в привидения, «Руби» может заставить меня в них поверить. Но я не хочу, чтобы меня заставили поверить. Я хочу оставаться скептиком.

— Она боится, — смеётся Таня. — Ну чего тут бояться-то?

От смущения у меня пылают щёки — вот оно, давление сверстников — и я снова смотрю на Лурдес. Она поднимает брови, словно спрашивает меня, в игре ли я. Страх мой слабеет, а всеобщее возбуждение пробуждает моё любопытство.

— А ты правда видела привидения? — спрашиваю я Лурдес. Её ярко-красные губы расходятся в широченной улыбке.

— Вижу их всё время.

— Ни хрена себе, — бормочу я, вызвав у неё смешок. Затем смотрю на остальных работников отеля на крыше, что тусуются отдельно от нашей компании. Они продолжают болтать, смеяться, не обращая внимания на наш план по...

— Это называется «Разбуди мёртвых», — говорит Лурдес. — И мы играем в эту игру только когда в нашей компании появляется кто-то новенький. Так что, — дразня, добавляет она, — это всё ради тебя. Ты не можешь отказаться.

— Могу, — поправляю я. — Но в этот раз не буду. Только ты должна пообещать, что это безопасно и в меня не вселится никакой дух и ничего такого.

— Не получится. — Она быстро встряхивает головой, и Джошуа подаёт ей свою руку, чтобы помочь подняться. Таня и двое других берут свои вещи, чтобы пойти с нами.

От ужаса у меня сводит желудок, как на «американских горках». Когда я встаю, выпитое пиво даёт о себе знать, и у меня кружится голова, но это быстро проходит, и я следую за Лурдес и Джошуа, который несёт холодильник с пивом. По дороге Лурдес останавливается рядом с парнем в военной куртке и, склонившись к нему, что-то шепчет ему на ухо. Он откидывается назад, чтобы с вождением улыбнуться ей. Она идёт дальше, а парень кивает мне и говорит, чтобы я развлекалась, словно аттракцион скоро остановится. Уже у дверей я оглядываюсь на крышу, а потом смотрю на Лурдес, которая улыбается и тащит меня за руку внутрь.

***

Вместо обычного лифта, Джошуа лабиринтами коридоров ведёт нас к лифту в задней части отеля. Перед дверью находятся металлические раздвижные ворота, а над ними висит диск с номерами этажей, больше похожий на золотые часы. Джошуа раздвигает для нас ворота, и раздаётся громкий звук лязгающего металла. Затем он задвигает их обратно, и я прижимаюсь спиной к стенке лифта, боясь, что он слишком старый, чтобы работать. Остальные выглядят совершенно спокойными.

— Где мы? — шёпотом спрашиваю я и хватаюсь за позолоченные перила, когда лифт, покачиваясь, начинает движение.

— Это лифт для персонала, — говорит Лурдес, с любовью проводя пальцами по рельефным обоям бордового цвета. — Большинство даже не знает о его существовании. Он существует здесь с самого начала.

— Он восхитительный, — отвечаю я, хотя опасаясь, что эта коробка смерти развалится прежде, чем довезёт нас до нужного этажа.

Мы с трудом движемся вниз, в холодильнике гремит лёд, а меня официально знакомят с остальными сотрудниками отеля — Кейси, застенчивой девушкой из хозяйственного блока, и Уорреном, который казался бы милым, не будь на его лице постоянной ухмылки, как если ему известна какая-то шутка, о которой мы понятия не имеем. Мы вшестером молчим всю дорогу, пока лифт не останавливается, задрожав. Меня отбрасывает в сторону, и я ударяюсь плечом о стенку. Джошуа резким движением открывает ворота, и все быстро выходят. Я следую за ними, подняв глаза на указатель этажей, чтобы узнать, на какой мы приехали. Стрелка зависла в свободном пространстве между вестибюлем и подвалом.

Но это точно не подвал, насколько я могу судить. По крайней мере, не тот, куда до этого меня водил Элиас. Я гадаю, который сейчас час и как скоро я снова его увижу. Но часов нигде нет, а мобильник я оставила в своём номере.

Джошуа указывает вперёд, на серую металлическую дверь, а затем, вытащив из кармана ключ, оборачивается к нам и улыбается. За ней оказывается внутренний дворик, выложенный бетонными плитами, справа находятся зелёные мусорные баки, и запах мусора

смешивается с ароматом цветов из сада, расположенного по другую сторону стены. Но группа не останавливается здесь. Таня подходит к пластиковой скамье и поднимает крышку. Она достаёт фонарики и раздаёт их. Когда наступает моя очередь, мне достаётся маленький бытовой фонарик, в то время как остальные держат прожекторы.

Стоит нам сойти с бетонных плит в сторону к деревьям, становится прохладнее. Мы идём через траву, сквозь ночную тьму невозможно ничего увидеть, за пределами сада царит полнейший мрак. Лурдес и остальные хихикают, лучи их фонарей танцуют по деревьям и траве. Я не могу вспомнить, как выглядит мир вне стен отеля «Руби». Когда мы приехали сюда, ночь не казалась такой тёмной.

— Подождите, — говорю я и ускоряю шаг. Света моего фонарика недостаточно, чтобы я чувствовала себя спокойно, особенно когда мои друзья растворяются в маленьких кружках света в темноте. Я подбираюсь к Лурдес и беру её за руку. Она искоса смотрит на меня, половина её лица скрыта тенью.

— Кого мы встретим первым? — спрашивает она. — Нас здесь не было несколько месяцев, если не дольше. Но держу пари, это будет Арас, старый дух. По-моему, он даже старше отеля «Руби».

Я сплываю, не уверенная в том, шутит ли она, но потом раздражаюсь на себя же, что попала на эту удочку. Закатив глаза, я тяну её за руку.

— Давайте вернёмся, — говорю я. — Здесь становится всё холоднее.

— Подожди немного, — бормочет Лурдес и тянет меня вперёд, не обращая внимания на мою мольбу о возвращении в отель. В воздухе висит тишина, которую нарушает лишь отдалённый смех Джошуа. И этот звук успокаивает меня, не даёт оторваться от реальности.

— Мы уже почти на месте, — говорит Лурдес, наводя свой фонарь на небольшую старую тропинку, извивающуюся между разросшимся кустарником. Я обнимаю себя руками — чем дальше мы уходим, тем ниже становится температура. Через несколько секунд свет от фонарей скользит по пустому пространству и вдруг падает на что-то огромное. Я, запнувшись, останавливаюсь, вначале не совсем понимая, что передо мной.

Лурдес бросается вперёд, в то время как по другой тропинке подходят Джошуа, Таня, Кейси и Уоррен. Свет их фонариков наведён на то же самое сооружение.

Фонтан, вернее, то, что было им раньше. Сейчас же это просто каменная статуя, силуэт которой искажён покрывающими её от самого основания плющом и мхом. Лурдес и остальные ставят свои прожекторы на каменный ярус, осветив всю площадку, а потом рассаживаются на каменных скамейках рядом. Джошуа уже открыл холодильник и раздаёт выпивку, но я предпочитаю осмотреться. Позади нас громоздится «Руби», хотя свет из его окон сюда не попадает.

Возможно, мы всего лишь вышли за пределы сада, но кажется, как будто мы на расстоянии вечности. Разросшийся кустарник полностью скрывает нас из вида, словно природа создала эту маленькую поляну специально для нас.

— Одри, — окликает меня Джошуа и протягивает бутылку. Я улыбаюсь и подхожу к фонтану, чтобы взять её. Остальные наблюдают за мной и, когда я делаю глоток, похоже, расслабляются и говорят о том, как долго их здесь не было.

— Что это за место? — усевшись рядом с Лурдес, спрашиваю я. Холод от камня проходит сквозь джинсы, и меня передёргивает. Таня садится на колени к Джошуа, обняв его за плечи одной рукой. Кейси и Уоррен прислоняются к устланному мхом фонтану. Уоррен вынимает из кармана пиджака небольшую прозрачную фляжку и наливает оттуда в свой

стакан, а затем протягивает остатки Кейси, которая допивает их.

— Памятник, — отвечает Лурдес. Она ставит свою бутылку, поворачивается и берёт один из фонарей. Затем принимается очищать от плюща и мха небольшой участок в центре второго яруса фонтана. — Видишь? — Она указывает фонарём на покрытую паутиной бронзовую табличку: «В память о погибших в пожаре в 1937 г. Пусть ваши блуждающие души обретут покой».

— И что это значит, чёрт побери? — встретившись взглядом с Лурдес, спрашиваю я. — Они ожидали, что тут будут водиться призраки? Какое-то странное посвящение.

Она смеётся, ставит фонарь на место и подхватывает своё пиво.

— Они поставили этот памятник лишь через лет пять-десять после случившегося, — говорит Лурдес, словно такая разница во времени не имеет значения. — Просто начали поступать жалобы от гостей на всевозможные досадные случаи — разбитые бокалы, пропавшие вещи, холодные прикосновения к коже. Люди перестали останавливаться здесь, так что владельцы воздвигли этот мемориал там, где бы его не нашли обычные гости, но смогли бы найти призраки. Они почему-то решили, что последним просто хочется признания.

Джошуа смеётся и делает долгий глоток.

— Полуразвалившийся фонтан точно заставил бы меня перестать являться людям, — говорит он. — Он куда почётнее, чем, скажем, похороны.

Я отставляю бутылку в сторону, меня всё ещё задевает упоминание о похоронах. Внутри начинается зарождаться дурнота.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я. — Похорон не было?

— Были, но не у всех, — отвечает Лурдес. — У некоторых просто не было семей, некого было извещать о смерти. Говорят, их тела, вернее, то, что от них осталось, сбросили где-то здесь. Возможно, фонтан построен прямо над ними. Сомневаюсь, что это помогло им найти покой.

— Им нужно провести сеанс экзорцизма, — советует Таня с коленей Джошуа. — Если они хотят избавиться от приведений, им нужно отослать их в мир иной.

Остальные сердито смотрят на неё, похоже, очень обиженные тем, что она осмелилась высказать такую мысль.

— Ну а что? — улыбаясь, спрашивает Таня. — Вы бы не хотели посмотреть на слабых старичков в рясах, разбрызгивающих повсюду святую воду? По-моему, это было бы прикольно.

— Я бы не хотела, — отвечает Лурдес и поворачивается ко мне. — Это место мне нравится таким, какое оно есть — с приведениями и всем остальным. — Она ухмыляется, приподнимает бутылку, чтобы выпить со мной, и, бросив взгляд на Таню, добавляет: — К тому же, мы лишились бы работы, избавься они от приведений.

— Правда, — качая головой, говорит Джошуа. Я начинаю подозревать, что все они немного пьяны, и в тот же момент осознаю, что и сама опьянела. Джошуа же бормочет: — Я всё ещё жду, когда один из тех привидений придёт ночью в мою комнату. Я не отделяю живых от мёртвых.

— Ты отвратительный, — говорит Таня. Но она вряд ли действительно так думает, потому что наклоняется и целует его. Лурдес рядом со мной вздыхает и опирается спиной на фонтан.

— Ну, такого позовём? — спрашивает она и поворачивает голову, чтобы посмотреть

на меня. — В прошлый раз Эли заставил нас вызвать какую-то маленькую старушку, но она так и не появилась.

— Элиас тоже был здесь? — с удивлением спрашиваю я.

Лурдес закусывает губу и улыбается мне поддразнивающей улыбкой. Должно быть, я слишком пылко реагирую на упоминание его имени.

— Когда Таня начала работать в отеле, он вырвался отпраздновать это с нами, — отвечает Лурдес. — Если честно, по-моему, он просто избегал встречи с Кэтрин. Она пси...

— Психопатка? — заканчиваю я за неё.

— Точно. Так вот, мы пришли сюда и попытались вызвать мёртвых. Но ничего не произошло, только Таня упала в фонтан и разбила губу. Было забавно объяснять это, когда мы вернулись обратно в отель.

Я смотрю на «Руби», на несколько светящихся окон верхних этажей. И гадаю, что сейчас делает Элиас — и делает ли он это с Кэтрин. Настроение начинает омрачаться разочарованием (или это ревность?). Но тут мне вспоминаются все те случаи, когда я так хотела, чтобы Райан изменил мне, и тогда это стало бы причиной нашего разрыва. Ревность может интересно преобразиться.

— Думаю, нам нужно вызвать Леннокса, — уверенно произносит Лурдес. — В ночь пожара он был дежурным на стойке регистрации. Говорят, он пытался открыть двери и выпустить людей, но остальные его удержали. В итоге его просто затоптали. — Её лицо вытягивается. — Грустно, не правда ли? — Она смотрит на меня, идеальные дуги её бровей сведены вместе. — Он же пытался помочь.

— Это шокирует, — шепчу я и чувствую, как настроение вокруг поменялось. Кожу на моей руке покалывает от прохладного воздуха, по коже словно ползёт что-то холодное. Я с трудом сглатываю.

Лурдес закрывает глаза и откидывает голову назад.

— Леннокс, — зовёт она. — Леннокс, мы здесь, чтобы пробудить тебя. Приди к нам, явись нам, где бы ты ни был.

Мне совсем не хочется, чтобы Леннокс появился. Ни капельки. Я нервно отпиваю пива и бросаю взгляды в разные стороны, ожидая, что вот-вот выплывет призрак в белом и до смерти меня напугает. Остальные притихли, и я так не хочу тишины. Я хочу, чтобы они смеялись, как будто всё нормально и не существует никаких привидений. Даже рядом с памятниками. Я делаю ещё глоток, и моя бутылка пустеет. Я ставлю её в сторону на траву и смотрю на остальных, встревоженная тем, что все они наблюдают за мной.

— Ты слышишь его? — спрашивает Лурдес, её остекленевшие глаза широко раскрыты. Всё моё тело начинает дрожать, губы онемели. Я уже собираюсь сказать ей, что хочу, нет, что мне *нужно* уйти, когда в кустах раздаётся шуршание.

Моя голова резко поворачивается в направлении звука, и я вскакиваю со своего места у фонтана. Мой пульс ускоряется до бешеного, накатывает чистейшая паника. Я не успеваю закричать, как появляется фигура, и мне кажется, что сейчас я упаду в обморок. Из-за чувства удушья я чуть не падаю назад, мир вокруг начинает кружиться. Но как только видение становится более отчётливым, все начинают смеяться. Бритая голова, зелёная армейская куртка. Это Джером, парень с крыши, и в каждой его руке по четыре бутылки. Он смотрит прямо на меня, широко улыбаясь.

— Купилась, да?

Мне с трудом удаётся выровнять дыхание, меня всё ещё потряхивает, чтобы я могла

говорить. Я смотрю на Лурдес, которая встаёт и забрасывает руку мне на плечи.

— Прости, Одри, — говорит она сквозь смех, — когда Таня пришла сюда, мы проделали то же самое. Напугали её до беспамятства.

Таня кивает в подтверждение.

— Потом ещё неделю снились кошмары, — говорит она. — А этот вот, — она кивает на Джошуа, — решил, что будет ещё забавнее, если сначала они выключат все фонари. И я свалилась в чёртов фонтан.

— Кровь была повсюду, — говорит Джошуа, широко размахивая руками, но тут замечает, что Таня смотрит на него. — Такая вот неприятность, — добавляет он неубедительно. Таня шлёпает его по плечам, поднимается с его колен и садится рядом с Кейси и Уорреном. Но она не злится — смеётся над собой вместе со всеми.

— Прости, милая, — произносит Джером. — Лурдес посчитала, что тебе понравится небольшое посвящение.

Он наклоняется и целует её в щёку, на его лице отражается неприкрытое влечение. Лурдес подмигивает ему и забирает у него одну бутылку. Джером уходит поболтать с остальными, а мой страх превращается в выброс адреналина.

— Ты ведь не сердишься? — робко спрашивает меня Лурдес. Она опускает руку и отходит чуть назад, чтобы посмотреть на меня.

— Я не сержусь. Правда.

Теперь, когда я знаю, что никакой призрак не приволочился, чтобы вселиться в моё тело, мне снова весело. Я беру себе ещё бутылку у Джерома. Остальные взрываются смехом каждый раз, когда смотрят на меня, и, в конце концов, никто из нас не может сохранять невозмутимый вид.

— А Леннокс существовал на самом деле? — требовательно спрашиваю я у Лурдес.

— Нет, — качая головой, отвечает она. — Я его выдумала. — Умолкнув, она смотрит на «Руби» и пьёт пиво. — В ту ночь никто не пытался помочь им выбраться из зала. Они просто оставили их гореть.

Не знаю, как долго мы уже здесь. Таня и Уоррен тайком исчезают в деревьях, Кейси и Джошуа смеются и перешёптываются с другой стороны фонтана. Лурдес остаётся со мной, но они с Джеромом постоянно обмениваются взглядами, и я чувствую себя лишней. Она напоминает мне Дэниела — тем, что всех притягивает к себе. Только держится скромно, а не принимает это внимание как должное.

Я гадаю, который час. Сейчас время постоянно остаётся для меня загадкой. Моё пиво закончилось, но я принимаю сознательное решение больше не пить. Я и так уже не знаю, как буду себя чувствовать, когда Элиас уйдёт с вечеринки. В руке опять начинает болеть, где-то в кости. Та же самая боль, что мучила меня перед тем, как я легла спать. Я вращаю плечом.

— Ты в порядке? — повернувшись ко мне, спрашивает Лурдес. Из кустов, шатаясь, появляются Таня и Уоррен, смеясь над чем-то.

— Болит рука, — отвечаю я Лурдес, словно не происходит ничего особенного. — Всё в порядке. Наверное, просто потянула мышцу.

Лурдес отдаёт Джерому свою бутылку и встаёт на ноги. Джошуа наклоняется вперёд, чтобы посмотреть, что происходит.

— Пойдём, — говорит мне Лурдес. — Становится поздно. — Она поворачивается и смотрит на сидящих слишком близко друг к другу Джошуа и Кейси.

— И жутко, — усмехнувшись, добавляет Джером.

— Если у тебя болит рука, — продолжает Лурдес, — то у меня в комнате есть лекарства, которые должны помочь.

— От этого дерьма нет никакого толку, — говорит Таня, падая рядом с Джеромом. Её лицо горит, это заметно даже в слабом свете фонарей.

— Ей поможет, — тихо отвечает Лурдес. — Она не так невосприимчива, как мы с вами.

— Лурдес собирает то, что осталось в номерах, — объясняет мне Джошуа. — Одежду, журналы, таблетки — у неё уже собственный небольшой магазинчик. Так мы не отстаём от жизни.

— Ты всегда останешься хамом, Джошуа, — говорит Таня. — Этого не изменят никакие элементы культуры.

Она пристально смотрит на Кейси, и девушка вся сжимается, явно униженная. Уоррен выразительно глядит на Таню, а затем садится рядом с Кейси.

Джошуа кладёт ладонь на сердце.

— Я ранен, — с насмешкой отвечает он Тане. — Поцелуй меня, облегчи эту боль.

Он улыбается дьявольской улыбкой, но Лурдес уже берёт меня за руку, чтобы помочь встать, и мне не видно, согласилась ли Таня на его предложение.

Если честно, я не хочу принимать никакие лекарства. Я уже принимала их, после смерти мамы перепробовала всё, что нашлось в аптечном шкафчике. И от этих таблеток меня клонит в сон. А я не хочу спать. Я хочу найти Элиаса и поцеловать его. Прижав пальцы к губам, сдерживаю дикий смех, который готов вырваться наружу. Это так не похоже на меня. Или... может быть, это и есть я. Я пойду с Лурдес, возьму у неё таблетки, но потом направлюсь напрямиком к стойке регистрации. И попрошу своё приглашение на вечеринку в бальном зале.

Лифт протяжно скрипит, опуская нас всё ниже. Лурдес стоит рядом со створками, и теперь, когда мы с ней одни, я наконец смогу выяснить, во что именно втянул себя мой брат своим последним неудачным решением.

— Могу я спросить тебя кое о чём?

Лурдес смотрит на меня через плечо, закусив губу, словно пытается не улыбнуться.

— Конечно.

— Что такого особенного в Кэтрин? — я стараюсь, чтобы в голосе не звучало раздражение.

— Я всё гадала, когда же ты спросишь о ней, — отвечает Лурдес, прислоняясь плечом к стене лифта. — Я заметила, что тебя передёргивает каждый раз, когда упоминается её имя.

— Правда? — Я огорчена тем, что меня можно так легко прочесть.

— Тебе не нужно волноваться насчёт Эли, — просто говорит она. — Между ними всё давно уже кончено.

Но эта фраза не убеждает меня, эффект обратный. Я подозревала, что они находились в отношениях, но предпочитала не думать об этом. Внутри у меня всё опускается, и я задумываюсь, что подразумевала Лурдес под словами «давно».

— А Джошуа? — не прекращая волноваться за Дэниела, спрашиваю я. — Она сейчас с ним встречается?

— Кэтрин никогда ни с кем не встречается, — отвечает Лурдес. — По крайней мере, длительное время. С тех пор, как они расстались с Эли.

Ох, становится всё лучше и лучше. Но я не расспрашиваю Лурдес о деталях, решив, что лучше узнаю о них от самого Элиаса. Нет никакого смысла втягивать в это Лурдес и продлевать своё унижение. Если у меня была бы хоть капля здравого смысла, я бы постаралась избежать этого «курортного» романа с Элиасом. Но очень соблазнительно снова ощутить хоть какие-то эмоции, помимо горя. Моя логика осталась за дверями «Руби». Лифт, задрожав, останавливается.

— Мой брат начал встречаться с Кэтрин, — ровным голосом произношу я. — Думаю, ему лучше это прекратить?

— Определённо. — Лурдес с лязгом открывает ворота. Больше я ничего не спрашиваю о Кэтрин, потому что тот факт, что мой брат целуется с бывшей девушкой парня, с которым я почти поцеловалась, уже и так достаточно отвратительный для меня, чтобы сказать Дэниелу прекратить это.

— Прости, что вновь привожу тебя сюда, — говорит Лурдес. — Но меня недавно переселили в подвал.

Коридор за её спиной тускло освещён, что навевает чувство одиночества и угнетения.

— Почему ты переехала? Это было частью твоего отстранения? — спрашиваю я. Не могу поверить, что ей приходится жить в подвале. Здесь холодно и нет ни одного окна.

— Типа того. У меня плохо получается следовать местным правилам, — с улыбкой говорит Лурдес. Она выходит из лифта, и мне приходится догонять её бегом. Серый коридор расходится в двух разных направлениях. Лурдес идёт направо, и плитки сменяются тёмным ковром и красными стенами.

— Кстати, как тебе «Руби»? — спрашивает она и останавливается, чтобы показать рукой вокруг себя. — Красивый, правда?

— Да, — соглашаюсь я. — А если не принимать в расчёт рассказанную тобой жуткую историю, по-моему, здесь даже весело. И папе, кажется, полегчало. Правда, мой ужин закончился слезами, но в этом нет ничего необычного. — Конец предложения я проговариваю медленно, потому что меня охватывает чувство вины. Честно, могу ли я винить папу за его упоминание о моём безрассудном поведении? Разве не из-за меня мы здесь?

Лурдес поворачивается, её брови сведены вместе. Я отмахиваюсь от её беспокойства.

— Всё нормально. Просто последние пару месяцев он был сам не свой. Думаю, мы все такими были.

— Что произошло? — Она неловко переминается с ноги на ногу. — Если ты не против ответить, конечно.

— Три месяца назад у меня умерла мама. — Слова сходят с языка на автомате, и я ненавижу их. Я ненавижу то, как легко стало их говорить. — Папа не мог справиться с горем — никто из нас не мог.

Лурдес сочувственно вздыхает и кладёт ладонь на мою руку. У неё холодные пальцы. И это прикосновение напоминает мне мамино. Успокаивает меня.

— Этот отель — прекрасное место, чтобы отдохнуть от жизни, — тихо произносит Лурдес. — Может быть здорово — вот увидишь. — Она вновь устремляется дальше по коридору и добавляет: — Просто старайся держаться вне радаров Кеннета. И убедись, что твой брат делает то же самое. Наш портье любит держать всё под своим контролем. И если что-то не так...

Лурдес умолкает, а я никак не могу понять, почему простой портье обладает такой большой властью.

— Вы можете пожаловаться на него, если он вам досаждаёт, — предлагаю я, вспоминая о тех случаях, когда сотрудники больших корпораций объединялись, чтобы подать иск в суд. — Можете пожаловаться на него администрации...

— Он и есть администрация, — резко развернувшись ко мне, говорит Лурдес. — Кеннет правит в «Руби», и делает всё что пожелает. Я испробовала каждую возможность, Одри. И сейчас я рассказываю тебе об этом только потому, что ты мне нравишься. Если ты останешься здесь, я хочу, чтобы ты была подготовлена.

— Подготовлена? — переспрашиваю я. Моя рука по-прежнему болит, и я растерянно смотрю на неё, гадая, не значит ли это, что портье причинит мне боль. — погоди. Если я останусь? После того, как истечёт наш срок пребывания? Чтобы *работать* здесь? Хотя, не думаю, что мой отец согласился бы на это. У него другие планы на моё лето. — У меня ноет сердце от мысли о чердаке в доме бабушки. Лурдес опускает плечи, словно читает мои мысли.

— Вот видишь, — говорит она, — поэтому мы никогда не говорим о нашей жизни за пределами отеля. Плохая или нет, она влияет на нас. — Лурдес поворачивается, чтобы показать на дверь чуть дальше по коридору. — Вот и моя комната. Я возьму флакон и тут же вернусь.

Я киваю, потирая предплечье. Лурдес исчезает в своей комнате, а я, оставшись в одиночестве, прислоняюсь к стене. Надо мной раздаётся глухой звук — что-то тяжёлое упало на пол, и я поднимаю взгляд к потолку. Но потом снова воцаряется тишина, и мои мысли возвращаются к Дэниелу.

Брат уже давно не попадался мне на глаза. Хотя он должен быть где-то рядом, потому

что Кэтрин на вечеринке. Конечно, если только Дэниел не решил пойти с ней. А пошёл бы он, не сказав об этом мне?

Дверь в комнату Лурдес открывается, и она выходит, держа в одной руке флакон с таблетками, а в другой стакан воды. Когда она подходит ближе, я виновато пожимаю плечами.

— Если честно, — говорю я, — по-моему, мне совсем не нужны лекарства.

— Ты выглядишь несчастной, — отвечает Лурдес. — Нет необходимости храбриться передо мной. Я и так знаю, что ты сильная.

Она трясёт флаконом, чтобы я согласилась.

Я протягиваю свою здоровую руку, и Лурдес вытряхивает мне на ладонь таблетку. Она очень маленькая, я мгновение разглядываю её, пытаюсь определить, что это за лекарство.

— Флексерил, — читает название Лурдес. — А вообще, это всё в голове. Если будешь думать, что таблетка поможет, то она поможет. Вот, — она протягивает мне весь флакон, — на случай, если тебе нужно будет ещё.

Я тоже читаю этикетку и вижу, что таблеткам уже больше пяти лет. Но я по-прежнему не уверена, смогу ли веселиться потом, если боль станет ещё сильнее. И поэтому опускаю флакон в карман.

— Ну, надеюсь, она меня не убьёт.

Я отправляю таблетку в рот, и Лурдес протягивает мне воду. И стоит мне только запить лекарство, как я сразу чувствую себя лучше. Эффект плацебо.

— Спасибо, — благодарю я Лурдес, отдавая ей стакан. Она ставит его на пол, в стороне от нас, а затем провожает меня обратно по коридору.

— В этот раз посажу тебя в обычный лифт, — с улыбкой говорит она. — Я поняла, что ты не в восторге от того, второго.

Когда мы подходим к лифту, Лурдес нажимает на кнопку, а пока мы ждём, внезапно начинает смеяться и прислоняется к стене.

— Боже. Я слишком много выпила. Наверное, ты думаешь, что я сумасшедшая, со всеми этими разговорами про привидения и таблетки. Прощу тебя, забудь всё, о чём я говорила сегодня вечером. погоди, — подняв палец, говорит она. — Ещё кое-что. А Дэниел остановился с тобой, на тринадцатом этаже?

— Нет. Они с папой на шестом. А что?

— Просто любопытно, — отвечает Лурдес. Я продолжаю с любопытством смотреть на неё, и она поднимает одно плечо. — Я же управляющая, мне нужно знать, куда посылать всё самое лучшее. Испортила сюрприз.

— Надеюсь, мне перепадёт немного шоколада.

Двери лифта открываются, и я захожу внутрь. Лурдес поднимает руку ко лбу, похоже, она правда выпила лишнего.

— Завтра мне рано вставать, — говорит она. — Но я рада, что ты сегодня пошла со мной. Ты ведь простила меня за то, что я тебя напугала, да?

Она морщит нос, не уверенная в своём ответе.

— Конечно! — искренне отвечаю я. — Это было весело. Хотя мне не нравится, когда меня пугают.

— Мы сделали так только потому что ты нам понравилась. — Лурдес с облегчением улыбается. — Честное слово. А если ты решишь не спать и дожидаться Эли, то вечеринка может продолжаться до трёх-четырёх часов. Сомневаюсь, что он уйдёт раньше. Он найдёт

тебя, как только закончит общаться.

Двери начинают закрываться, и я останавливаю их рукой.

— А Элиасу нравятся эти вечеринки? — спрашиваю я Лурдес. — Мне показалось, что не очень.

— Может быть, когда-то давно нравились, — отвечает она. — Но ничто не длится вечно. Кроме «Руби».

Лурдес поворачивается, чтобы вернуться в свою комнату. Я опускаю руку, и двери лифта закрываются. Но вместо кнопки тринадцатого этажа я нажимаю кнопку вестибюля. Если Элиасу нравились вечеринки, то почему это изменилось? Не могу не думать, что тут не обошлось без Кэтрин. И вот снова этот укол ревности.

Когда двери лифта открываются в вестибюле, меня осеняет, насколько невероятной была эта ночь. Я пересекаю роскошную комнату, направляясь напрямик к стойке регистрации, и вспоминаю свой разговор с Лурдес. Историю о «Руби». Страх, который я почувствовала у фонтана. На меня находит ощущение холода, и я, подняв голову, вижу за стойкой Кеннета, который улыбается мне.

— Чем могу помочь вам этим вечером, мисс Каселла? — любезно спрашивает портье. Я пытаюсь найти в нём хоть что-то, что бы указывало на того злого человека, которого описывал персонал отеля, но Кеннет сама деловитость. Чистая униформа, во взгляде любопытство и готовность помочь. Но я не ведусь на эту ложь.

— Добрый вечер, — я стараюсь звучать как можно более сдержанно. В действительности же, эти таблетки немного затормаживают меня. — Я как раз думала, сможете ли вы мне помочь. — Я облакачиваюсь на стойку, чтобы стоять ровно. — Как именно можно получить приглашение на вечеринку в бальном зале? Каким образом я смогу туда попасть?

Кеннет даже бровью не ведёт, а просто неподвижно стоит и ждёт, буду ли я продолжать. Я молчу, и тогда он виновато склоняет голову набок.

— Простите, — говорит он, — но вход на вечеринку только по приглашениям.

— Я знаю, — отвечаю я. — Но могу я получить такое приглашение?

Портье поворачивается к компьютеру и начинает быстро что-то печатать. Затем смотрит на меня и улыбается.

— Весьма сожалею, мисс Каселла. Вас нет в списке.

— Но мои папа и брат были приглашены. — Во мне пульсирует адреналин, вежливость начинает исчезать. — Мы же приехали сюда вместе.

— Мои извинения, — отвечает Кеннет, складывая свои маленькие руки перед собой.

И это всё? Мне становится немного дурно, но я не хочу уходить, не получив ответов. Почему отец и Дэниел оба получили приглашения, а я нет?

— Я могу поговорить с кем-то ещё? — спрашиваю я. — Кто составляет список?

В моём голосе звучат нотки паники от мысли о том, что меня отделяют от моей семьи.

Лицо Кеннета принимает озабоченный вид.

— Вы неважно выглядите, мисс Каселла, — дружелюбно говорит он. — Пожалуй, вам лучше вернуться в свою комнату и немного отдохнуть. — Портье вытаскивает из нагрудного кармана носовой платок и протягивает мне. Я не беру его, и тогда он сконфуженно морщится. — У вас тут немного... — Кеннет показывает на свой висок и вновь протягивает мне платок. Я нерешительно прижимаю его к своей голове, к тому месту, на которое он показывал, и внезапно чувствую жжение.

— Ой. — Убрал платок, я смотрю на ткань и вижу на ней маленькое пятнышко крови. На меня накатила дурнота, и я снова прижимаю платок к голове и спрашиваю портье, хотя вряд ли он знает ответ на мой вопрос: — Что произошло?

— Наверное, вы ударились головой, — отвечает Кеннет. — Всего лишь небольшая ранка. Отдохните немного, мисс Каселла. Если я увижу ваших отца или брата, то передам, что вы их искали.

Я в шоке от того, что у меня идёт кровь, и пытаюсь вспомнить, где могла удариться головой. На крыше? У фонтана? Может, я нечаянно поцарапала себя, когда портье отказался дать мне приглашение. И тут моё тело качает, и мне приходится схватиться за стойку, чтобы не упасть. Я хочу прилечь, хоть и бросаю полный желаний взгляд в сторону бального зала.

Почему я не могу пойти туда? Не поблагодарив портье, я, прижимая ко лбу платок, возвращаюсь к лифту. Каждый шаг словно утопает в песке — ноги устали и отяжелели, мышцы горят от напряжения. Какое-то мгновение я даже тешу себя мыслью, что Лурдес нечаянно отравила меня, но у лифта мне становится немного лучше.

Двери закрываются, и, когда я оказываюсь в одиночестве, моё сердце успокаивается, а боль уходит. Я поворачиваюсь к зеркальной стене и медленно опускаю платок, чтобы посмотреть на свою рану. Только вот её там нет. Ни раны, ни крови. Совсем ничего.

Я, спотыкаясь, шагаю назад, ошарашенная и немного напуганная. Ведь я же видела кровь на платке, чувствовала жгучую боль, как от пореза. Я хочу вновь взглянуть на кусок ткани, но в моей руке его нет. Развернувшись, чтобы убедиться, что не выронила его, я вижу только бордовый узорчатый ковёр.

— Какого чёрта? — бормочу я себе под нос и ещё раз проверяю своё отражение в зеркале. Я даже поворачиваюсь к нему спиной — не прилип ли платок к спине. Нет, его и след простыл.

Двери лифта внезапно открываются, и я подпрыгиваю на месте. Я даже не слышала, чтобы был звонок. Постойте-ка, а я вообще нажимала кнопку своего этажа? Дыхание учащается, и из-за того, что в лифте так пусто, из-за тишины, по мне пробегает дрожь страха. Я проглатываю вставший в горле ком и осторожно выхожу из лифта, а потом смотрю в один конец коридора, затем в другой.

Пусто. Тихо.

Меня покачивает, и я упираюсь рукой в стену. Лифт уезжает на другой этаж, и я склоняюсь к решению, что вела себя глупо. Вот именно поэтому мне и не следовало пить спиртное. И не следовало пить после этого никакие таблетки. Чем я думала? О, правильно. Я вообще не думала.

Раздражённая сама на себя, я направляюсь в свою комнату, медленно, но уверенно. Но стоит мне подойти к своей двери, как до меня доносятся слабые звуки музыки. Та самая песня. Которую я никак не могу вспомнить. Ответ уже почти близко, но вот мелодия затихает.

— По крайней мере, на этаже есть кто-то ещё, — с долей облегчения бормочу я и вставляю ключ.

Пронзительный звонок телефона вырывает меня из сна. Я сажусь, и комната наклоняется сначала в одну сторону, потом в другую. На мне всё та же одежда, свет включен. Не помню, как легла. Сквозь туман проступают воспоминания о том, как я говорила с портье, просила приглашение, а всё, что было потом, становится мутным пятном. На прикроватной тумбочке стоит флакон с лекарством, и я издаю громкий стон, поражаясь собственной тупости — зачем я выпила эту таблетку? Телефон звонит снова, и я бросаюсь к нему, чтобы успеть ответить.

— Алло? — стряхнув с себя сонливость, спрашиваю я.

— Прости, — говорит голос. — Я не хотел тебя будить.

Я не узнаю звонящего, а потом раздаётся смех Элиаса.

— Алло? — спрашивает он, как будто я снова могла заснуть.

Я непроизвольно улыбаюсь, причём очень дурацкой улыбкой, так что хорошо, что он не может меня видеть.

— Я тут. Как прошла твоя вечеринка?

Он недовольно бормочет что-то себе под нос и кажется уставшим — и поэтому я представляю его лежащим на кровати на несколько этажей ниже.

— Всё как обычно. Но я бы предпочёл не говорить о сегодняшнем вечере, — отвечает Элиас. — Тебе понравилось на крыше?

Должно быть, он держит трубку очень близко; его голос звучит приглушённо и хрипло. Чертовски сексуально.

— Было весело, — говорю я. — Хотя закончилось всё немного жутковато.

— Здорово.

Мгновение мы оба молчим, и мне интересно, не передумал ли он встретиться со мной. Да, уже где-то часа четыре, но мне, в любом случае, утром некуда торопиться.

— Элиас... — начинаю я, но он обрывает на меня.

— Не хочешь поесть? — спрашивает Элиас. — Мы можем совершить налёт на кухню. Немного побыть вместе. — Думаю, я слышу, как он улыбается. — Встретить восход солнца.

— Умираю с голоду, — отвечаю я, не в силах скрыть свой восторг. — Но меня не вышвырнут вон? Потому что каждый раз, когда мы видимся, одного из нас всё время просят уйти.

— Не сегодня. Я проведу тебя тайным путём, нас никто не заметит. Мы возьмём всё, что нам захочется, а потом пойдём поесть в сад. К вестибюлю и близко не подойдём.

Я смотрю в окно, вспоминая, как темно на улице. Вспоминая памятник.

— Снаружи темно, — говорю я.

— Тогда мы поедим в моей комнате. — Элиас смеётся. — И клянусь, я буду истинным джентльменом и не стану распускать руки.

— В твоей комнате, говоришь? — Я надеюсь, он понимает, как сильно меня влечёт к нему. И надеюсь, что его намерения быть джентльменом включают в себя поцелуй на ночь. Я протягиваю руку и беру свой мобильник, но экран не загорается. Разрядился. Разве я не проверяла его до этого?

— Который сейчас час? — спрашиваю я у Элиаса.

— Точно не знаю. Но, если хочешь, можем перенести это на другую ночь. — В его

голосе звучат извиняющиеся нотки, но теперь мне всё равно уже не уснуть.

— Я больше не чувствую себя уставшей. Вообще-то, я и не уставала. Но Лурдес дала мне таблетку, и я...

— погоди, что? — встревожено спрашивает Элиас. — Почему она дала тебе таблетку? С тобой всё в порядке?

— Да, я... в порядке.

Я вращаю плечом, проверяя свою руку, но боль полностью ушла. Как будто её вообще не было. Свешиваю ноги с кровати, встаю и расправляю одежду, а затем направляюсь в сторону ванной, чтобы немного привести себя в порядок. Смотрюсь в зеркало: щёки розовые после сна, волосы послушно не топорщатся в разные стороны. Я улыбаюсь.

— Ну, так на каком этаже кухня? — спрашиваю я, пока он не передумал.

***

Элиас живёт в номере на седьмом этаже, окна которого выходят в сад. В ту же минуту, как он открывает дверь в свою комнату, передо мной открывается захватывающий вид. Силуэты деревьев и кустарников темнеют на фоне тёмно-синего неба, посветлевшего у линии горизонта. Должно быть, уже почти утро.

Если мы выключим свет, то сможем вместе наблюдать восход солнца. Я оборачиваюсь на Элиаса, который, стараясь не уронить тарелку со своего стакана, медленно закрывает дверь, чтобы она с шумом не захлопнулась. Мы сделали себе сэндвичи с арахисовым маслом и желе и налили по стакану молока. Кому нужны шампанское и чёрная икра? По мне так это куда романтичнее.

— Твой номер лучше моего, — говорю я и ставлю свою тарелку и стакан на комод. Откусив от сэндвича, киваю в благодарность за его фантастическое предложение, включившее еду. Потом я начинаю ходить по его номеру, восхищаясь каждой изящной деталью. Элиас садится на диван и сразу же дважды кусает сэндвич.

— Ты не ел на вечеринке? — спрашиваю я, стараясь вспомнить, видела ли я там фуршетный стол.

— Мне не нравится их еда. — Элиас откусывает ещё раз, а затем откидывается на спинку дивана и кладёт лодыжку одной ноги на колено другой.

На угловом столике лежат часы, но стрелки показывают полночь. Они металлические, тяжёлые, но я надеваю их на своё запястье и застёгиваю. Повернувшись к Элиасу, показываю, как свободно они висят на моей руке, что даже соскальзывают до локтя. Он улыбается, спокойно наблюдая, как я копаюсь в его вещах. Словно ему комфортно от того, что я нахожусь в его спальне.

— На какие средства ты здесь живёшь? — спрашиваю я и кладу часы на место, а потом возвращаюсь к своему сэндвичу. — Родители помогают?

— Типа того. Моя мать ещё в самом начале заплатила за эту комнату кучу денег. Плюс она как бы досталась мне в наследство из-за трагедии, что случилась с моей семьёй. Они никогда не смогут выставить меня вон. Даже если я не буду платить.

— Пожар, — произношу я, и Элиас удивлено смотрит на меня. Прежде чем мне удастся объяснить ему, он кивает.

— А, Лурдес рассказала тебе о «Руби». Ей нравится приукрашивать эту историю. Тебя напугали у фонтана? Она старается, чтобы с каждым разом было ещё страшнее.

Я, задумавшись, ем сэндвич. Вообще-то, это не было так уж страшно.

— По-моему, это печальная история, — глядя на Элиаса, говорю я. — То, что произошло с теми людьми, просто ужасно!

— Но тем не менее жизнь продолжается, — тихо произносит он и допивает остатки молока так, словно это порция спиртного. А затем, со звоном поставив стакан, спрашивает меня: — А теперь давай поговорим о тебе, Одри. Как ты оказалась в «Руби»?

— А как же домашние правила?

Элиас смеётся, закинув голову назад.

— Ничего себе, ты поразительно хорошо вписываешься в это место!

Когда он снова смотрит на меня, видны его ямочки на щеках.

— Я ненавижу домашние правила, — говорит он. — Мы должны их нарушить. Я никому не скажу.

— Это будет нашей тайной? — игриво спрашиваю я. — И значит ли это, что ты расскажешь мне свои секреты?

— Если ты того хочешь.

Элиас расслабляет узел на галстуке, снимает его через голову и бросает на подлокотник дивана. И меня опять притягивает его непринуждённый, но в то же время элегантный вид.

От желания у меня учащается пульс. И немного от страха. Тяжело восстановить дыхание, и я отхожу к окну. Линия горизонта подсвечивается золотым сиянием; новый день. Новый старт.

— Я приехала сюда с отцом и братом. — Снаружи на окне собралась влага, и я провожу пальцем по холодному стеклу, а затем тихо говорю: — Моя мама умерла. Три месяца назад. Я не знала, как справиться с этим, вела себя отвратительно. Потом влипла в неприятности, и вот теперь папа везёт нас к нашей бабушке, у которой мы останемся жить. Отель — это пит-стоп перед началом моей новой жизни. Жизни, которую я не хочу.

Элиас молчит так долго, что я поворачиваюсь к нему. Взгляд его тёплых глаз стал мягким, но он не опускает глаза. Он смотрит прямо на меня — видит меня насквозь. Я жду слов о том, как ему жаль, жду его соболезнований, но Элиас молчит. Он словно понимает, что именно это мне хочется услышать меньше всего на свете.

— Теперь моя очередь, — говорю я, чтобы нарушить затянувшееся молчание. — Если у твоей семьи так много денег, что они обеспечивают тебе постоянное пребывание в «Руби», почему ты не в колледже? Или не занят в семейном бизнесе?

Элиас ностальгически улыбается, снова показывая свои ямочки.

— Какое-то время я учился в колледже. Но потом стал нужен моей семье здесь. «Руби» делает деньги на туризме, на привидениях и экстравагантности, а я являюсь связью с той трагедией в годовщину отеля. Так посещение вечеринок стало моей работой. Хотя, думаю, могло быть и хуже.

— Но ты не можешь заниматься этим вечно, — говорю я. — В колледже хорошо то, что всегда можно вернуться обратно. Чёрт, да ты ведь можешь получить степень через интернет. Так планирует сделать мой брат. А какая у тебя ещё альтернатива?

— В «Руби» не так уж и плохо, — пожимая плечами, отвечает Элиас. — Всё зависит от того, как на это посмотреть.

— Как оптимистично! — Я сверкаю улыбкой и медленно приближаюсь к дивану.

Мы могли бы встретиться где угодно — в кампусе колледжа, в кофейне в Темпе. Но я познакомилась с ним здесь, и это место подходит ему, можно сказать, обступает его, а не он

вписывается сюда.

— Знаешь, кузен моего бывшего парня управлял отелем, — остановившись у подлокотника, говорю я. — Его звали Марко, и он был лохом, но говорил, что работа отличная. И у него была скидка в других отелях, даже на Гавайях. Ты смог бы принять руководство «Руби» на себя. Скорее всего, персонал был бы на седьмом небе от счастья, если бы Кеннета уволили.

— Мы бы все обрадовались, — говорит Элиас.

Он берёт с кофейного столика жестяную коробочку с мятными конфетами и открывает крышку. Положив одну на язык, он протягивает коробочку мне. Я благодарю его и засовываю конфетку себе в рот, а потом усаживаюсь на диван рядом с ним.

Я надкусываю драже, и оно взрывается корицей, уничтожая привкус арахисового масла. Элиас, забывшись, смотрит в окно. Мне в голову приходит шальная мысль прижаться к нему и поцеловать. Глубоко и страстно. Но тут же меня останавливает другая мысль.

— Итаак, — начинаю я, чтобы привлечь его внимание. — Ты и Кэтрин, да?

Мне не терпится увидеть его реакцию, но лицо Элиаса совершенно бесстрастно.

— Это было давно.

Что ж, это самый обескураживающе-неопределённый ответ. Склонив голову, я смотрю на Элиаса.

— Это она та девушка, о которой ты говорил в сауне. — Мне вспоминается тот наш разговор.

Элиас меняет позу и кладёт руку на спинку дивана, сев ко мне лицом.

— Да, — признаётся он. — Но мы с Кэтрин совершенно не подходили друг другу. Наши родители хотели, чтобы мы встречались, возлагали большие надежды. Но между нами не было никаких чувств — хотя, какое-то время мы довольно страстно ненавидели друг друга. Она может быть ревнивой.

— Это я уже поняла, встретившись с ней на той вечеринке. Хочу сказать, я рада, что между вами всё кончено. — Элиас усмехается, словно ему только что всё стало понятно. — Но это не потому, что я не хочу конкурировать с прекрасной, но злой блондинкой.

— С ней очень тяжело, — соглашается Элиас.

— Я волнуюсь за своего брата, — продолжаю я. — Он проводит с ней много времени, и я не хочу, чтобы его избил кто-то из персонала или ещё что.

— Тебе стоит попросить Дэниела быть поосторожнее, — говорит Элиас. — Потому что если что-то и причинит ему боль, то это будет Кэтрин. У неё отвратительный характер. Хочешь, я поговорю с ним?

Я смеюсь.

— Нет. Скорее всего, он воспримет это как состязание и захочет её ещё больше. Я сама попробую. Только сомневаюсь, что Дэниел меня послушает — он становится идиотом, когда дело касается девушек. Но если Кэтрин сделает с ним что-то в течение следующих двух дней, я надеру ей задницу. Просто предупреждаю.

Элиас закусывает нижнюю губу, чтобы сдержать улыбку.

— Ей следует тебя бояться, — говорит он и окидывает взглядом мои худые руки. Потом кладёт голову на подушку и смотрит на меня.

— Ты заботишься о нём, — с восхищением произносит Элиас. — Должно быть, ты очень близка со своей семьёй.

Эти слова разрывают мне сердце. Три месяца назад я бы автоматически ответила «да».

Теперь мы с Дэниелом не разговариваем о важных для нас вещах. С отцом так вообще почти не разговариваем. Не знаю, как получилось, что все мы наломали так много дров.

Я быстро моргаю, чтобы не заплакать.

— Это произошло, когда я сидела на крыше рядом со своей спальней, — глядя мимо Элиаса, начинаю рассказывать я. — Только был не рассвет, — я махнула в сторону окна, — а закат. Мама с Дэниелом уехали в магазин, чтобы купить новую одежду к школе, а мне захотелось остаться дома. Как только они ушли, я вылезла в окно. Когда с работы вернулся папа, он запаниковал, потому что меня нигде не было. Совершенно случайно выглянув в моё окно, он увидел меня, примостившуюся у основания крутого склона крыши. Тогда мне было тринадцать, и я думала, что влюбилась.

Элиас фыркает от смеха, и я смущенно улыбаюсь ему.

— Только так вышло, что моя подруга Киран тоже была влюблена. Она поцеловала моего парня в автобусе, на глазах у всех. Я чувствовала себя преданной, униженной. Это теперь я понимаю, что у нас с Аароном не было ничего общего, но тогда мне казалось, что мы созданы друг для друга.

— Неверность может разрушать жизни, — слишком серьёзно произносит Элиас, что как-то не очень подходит для истории о девочке-подростке и её первом бойфренде.

— Сначала папа порывался позвонить им обоим и устроить разнос, но я остановила его, чтобы не стало ещё хуже. А потом он сказал мне, что я заслуживаю лучшего. Самого лучшего. Обняв меня рукой за плечи, папа сказал: «Малышка, ты будешь жить на всю катушку. Только нужно не обращать внимания на неудачи». — Я умолкаю, шмыгаю носом и качаю головой, чтобы не дать эмоциям взять верх. Я так долго не думала о папе — о том настоящем папе. О том, который любил меня, пока не умерла мама. Я даже не всегда вспоминаю о его существовании.

— Иди сюда, — говорит Элиас и осторожно тянет меня за руку вперёд. Я кладу щеку на ворот его рубашки и вдыхаю аромат — запах свежести и чистого белья. Напоминающий о мамином стиральном порошке. Напоминающий о доме.

— Я знаю о горе больше, чем ты можешь представить, — шепчет он и кладёт подбородок на мою макушку. — Порой приятные воспоминания оказываются самыми грустными.

Моя ладонь скользит по его груди и находит бешено колотящееся сердце. Это вырывает меня из моей скорби, придаёт сил. Возбуждает. Элиас обнимает меня, и я закрываю глаза, упиваясь его близостью. Жаром его тела. Проведя рукой вдоль воротника его рубашки и играя с верхней пуговицей, я слышу, как меняется его дыхание. Объятия становятся крепче, и я касаюсь губами его шеи. Челюсти. Я позволяю исчезнуть своей печали. Позволяю исчезнуть всему миру.

— Я хочу узнать о тебе всё, Одри, — шепчет мне на ухо Элиас. — Я хочу тебя всю.

У меня кружится голова, заглушая всё вокруг, я трусь своей щекой о щеку Элиаса и отстраняюсь, чтобы посмотреть на него. В его глазах под полуопущенными веками горит желание, кожа порозовела. Мои пальцы переплетаются с его волосами на затылке, мы вот-вот сольёмся в сладчайшем поцелуе.

Элиас зажимает в кулаке мою футболку, словно уже больше не в силах ждать ни минуты. Он склоняется ко мне, но, когда его губы почти касаются моих, в другом конце комнаты звонит телефон. Звук напоминает сигнал тревоги, и мы с Элиасом бессознательно отпрыгиваем друг от друга.

Телефон звонит снова, всё громче и громче, мне даже приходится закрыть уши ладонями. Элиас подскакивает с дивана, механической походкой пересекает комнату, хватая трубку и бросает на меня виноватый взгляд.

— Что? — Его лицо бледнеет, он опускает глаза. — Да, я знаю.

Солнце взошло, еле пробиваясь сквозь верхушки деревьев. Я была поглощена нашим «почти» поцелуем, чтобы заметить. Чары разрушены, внезапно приходит *чувство*, как будто сейчас шесть часов утра. От корицы остаётся меловое послевкусие, и мне хочется выпить воды.

— Мне нужно идти, — показывая на дверь, шёпотом говорю я. Элиас отрицательно качает головой, его рот начинает открываться, чтобы попросить меня остаться, но я отворачиваюсь прежде, чем успеваю что-то сказать.

— Да, Кеннет, я понимаю, — рывкает он в телефонную трубку. А потом в его голосе звучит решимость: — Да.

Щёлкает дверной замок, когда я закрываю за собой дверь. В коридоре пусто и тихо, и мне становится неловко — одетая во вчерашнюю одежду, я крадусь в свой номер. И я совсем не ожидаю увидеть выходящую из лифта Кэтрин в эффектном платье, её завитые локоны начали распрямляться. Она останавливается как вкопанная и пялится на меня. Её глаза перебегают на дверь Элиаса, потом вновь на меня. Губы Кэтрин сжимаются, и на секунду мне кажется, что она бросится на меня.

Я тут же начинаю вспоминать всё, чему меня учили на курсах по самозащите. Ткнуть большими пальцами в глазницы, ударить по коленке. Но кого я обманываю? Мне никогда в жизни не приходилось драться. И моя угроза надрать Кэтрин задницу, если она обидит моего брата, была полной чушью.

— Хорошо провела ночь? — вместо нападения спрашивает Кэтрин.

Я открываю рот, но, честно говоря, не знаю, как ей ответить. Она смеётся над моим молчанием и разворачивается, чтобы снова зайти в лифт. Это что, чьё-то издевательство? Мне придётся ехать в лифте вместе с ней.

Номер Элиаса в четырёх дверях от меня. Я могла бы вернуться. Но, с другой стороны, мне не хочется, чтобы Кэтрин подумала, что пугает меня — пусть даже так и есть. И фууу, она всю ночь провела с моим братцем, так что не ей меня судить.

Я выдыхаю, вхожу в лифт и нажимаю кнопку тринадцатого этажа. Кэтрин тут же поворачивается ко мне, и моё терпение лопається. Я могла бы открыто поговорить с ней — попросить её оставить Дэниела в покое. Но это в некоторой степени сделало бы меня похожей на чокнутую. Пусть лучше такой меня видит только мой брат. Я, притворяясь скучающей, чтобы только не говорить с ней, счищаю лак с ногтей.

— Когда вы собираетесь уезжать? — как-то тоскливо спрашивает Кэтрин.

— В пятницу, — повернувшись к ней, отвечаю я. Дэниел был прав, её кожа словно из фарфора. Я невольно думаю о ней и Элиасе и гадаю, как выгляжу в сравнении с ней. — Нам нужно ехать. Мы с Дэниелом будем жить у нашей бабушки.

И как только эти слова соскакивают с языка, я тут же жалею о них. Ранимость в них причиняет боль.

Кэтрин чуть качает головой.

— Нет, — бесхитростно говорит она. — Не будете.

По моей руке пробегает холодок, сжимая моё горло. Её утверждение звучит больше пугающе, чем искренне, и, когда двери лифта открываются, я выхожу не так быстро, как мне

бы хотелось. Оказавшись в коридоре, я жду, что Кэтрин последует за мной, но она смотрит на пол, потом на меня.

— Спокойной ночи, Одри. — Кэтрин улыбается, шагает глубже в лифт и исчезает за закрывшимися дверями.

Я, вздрогнув, просыпаюсь. Ночь переросла в утро, а утро того и гляди перерастёт в день. На прикроватной тумбочке стоит флакон с таблетками, и я выбираюсь из-под одеяла, чтобы взять его. Вновь читаю этикетку и качаю головой, а затем выбрасываю таблетки в мусорное ведро, куда они подадут с глухим стуком. Я идиотка. Мой мобильник лежит рядом, и я беру его. На экране светится сообщение, что связь недоступна, но, по крайней мере, сейчас он включился. Что, вообще-то, странно, потому что я его не заряжала.

Я откидываюсь на подушку, и меня охватывает назойливое чувство потери. У меня трясутся пальцы, когда я нажимаю на иконку фотогалереи и нахожу альбом с названием «Нет».

Чтобы было проще справляться с горем, я собрала все фотографии с мамой, а также те, что напоминали мне о ней, и поместила их все в отдельный альбом. Я не могла удалить их, это было выше моих сил. Поэтому я назвала альбом «Нет», чтобы можно было остановить себя и не смотреть фотографии. Не залить слезами экран телефона. Не сорваться на уроке математике, потому что вдруг случайно увидела её улыбку — широкую и искреннюю.

— Не делай этого, — говорю я сама себе, страшись последующего наплыва воспоминаний. Мой большой палец завис над иконкой папки, над моим прошлым. Я шепчу: — Не смотри.

Не знаю, сколько времени уже я сижу вот так, застыв в одной позе, но вот мою руку начинает сводить судорогой. Я роняю телефон на постель и закрываю руками лицо, тело трясётся от сдерживаемых рыданий. Но сегодня новый день. А как сказал мне на похоронах Райан, «Каждый день — это подарок, Одри. Не теряй время зря».

Я замираю, слыша в ушах шёпот Райана. Это было не честно — то, как я обращалась с ним. Он заслуживал большего; думаю, он и сам это понимал. Но любил меня, а мы боремся за то, что любим, даже если это может нам навредить.

— Ты вот так просто уедешь? — спросил меня Райан, примостившись на краешке моей кровати, пока я собирала вещи. Его голова была опущена, как всё время с той вечеринки. У него было сотрясение, а над бровью всё ещё виднелся синяк. Его мучили головные боли, а правый глаз плохо видел. Доктора даже не были уверены, придёт ли его зрение в норму. И даже после всего этого он не мог меня отпустить.

— А что я должна сделать? — спросила я. — Убежать? Я же сказала тебе, скоро мы с Дэниелом что-нибудь придумаем. Я позвоню тебе. Дам знать, что со мной всё в порядке.

— А если со мной не всё в порядке? — спросил Райан. Я отвернулась от шкафа и встретила с ним глазами. Он выглядел таким грустным, таким невероятно печальным, что мне захотелось просто исчезнуть — чтобы освободить его. Но я была слишком эгоистичной. Так что я подошла к Райану, встала перед ним и, глядя на него, положила руку ему на голову. Он наклонился ко мне, прижался щекой к моему животу и обнял меня за талию.

Я закрыла глаза и притворилась, что меня здесь уже нет.

— Я люблю тебя. — Это была ложь. Потому что мне не хватало мужества сказать ему правду: я перестала любить его много месяцев назад и, даже сбежав из Невады, никогда бы к нему не вернулась. Он никогда больше не увидит меня.

От этого воспоминания у меня скручивает желудок. Я заставляю себя встать с кровати и принять горячий душ, горячий настолько, насколько смогу вынести. Мне стыдно за своё

поведение. Постоянно чувствуя боль сама, я, должно быть, причинила боль Райану. Но я никак не могла заставить себя любить его, как сильно бы мне этого ни хотелось. Сколько бы ночей я не плакала из-за этого. Я была самым ужасным, что случилось в его жизни.

Вода льётся на меня из душа и смывает мои слёзы. Некоторое время спустя я выхожу из-за занавески в прохладный воздух. Освежающий. Возрождающий к жизни.

Я не спеша одеваюсь, крашусь, высушиваю волосы. Все мои движения механические, лишь бы только не думать. Закончив, смотрюсь в зеркало — по-моему, я ещё никогда не выглядела так красиво. Вода в отеле «Руби» не жёсткая, как в Финиксе. Мои волосы стали гладкими, кожа нежной и мягкой. Даже не осознавая этого, я улыбаюсь.

Ключ от моего номера лежит на комодке, я беру его и отправляюсь вниз. Вчерашний ужин с папой был кошмарным, но сегодня новый день. И я не собираюсь тратить его впустую.

***

Я иду между столиками к отцу. Ресторан оживлённо гудит, полный посетителей, и, проходя мимо одной из пар, я случайно слышу, как они шепчутся о «бальном зале». Я чуть было не останавливаюсь, чтобы спросить про детали, как меня замечает папа и машет мне рукой. Я слабо улыбаюсь, удивлённая тем, что он, похоже, искренне рад меня видеть.

— Привет, малышка, — говорит он, вновь используя моё детское прозвище. — Как спала?

— А... — Не находя ответа, я опускаюсь на свой стул. Отец одет в рубашку и пиджак, скорее по-деловому, чем повседневно. Должно быть, он купил себе новые вещи, потому что даже в самые лучшие моменты своей жизни папа никогда не выглядел так официально. Я едва узнаю его.

Я молчу, и папа наклоняется над столом.

— Прости за вчерашний ужин, — тихо и искренне говорит он. — Я был на пределе, и сейчас хочу загладить свою вину перед тобой и твоим братом. Мы всё ещё семья, Одри. Это никогда не изменится.

Я уже собираюсь сказать что-то типа «аха», когда рядом со мной появляется официант. И это не Таня, а Уоррен. Он улыбается мне чуть заметной улыбкой, что предназначается только мне, ставит передо мной стакан и наливает в него воду. Его отстранённость подсказывает мне, что наша встреча — это тайна, которую нельзя выдавать даже моему отцу.

— Я хочу сказать, — продолжает папа, словно я его слушаю, — что я не всегда был вам хорошим отцом и очень об этом сожалею. Я стану лучше.

Я совершенно поражена его поведением; даже не могу честно высказаться о своих чувствах на эту тему. Он должен нам куда больше, чем просто извинение. Но пока я выдавливаю из себя улыбку.

— Всё нормально, пап, — говорю я ему, — я тоже не облегчала тебе жизни.

Похоже, он удовлетворён нашими обоюдными извинениями, но в действительности же мне хочется сказать: «Ты оставил нас. И теперь, когда мы уедем из этого отеля, ты сделаешь это снова. Это, по-твоему, значит стать лучше?»

Дрожащей рукой я поднимаю стакан с водой и делаю глоток. Молчание между мной и отцом грозит перерасти в неловкое, и мне нужно что-то сказать.

— Как прошла вечеринка в бальном зале? — спрашиваю я. — Кажется, люди только и говорят об этом.

Папин стул скрипит, когда он откидывается на спинку, его глаза сияют.

— Вечеринка была великолепной, — тихо говорит он. — Что-то изменилось, Одри. Впервые я понял, что у нас всё будет хорошо. Мы трое, все вместе. Вот увидишь. — Он умолкает, по его лицу пробегает тень грусти. Я не могу понять, с чем это связано, хотя и раньше уже видела это выражение его лица. — Надеюсь, что ты увидишь.

Моё сердце начинает глухо биться в груди, накатывает тошнота от мысли, которую я не могу ухватить. Конечно, хорошо, что отец настроен так оптимистично, но мне не верится, что к закату солнца мы снова станем счастливой семьёй. Я слишком осмотрительна, чтобы так думать. Глотнув воды, жду, когда пройдёт тошнота. Когда она проходит, я снова говорю, но перевожу нашу беседу на более лёгкие темы, пытаюсь избавиться от ощущения дискомфорта, которое проникло мне под кожу.

— Что это на тебе надето? — спрашиваю я. — Не думала, что ты взял с собой свои костюмы от Армани.

Он усмехается, и это тёплый смех.

— Забыл их взять, — отшучивается папа. — Мои рубашки-поло не отвечают требованиям, так что мне прислали костюм. И это. — Он открывает лацкан пиджака. — Они, в сущности, подарили мне новый гардероб.

— Как мило, — говорю я. — Может, скажешь им, что я тоже бы не отказалась от парочки платьев.

— Обязательно. — А потом отец признаётся: — На вечеринке я встретил последнюю пассию твоего брата. Кэти... — Он делает большие глаза.

— Психопатка? — подсказываю я, повторяя слово, сказанное Элиасом.

— Эксцентричная, я бы сказал. Социопатка, возможно. Хотя я могу и ошибаться. — Он поднимает руки и пожимает плечами, и я обнаруживаю, что улыбаюсь. Впервые со смерти мамы напряжение между нами исчезает. Оказывается, мы с папой можем подружиться на почве отвратительного вкуса моего брата в женщинах. Раз уж зашла речь о моём брате.

— Ты уже разговаривал сегодня с Дэниелом? — спрашиваю я.

— Не видел его с прошлой ночи. Он рано ушёл с вечеринки. Похоже, они с Кэти поссорились.

— Дэниел был на вечеринке? — усмехаюсь я. — Какого чёрта! Он же сказал мне, что не пойдёт.

— Следи за языком, — делает мне замечание папа, а потом поднимает палец, сигнализируя официанту, что мы готовы сделать заказ. Затем, наполовину занятый меню, продолжает: — Дэниел и не хотел идти. Догадываюсь, его туда затащили силой. Тем не менее, было приятно лицезреть его в костюме, а не в грязной толстовке. Многим леди это тоже весьма пришлось по душе.

— Это уже лишняя информация, — бормочу я и смотрю в меню. Но что-то настроение к еде у меня пропало. Дэниел сказал, что не пойдёт на вечеринку. Вот лжец! И почему это папа с Дэниелом получили приглашения, а я нет? Что за странности?

Подходит Уоррен, и папа заказывает клуб-сэндвич. Я заказываю блины. Поставив локти на стол и подперев ладонью подбородок, я смотрю на папу. Мне до сих пор не верится, что прошлым вечером он пошёл на вечеринку. Однако, возможно, именно общение послужило толчком к его изменению. Он хочет быть лучшим отцом; он кажется более уверенным в себе,

почти не скорбящим. Кто знает, может и правда что-то изменилось. Может, он не повезёт нас к бабушке Нелл.

— А как прошёл твой вечер? — спрашивает папа. — Я не видел тебя в коридорах, а значит, ты, должно быть, нашла, чем себя развлечь.

— Я неважно себя чувствовала и легла пораньше. — Это... почти правда. Я просто опустила ту часть, в которой тусовалась на крыше и пила спиртное, потом тайно встретила со странным парнем и чуть было с ним не поцеловалась, а на рассвете столкнулась в лифте с психованной подружкой Дэниела. Папе незачем знать *все* подробности.

— Неважно себе чувствовала? — переспрашивает отец. — Но ты никогда не болела. Я смотрю на него, чтобы понять, не шутит ли он, но серьёзное выражение лица говорит мне, что нет.

— Папа, я всегда чем-то болела. Мононуклеозом, пневмонией, ветрянкой. Он поджимает губы и кажется смущённым.

— Прости. Эту часть родительского долга взяла на себя мама. — Какое-то время мы молчим, позволяя словам дойти до сознания. Потом он спрашивает: — Сейчас тебе лучше?

— Да. Наверное, просто потянула мышцу, но теперь моя рука не болит. Даже не знаю, что случилось. Должно быть, неудачно подвернула, когда спала в машине.

И именно в этот самый момент в ресторан входит Дэниел. Его поношенная футболка жутко мятая, словно скомканной валялась на самом дне его рюкзака. Волосы торчат в разные стороны, губы бледные. У него явно похмелье. Брат падает на стул, морщится и прикасается к виску.

— Вот дерьмо, — бормочет он.

— Дэниел, — предостерегает папа. Но его лицо посветлело, так что, думаю, он по-настоящему счастлив, что мы собрались позавтракать все вместе. Когда-то я мечтала о мгновениях, подобных этому.

— Кофе, чёрный, — произносит Дэниел, когда подходит официант. Он продолжает стонать до тех пор, пока не поднимает голову и не обнаруживает с удивлением, что мы наблюдаем за ним.

— Простите, — говорит он. — Понятия не имею, как это произошло.

— Выпил слишком много спиртного? — подсказываю я.

Дэниел морщит лицо, словно хочет сказать мне: «Ты такая юмористка, Од».

— Конечно, спиртное было, но я вырубился. А со мной такого не бывает, — с раздражением отвечает брат. — Последнее, что я помню, это как уходил с вечеринки, а Кэтрин просила меня остаться. А потом — *бац!* И я проснулся вот в таком состоянии. Честное слово, ощущение такое, как будто моя голова раскололась надвое. — И он показывает туда, где болит.

Земля уходит у меня из-под ног. Я вскрикиваю и вскакиваю со стула, опрокидывая его на пол.

— Дэниел! — кричу я и хватаю свою накрахмаленную белую салфетку. На левом виске брата огромная трещина, что скрывается в волосах. Она такая глубокая, что видно мозг. По щеке Дэниела бежит кровь и капает на его футболку.

Из моих глаз льются слёзы, пульс подскакивает, в то время как я на дрожащих ногах обхожу стол, чтобы подойти к нему. Я смотрю на папу, ожидая увидеть на его лице такое же испуганное выражение, но он, широко раскрыв глаза, смотрит на меня.

— Одри, — произносит отец резким шёпотом и оглядывается по сторонам на остальные

столики, словно ему неловко. — Что ты творишь?

Я даже не могу ничего вымолвить, просто хватаюсь за плечо брата и прижимаю салфетку к его открытой ране.

— Перестань, — шлёпая меня по руке, говорит Дэниел. — Одри!

В конце концов ему удаётся оттолкнуть меня от себя, но я в истерике. Я не могу потерять и брата тоже! Я же умру без Дэниела! Я умру! Я снова бросаюсь к нему, но он поднимает руки, чтобы защититься от меня.

— Перестань, — хватая меня за запястья, вновь повторяет брат. Салфетка падает на его колени, я смотрю на неё, но она, на удивление, по-прежнему белая. О боже. Почему никто не бросается на помощь?

— Од, — умоляюще произносит Дэниел, его голос срывается от тревоги.

Это вырывает меня из моей истерики, я снова смотрю на Дэниела... крови нет. Пропала и рана, словно её никогда там и не было. Я всхлипываю и облегчённо выдыхаю, затем делаю шаг назад и врезаюсь в пустой столик за моей спиной.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но слова не идут с языка. С головой Дэниела всё в полном порядке, но вот только его лицо, как и папино, выражает чрезвычайную тревогу. Как будто это у меня проблемы. *Ты истекал кровью*, думаю я про себя, но ничего не говорю вслух. *Твои мозги вываливались наружу, но ты по-прежнему говорил со мной. Как такое возможно?* Моё лицо мокрое от слёз, и мои глаза метаются по лицам людей, которые во все глаза смотрят на меня. Атмосфера становится тяжёлой, все чего-то выжидают. Но у меня нет объяснений тому, что я только что видела.

Дрожащим пальцем я тянусь ко лбу Дэниела, чтобы проверить, действительно ли его голова по-прежнему цела и невредима, но он уворачивается. Я ещё никогда не видела своего брата таким напуганным.

— Господи, Одри, — говорит он. — С тобой всё нормально?

— Нет, — отвечаю я хриплым голосом. — Не думаю.

Вчера я видела кровь на Тане, сегодня вообразила, что у моего брата раскололся череп. Что же это такое? Что за чертовщина?

— Схожу в уборную, — бормочу я и ухожу в конец обеденной комнаты.

Моё тело трясётся, челюсти дрожат, я пытаюсь выровнять дыхание. Внезапно у меня сводит левую ногу, и я начинаю прихрамывать. Может, у меня случился удар. «Как у мамы», — раздаётся в голове шёпот. Я проглатываю рыдания и отбрасываю от себя эту мысль, напуганная ею, как проклятием.

Нет. Наверняка, это просто реакция организма на то лекарство, что дала мне Лурдес. Оно вызывает галлюцинации.

Я толкаю дверь в уборную и с облегчением обнаруживаю, что там пусто. В углу стоит скамейка из кованого железа, я сажусь на неё и наклоняюсь вперёд, опуская голову.

Что со мной происходит?

Дверь открывается, стучаясь ручкой о стену, облицованную белой плиткой. Я чуть не подпрыгиваю от неожиданности и прижимаю руку к сердцу. В проёме стоит Лурдес, одетая в свою униформу, руки упёрты в бока. Её тёмные глаза смотрят на меня, оценивая ситуацию. Затем она, не сказав ни слова, подходит к зеркалу и проверяет своё отражение.

— Я слышала, как ты кричала. Твой брат сказал, что ты сбежала сюда. — Лурдес убирает с ресниц излишки туши. — Он волновался о тебе. — Она вновь смотрит на меня. — Я тоже должна волноваться?

— Не знаю, — отвечаю я и быстро мотаю головой. Теперь, когда я ушла из зала ресторана, вид истекающего кровью Дэниела кажется мне чем-то совершенно нелепым. — А мой брат... — я умолкаю, не уверенная в том, как много мне можно рассказать ей о своём психическом состоянии. — С ним всё в порядке, как думаешь?

Лурдес с дьявольской улыбкой поворачивается к зеркалу.

— Он восхитительный, даже когда у него похмелье. — Она достаёт из кармана фартука компактную пудру и тюбик губной помады. — А что? — Лурдес снимает с тюбика колпачок и обводит губы красным. Разгладив помаду губами, она проводит пальцем под нижней губой.

Я наблюдаю за ней. То, что происходит сейчас, настолько обыденно, что мои нервы начинают успокаиваться.

— У меня галлюцинации, — неопределённо отвечаю я и машу рукой. — А ещё я теряюсь во времени, не то чтобы отключаюсь, просто... — Я умолкаю и вздыхаю. — Я в замешательстве, честное слово.

— А ты ела сегодня? — непринуждённо спрашивает Лурдес.

— Нет ещё. Ты думаешь, всё из-за этого?

— Ну, это, плюс алкоголь, — напоминает она мне. — *И* ты выпила лекарство. *А ещё* всю ночь была с Эли. — Она встречается со мной взглядом в зеркале. — Понимаешь, куда я веду?

С каждой секундой я ощущаю себя всё большей душой. Да, последние пару дней я придерживалась не самого здорового образа жизни.

— Или, — добавляет она, взбивая свои локоны, — это привидения трахают тебе мозги. — Лурдес смеётся, а потом разворачивается и прислоняется бедром к фарфоровой раковине.

— Это по-любому привидения, — соглашаюсь я, полностью успокоившись, когда Лурдес выставила ситуацию в таком свете.

— Кстати, — говорит она, — не знаю, что произошло прошлой ночью, но Эли не затыкаясь твердит только о тебе.

— Что он говорил? — Я медленно поднимаюсь, всё ещё немного дрожа, и подхожу поближе к зеркалу, чтобы проверить своё отражение. Не так уж и страшно, только нужно убрать немного туши под глазами.

Лурдес надувает губы, словно взвешивая, как много стоит мне рассказать. Весы склоняются не в мою сторону.

— Не важно, — отвечает она. — Но я попросила его быть осторожнее. Элиас мой очень хороший друг, и я не хочу, чтобы у него начались неприятности, потому что между вами что-то есть. Ведь между вами *что-то* есть? Похоже, он точно так думает.

— Мы просто проводим время вместе, — говорю я. — Ничего особенного.

Мне с трудом удаётся сдержать улыбку. Вот только я буду здесь до завтра. И как бы там ни было, это «что-то» между нами будет мимолётным.

Лурдес наблюдает за мной, в тишине эхом отдаётся звук капающей воды из крана.

— Он в саду, — говорит она. — Я даже не помню, когда в последний раз видела его на улице. — Выражение её лица становится мягче, мне видно, как сильно она заботится о нём. — Он стоит того, — тихо добавляет Лурдес. — Если бы на твоём месте была я, я бы посчитала, что он стоит того.

— Стоит чего?

Дверь открывается, и, пошатываясь, словно им больно ходить в своих туфлях, заходят две пожилые женщины, укутанные в шерстяные шали. Одна из них встаёт у раковины рядом с Лурдес и роняет её пудру. Но даже не извиняется. Даже не замечает. Лурдес быстро подбирает свои вещи и прячет их в карман фартука. Она на взводе, и я жду, когда её недовольство вырвется наружу, но управляющая выходит вон, не сказав ни слова.

Седоволосая женщина смотрит на остатки пудры, высыпавшиеся из пудреницы Лурдес.

— Здесь отвратительная прислуга, — бормочет она своей приятельнице. — Совершенно никудышная.

— Пожалуйся портье, — отвечает та и направляется, прихрамывая, к одной из кабинок. — Их научат уму-разуму. Ведь у этого отеля репутация, в конце концов.

Да как они смеют?

— Так ведь вы сами её рассыпали, — говорю я, беру бумажное полотенце и бросаю женщине у раковины. — Пожалуйтесь на это.

Женщина ахает, явно оскорблённая моей смелостью даже предположить, что она будет убирать за собой. Она пялится на бумажное полотенце, приземлившееся рядом с раковиной. Распрямив плечи и побледнев, она входит в соседнюю с её приятельницей кабинку. Поначалу её голос дрожит, но потом они с приятельницей продолжают жаловаться друг другу на еду и обслуживание. Я смотрю на их закрытые двери, гадая, как можно быть настолько грубыми.

Я так злюсь, что хочу пинками открыть их кабинки и сказать им, что нельзя так относиться к людям. Что деньгами благородство не купишь. Я бы попросила их не сообщать ничего портье, потому что Кеннет козёл и персонал его боится.

Но вместо этого я открываю дверь на выход и выключаю свет, погружая уборную в темноту. Женщины взвизгивают и начинают кричать о помощи, но я притворяюсь, что не слышу их и закрываю за собой дверь.

Я возвращаюсь к столику, но больше не хочу есть. Папа и Дэниел как раз заканчивают какой-то спор, который мне посчастливилось пропустить, а блины на моей тарелке стали бледными и сморщенными. Я осторожно сажусь и жду вопросов. Дэниел первым смотрит на меня, и у меня перехватывает дыхание, но я почти сразу выдыхаю, когда вижу, что его голова по-прежнему цела. Всё это мне привиделось.

— Ты в порядке? — спрашивает брат, в его голосе смешались паника и раздражение. Я киваю, отрезаю кусочек блинчика и отправляю его в рот. Если голод — причина моих галлюцинаций, то до конца поездки мне следует хорошо питаться. Блины холодные и сухие. Я делаю глоток воды и заставляю себя съесть ещё кусок.

— Твоя сестра сказала, что у неё болела рука, — отвечает за меня отец и бросает на меня тревожный взгляд. — Могла ли эта... эмоциональная вспышка быть как-то связана с этим?

Он думает про insult, как у мамы. Я знаю, что думает.

— Я в порядке, — уверяю я его, выпивая ещё воды перед следующим куском блинчика. Лурдес удалось успокоить меня, и мне не хочется больше думать об этом. Увидеть слабые места в её теории. — Вероятно, мне нужно больше есть, — прибавляю я и улыбаюсь. Неубедительно, судя по выражениям на их лицах.

— Завязывай с наркотиками, сестрёнка, — попивая кофе, бормочет Дэниел. Я смеюсь, а папа уже переключил всё внимание на моего брата. Он складывает руки на столе с таким видом настоящего отца, что в этом даже чувствуется какая-то фальшь.

— Теперь давай поговорим о тебе, — говорит новая, усовершенствованная версия нашего папы. — Алкоголь? Отключка? Дэниел, твоё поведение недопустимо!

Мой брат выпрямляется на стуле, потрясённый тем, что наш отец принялся его критиковать. Сжав челюсти, Дэниел упирается локтем на стол и наклоняется вперёд.

— Пап, мы уже давно покончили с допустимым поведением. И ты начал первым. Так что не надейся, что тебе удастся одурачить нас этой фигнёй, типа ты «отец года».

— Дэниел, — шепчу я, ошарашенная тем, что он так прямо высказывает всё отцу. Обычно, брат бы просто вылетел вон из комнаты, а позже излил бы мне душу. Но сейчас его щёки пылают, руки сжаты в кулаки. Я снова зову его по имени, и он смотрит на меня. Его агрессивный настрой испаряется. Мы втроём долго сидим в тишине, переваривая всё произошедшее. Я наблюдаю за отцом, жду его реакции. Чтобы увидеть, действительно ли он тот самый любящий нас мужчина, появившийся в начале ланча. Папа спокойно делает глоток воды и со звоном ставит стакан обратно на стол.

— Ты прав, — безмятежно говорит он. Мы с Дэниелом обмениваемся взглядами, не уверенные в том, что за этой маской спокойствия не скрывается его злость на нас. — Я изменился, Дэниел. Наконец-то, моё сознание прояснилось. И теперь я сделаю всё, чтобы мы были вместе. Навсегда.

Ну ладно. Искренность в глазах отца только способствует тому, что своим видом и словами он напоминает психически неуравновешенного лидера культа. Теперь, когда наша беседа действительно стала странной, я поднимаюсь со своего стула.

— Спасибо за ланч, папа, — говорю я, — но мне пора. Я встречаюсь с друзьями у бассейна. Увидимся позже?

Дэниел, отодвинув в сторону свою чашку, тоже встаёт, словно я нашла отговорку и его уходу. Ловко.

— Рад слышать, что ты с кем-то подружилась, — говорит папа. Я ожидаю, что сейчас он начнёт ворошить прошлое и указывать мне на мои ошибки, что я наделала после смерти мамы, но ничего такого не происходит. Должно быть, он имел в виду именно то, что сказал. — Давайте посмотрим кино, — предлагает он нам с Дэниелом. — Около шести?

— Конечно, — отвечаю я. Мы уже сто лет как не ходили в кино с отцом. По мне прокатывается волна ностальгии, и я улыбаюсь брату. Дэниел закатывает глаза — он по-прежнему скептически относится к чистосердечию нашего папы. Пробормотав какой-то уклончивый ответ, брат берёт меня за руку и тащит к выходу. С тех пор, как мы приехали в «Руби», Дэниел всё чаще перечит отцу. С каким-то новым негодованием, злостью.

— Тебе незачем было вести себя так грубо, — говорю я, когда мы выходим в заполненный людьми вестибюль. Льющийся из окон свет поначалу ослепляет, делая комнату похожей на размытое пятно. Мимо нас проплывают в воздухе пылинки. Когда мои глаза привыкают, люди исчезают, в этом огромном помещении только мы с Дэниелом. Я озадаченно осматриваюсь, в то время как мой брат начинает говорить.

— Он думает, что вот так может стереть всё? — спрашивает мой брат. — Что после кино мы забудем прошлое? Нет. Неужели он считает нас настолько тупыми?

— Он не считает нас тупыми, — говорю я. — Возможно, он передумал насчёт бабушки Нелл. Ведь теперь папа проводит с нами больше времени. А мы с тобой такие классные! — Я улыбаюсь, пытаюсь поднять Дэниелу настроение. Понимаю, считать так наивно, но часть меня хочет верить, что мой отец действительно мог измениться.

Мой брат почёсывает голову, как раз именно в том месте, где мне привиделась рана, и я отвожу взгляд. Несмотря на свою роскошь, вестибюль внушает страх. И куда все подевались?

— Слушай, — извиняющимся тоном говорит Дэниел. — Я ещё не готов простить его, понимаешь? Другое дело ты и я, — он указывает пальцем на себя и на меня, — у нас всё хорошо. В любом случае.

— И *навсегда*, — зловещим голосом произношу я, повторяя странное папино заявление. Дэниел смеётся и толкает меня в плечо, словно злится на меня за то, что я его развеселила.

— Прямо как в грёбаном «Полтергейсте», — ухмыляясь, говорит он. Потом тяжело вздыхает и оборачивается в сторону лифта. — Я хочу принять душ. И прости, но можешь не рассчитывать на меня. Я не в настроении смотреть с вами кино.

— Ладно, — говорю я. — Но... — Возможно, сейчас не время, но я уже не в силах остановить свой вопрос. — Ты собираешься встретиться с Кэтрин?

Брат кивает.

— Да. А что?

Он уже начал защищаться? Но я всё равно продолжаю:

— Она отвратительная, Дэниел! — Я поднимаю руку и начинаю загибать пальцы, называя причины, подтверждающие это. — Во-первых, она грубо ведёт себя со мной, почти что угрожает. Во-вторых, Джошуа, носильщик, сказал, что она ударила его. Ножом, знаешь ли. И я не уверена, что это он так пошутил. — Очередь третьего пальца. — И ещё она бывшая подруга Элиаса. Он говорит, что у неё тяжёлый характер и тебе следует быть поосторожнее.

Дэниел какое-то мгновение стоит так неподвижно, как будто совсем меня не слышал. Но тут я замечаю, как он закипает от гнева, и проглатываю остальные причины, которые

собиралась назвать.

— Как всё сходится, тебе не кажется, Од? — спрашивает Дэниел. — Так о ней говорят только парни.

Я отшучиваюсь:

— Конечно, Дэниел. Она звезда «Руби», и все в неё влюблены. Или, — с сарказмом добавляю я, — она психованная, что доведёт тебя до самоубийства или сама убьёт в приступе ревности ещё до нашего отъезда. Лучше спи с открытыми глазами.

— Ты не знаешь её так, как я, — игнорируя мои остроты, отвечает он. — Она больше не такая. Все мы уже не те, что были раньше, Одри. Всё изменилось.

— Что? — Я кривлю губы. — Ты начинаешь говорить как папа. Откуда вот ты знаешь, что она не просто...

Дэниел кладёт ладони на мои плечи и наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Хватит волноваться обо мне, — говорит брат. В его словах резкая боль... отрицание. Я не мама — вот что он хочет сказать, хоть и не произносит вслух. Должно быть, по выражению моего лица он замечает, как сильно задел меня, потому что выжимает из себя улыбку и прибавляет: — К тому же, если придётся, я смогу постоять за себя в женской перепалке.

Я издаю стон и сбрасываю с себя его руки. Он не собирается меня слушать, но, думаю, это уже не имеет значения. Завтра мы с Дэниелом отправимся к нашей бабушке. «Или обратно в Финикс», — с надеждой думаю я.

— Ладно, — на выдохе говорю я ему. — Делай, что хочешь. Я собираюсь немного побродить по отелю. Но если ты вдруг передумаешь насчёт кино...

— Не передумаю, — быстро отвечает Дэниел. Он морщится, хватается за голову и бормочет: — К тому же, эта головная боль меня просто убивает. Увидимся позже.

Слегка заторможенный, мой брат поворачивается, чтобы уйти. Я наблюдаю, как он идёт к лифту и, пошатываясь, входит в кабину.

***

В широком коридоре, украшенном картинами в позолоченных рамах, царят тишина и покой. Безмятежность. Я останавливаюсь у картины с надписью «ОТЕЛЬ „РУБИ“, 1936». Это общий вид здания, выполненный в чёрно-белых тонах. Отель выглядит более внушительно, чем сейчас, но, наверное, это из-за его возраста. Перед зданием стоит группа людей, они все нарядно одеты и улыбаются. Может быть, это те капиталовладельцы, что помогали построить «Руби»? Я наклоняюсь ближе, пытаюсь найти кого-нибудь, кто был бы похож на Элиаса, заглянуть в его прошлое.

— Теперь может сложиться впечатление, словно я тебя преследую.

Я подпрыгиваю на месте, а потом смеюсь, обнаружив в нескольких шагах от себя Элиаса, который стоит, прислонившись плечом к стене, отделанной узорчатыми обоями.

— А ты меня преследуешь? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами, как будто так вполне может быть. Элиас протягивает мне розу, и я, польщённая, краснею всеми оттенками красного, принимаю цветок и вдыхаю его аромат. Лёгкий и пудровый. Волшебный.

Элиас улыбается, и вот что самое странное — я понимаю, что мы оба растеряны и смущены тем почти состоявшимся в его комнате поцелуем, но мы оба не хотим перестать

вот так вот встречаться. Моё сердце бешено стучит в груди, и я встаю у стены напротив него.

— Как ты? — спрашивает он. — Я сразу почувствовал себя жутко несчастным, когда ты ушла.

— Ещё бы, — дразнясь, отвечаю я. — Но, если тебе станет от этого легче, в лифте у меня состоялась милая беседа с Кэтрин, так что я обошла тебя с большим перевесом.

— О да. Ты выиграла. — Взгляд Элиаса скользит мимо меня — совершенно ясно, он не хочет разговаривать о Кэтрин. Я рада, что в этом мы согласны.

— А вообще-то у меня был отвратительный день, — говорю я ему, всё ещё пытаюсь осмыслить то, что случилось во время ланча. — По-моему, мой организм как-то странно реагирует на выпивку, или на поиски призраков, или, — я улыбаюсь, — на то, что я до рассвета остаюсь в компании незнакомого парня.

Вместо того чтобы засмеяться, Элиас тревожно переминается.

— Как именно реагирует?

Я отмахиваюсь, давая понять, что не вижу в этом ничего серьёзного, вернее, я хочу, чтобы он так думал.

— Обычно я вижу треснутые черепа и кровь, — говорю я, и мне тут же становится не по себе от воспоминаний. «Это было не по-настоящему, — успокаиваю я себя. — Через секунду Дэниел был в порядке».

От таких подробностей глаза Элиаса становятся шире, и я быстро меняю тему.

— Пока мне совершенно нечем заняться, — говорю я и нервно кручу в пальцах цветок. — Хотела весь день посвятить путешествию по отелю. Ты бы... — Склонив голову набок, я жду, что он ответит быстрее, чем я закончу вопрос.

— Не хотел побродить тут с тобой? — с готовностью спрашивает Элиас.

Мы одновременно двигаемся вперёд, и меня накрывает теплом его тела. Я улыбаюсь в ответ, совершенно без ума от него. Опьянённая нашим влечением.

— Ты снова смотришь на меня этим взглядом, — предупреждает Элиас, его глаза останавливаются на моих губах. — Надеюсь, это значит, что мне удалось убедить тебя в почти что честности моих намерений.

— Почти что? — Я улыбаюсь. — Завтра я уезжаю. Так что я смогу выдержать это «почти что».

— Хорошо. Но, по правде говоря, — Элиас оказывается в невозможной близости от меня, — если мы будем продолжать в том же духе, не уверен, что захочу отпустить тебя в течение двадцати четырёх часов.

— Уже двадцати трёх, — шепчу я и широко улыбаюсь, когда он наклоняется ближе, а его ладонь обхватывает мою щёку.

— Тогда нам лучше начать прямо сейчас, — бормочет Элиас. И прижимается губами к моим губам, и я таю в нём. Жар его рта, ощущение его руки на моей талии, когда он прижимает меня ещё ближе. Я приоткрываю губы, его язык касается моего, и из меня вырывается тихий стон.

Голова кружится, и я впиваюсь в волосы Элиаса. Он согласно стонет в ответ, но тут же отстраняется и смотрит мне за спину. Прежде чем я успеваю обернуться и посмотреть, есть ли там кто, он хватается за руку и тянет дальше по коридору, затем впихивает меня спиной в небольшой альков между комнатами и снова целует, сильнее, с большей страстью. Всё мое тело словно охвачено пламенем, и я бессознательно подсовываю руку под его рубашку, чтобы почувствовать его кожу. Элиас шепчет проклятья, и вот мы снова двигаемся,

всё дальше, вглубь отеля. В коридоре становится темнее, и через каждые несколько шагов мы, уже тяжело дыша, снова и снова целуемся, словно никак не можем оторваться друг от друга.

— Давай пойдём в твой номер, — говорю я в его губы. Элиас качает головой и проводит ртом вдоль моей челюсти, его язык щекочет мою шею.

— Они найдут нас там, — бормочет он.

— Тогда в мой номер, — говорю я, почти утратившая способность соображать от охватившего меня желания. Мысли вихрем кружатся в голове. Я хочу его; хочу вспомнить, что значит *чувствовать*.

Элиас отстраняется от меня, но его лицо по-прежнему рядом с моим. Его щёки пылают, и я думаю, что он самое прекрасное из всего, что я видела — такой возбуждённый и сексуальный. Он сжимает челюсти, отчего черты его лица становятся резче, и смотрит на меня так, словно хочет меня съесть. Я не против, чтобы меня съели.

— Элиас, — умоляю я и хватаюсь за его рубашку, чтобы снова притянуть к себе. Он целует меня, но потом останавливается и утыкается лицом в мои волосы.

— Я не могу подняться в твою комнату, — печально говорит Элиас. Его тело вжимает меня в стену, но мне это нравится. Мне нравится всё, что он делает.

— Боже, Одри, — говорит он с болью. — Ты сводишь меня с ума.

— Я? — Я смеюсь и пробегаю пальцами по его затылку.

Его сердце колотится рядом с моим, и спустя мгновение я понимаю, что мы по-прежнему стоим в коридоре. Хотя здесь и темно, но точно не уединённо. Я хмурюсь, потрясённая тем, что чуть было совсем не потеряла голову. И вообще, сейчас, стоит мне только подумать о...

Я кладу ладони на плечи Элиаса и осторожно отодвигаю его от себя. Роза, послужившая причиной самому страстному в моей жизни поцелую, где-то потерялась. Элиас, похоже, тоже осознал, насколько безрассудно мы себя повели, и проводит рукой по волосам, смущённо улыбаясь мне. Мне хватает секунды убедиться, что моя одежда всё ещё на мне после того, как я накинулась на него. Или это он накинулся на меня?

— Это серьёзно скажется на моём дне, — говорит Элиас, а затем смеётся. — Может быть, даже на целой неделе.

— Угу, — соглашаюсь я и потираю губы. На ощупь они припухшие, и горят так, что мне хочется снова поцеловать его. Я полна сил. Живая.

— Наши двадцать три часа становятся всё короче, — говорю я.

Улыбка Элиаса угасает, на лице появляется грусть. Мне не нравится эта перемена настроения, и я шагаю вперёд и кладу руки ему на плечи. Встав на цыпочки, быстро целую его в губы.

— Пойдём в кафе, — говорю я и снова целую. — Сделаем что-нибудь порядочное.

— Зачем? — Элиас пытается углубить поцелуй, но я смеюсь и отскакиваю от него. И я совершенно очарована, когда он берёт мою руку, поднимает к своим губам, целует её, а потом опускает и переплетает наши пальцы. — Ладно уж, — драматично вздохнув, говорит он. — Пойдём, но я всё время буду думать о том поцелуе.

— Я рада, что смогла произвести впечатление.

Он что-то бормочет в знак согласия, и мы шагаем по коридору, обратно к цивилизации. Я жду, что Элиас выпустит мою руку, пока никто не заметил, но нет. Он сжимает её даже ещё крепче.

***

Мы — одни сплошные гормоны — сидим за маленьким столиком на задней веранде и глупо глазеем друг на друга. Элиас продолжает держать мою руку и скользит пальцами по моим, дразня меня своим чувственным прикосновением.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала, — печально улыбаясь, говорит он, а затем берёт свою белую фарфоровую чашку и делает глоток кофе. — Но я понимаю, что тебе здесь не место.

— О? — спрашиваю я, наполовину чувствуя себя польщённой, а наполовину одинокой от мысли о том, что лишняя тут. — Может, это тебе здесь не место? — глядя на наши переплетённые руки, спрашиваю я. — Я слышала, что у моей бабушки очень милый чердак.

Элиас смеётся и поднимает руку, чтобы ещё раз поцеловать мои пальцы, а потом отпускает её. Я обхватываю ладонями свой стакан, уже скучая по теплу Элиаса. Я рассказала ему, как мне страшно ехать к бабушке. Что я не буду знать там никого, кроме Дэниела.

— Я бы увёз тебя из того дома, — тихо говорит Элиас, уставившись на чашку. — Я бы увёз тебя туда, куда ты захотела, Одри. — Он поднимает голову, его лицо мрачное от сопереживания мне. — Я бы стал твоей семьёй.

Пунктиром на моём сердце проложено всё то, что я так хотела услышать за последние три месяца, и Элиас соединяет все точки.

— Мы убежим вместе, — шучу я, хотя ни один из нас больше не улыбается. — Думаю, Калифорния вполне подойдёт.

— Да, — соглашается Элиас. — Я там вырос.

Элиас опускает чашку, отставляет её в сторону и облокачивается на стол. Он отворачивается, чтобы посмотреть на сад, на аккуратно подстриженные кусты, на виднеющиеся вдалеке горы. Но в этом пейзаже преобладают цветы — яркие розы нескольких оттенков, их аромат долетает даже до нас. Совершенно точно, это самый лучший вид, открывающийся из отеля.

Несколько минут проходят в комфортной тишине, но вот Элиас озорно смотрит на меня.

— Я передумал, — говорит он.

— Насчёт чего?

— Насчёт того, чтобы пригласить тебя к себе в номер. Я сниму трубку телефона с рычага.

Я смеюсь, обдумывая его предложение. В животе порхают бабочки, внутри всё скручивается от желания. И я сама себе не верю, когда слышу, как отказываюсь.

— Я не могу, — говорю я, опуская подбородок на сложенные над столом руки. — Я не должна, — поправляю саму себя. — И неважно, как сильно мне этого хочется.

— У нас по-прежнему есть двадцать три часа, — разочарованно говорит Элиас, но не давит на меня. Открыв чёрную папку с чеком, он быстрым размашистым движением ставит свою подпись.

— Двадцать два, — замечаю я и смеюсь, когда его глаза сужаются.

— Иди сюда, — шепчет он, отбрасывает ручку и наклоняется ближе. Я делаю, как сказано, и он целует меня, перегнувшись через стол, сладким, дразнящим поцелуем. Он проводит своими губами по моим губам, а потом я чувствую нежное прикосновение его языка, жар его рта. У меня кружится голова, и я хватаюсь за его рубашку, чтобы притянуть

его ближе.

— Простите, что отрываю вас.

Мы с Элиасом подпрыгиваем на месте, и я вижу Джошуа, одетого в униформу отеля «Руби», и он несколько не выглядит виноватым. Самодовольно улыбнувшись Элиасу, он поворачивается ко мне.

— Меня прислали со стойки регистрации. Одри, тебя ищет твой брат. И, похоже, хорошо, что я нашёл тебя первым. — Он фыркает от смеха и, развернувшись на каблуках, уходит внутрь.

— Что у тебя с Джошуа? — спрашиваю я, выпрямляясь на стуле, потому что чувствую себя неловко из-за того, что меня поймали за поцелуем. Осмотревшись по сторонам, я с радостью обнаруживаю, что остальные столики пусты. Почему-то я даже не подумала сделать этого раньше. И Джошуа был прав — мне повезло, что нас застукал он, а не Дэниел. Иначе была бы катастрофа.

Элиас откидывается на спинку стула и тяжело вздыхает.

— Когда-то давно, когда мы с Кэтрин были несчастливой парой, Джошуа помог ей найти столь желанное отвлечение. Может, я даже несколько раз врезал ему за это по лицу. — Элиас поднимает одно плечо. — Но это было очень давно. Теперь даже кажется смешным.

— Вы зачатые друзья, — шучу я, но Элиас выглядит озадаченным.

На веранду выходит пожилая пара и садится за соседний столик. Они не здороваются с нами, хотя Элиас вежливо кивает им.

Мне хочется ещё дольше побыть на свежем воздухе, в компании классного парня, не чувствовать никаких обязательств, но лучше мне не заставлять Дэниела ждать. Я встаю, и Элиас притягивает меня к себе, когда я прохожу мимо. Я прислоняюсь к нему, опьянённая его взглядом, полным обожания.

— Вернёшься, когда закончишь с делами? — спрашивает он.

— И ты попытаешься уговорить меня подняться к тебе в номер?

Ямочки на его щеках становятся глубже, когда его губы медленно растягиваются в сексуальной улыбке.

— А ты этого хочешь?

Я быстро его целую, а потом просто зависаю над ним.

— Вроде того, — шепчу я, зная, что это правда. Да и вообще, кого заботит то, чем я занимаюсь с Элиасом? Меня вот-вот увезут в Элко, штат Невада. Почему же мне не получить удовольствие от последних мгновений на свободе?

Элиас глухо стонет и закатывает глаза, словно я самая жуткая в мире динамщица.

— Поспеши, — говорит он и ставит перед собой свою чашку с кофе.

***

У стойки регистрации пусто, так что я иду искать Дэниела в ресторан, но там нет ни его, ни папы. Зато я вижу суетящегося у стола Уоррена и иду к нему.

— Привет, Одри, — говорит он тихим, успокаивающим голосом. — Ты выбежала отсюда на всей скорости. Всё нормально?

— Да. Но я ищу своего брата. Видел его?

Уоррен оглядывается, как если бы Дэниел пересел за другой столик, а он и не заметил.

А потом щёлкает пальцами.

— Попробуй поискать в бальном зале. Твой отец говорил про него с другим постояльцем после того, как ты ушла. Правда, не знаю подробностей. У меня много столов. — И он показывает на комнату, чтобы подтвердить свои слова. Я благодарю его и отпускаю обратно к работе, а сама направляюсь по коридору в сторону бального зала.

Я подхожу к двойным дверям, они закрыты. Сомневаюсь, что мой брат внутри, но любопытство одерживает верх. Две ночи тому назад я уже видела зал во всём его великолепии, но мне интересно, как он выглядит без всех этих сверкающих платьев. И я решаю выяснить это. Медленно приоткрываю дверь до небольшой щелочки и протискиваю внутрь голову, чтобы посмотреть, есть ли кто-нибудь, например, Дэниел, внутри. Но в зале слишком темно, чтобы увидеть что-то там, куда не попадает свет из коридора.

Дэниела там нет, но я всё равно проскальзываю сквозь двери и отыскиваю выключатели на стене рядом со входом. Я щёлкаю ими, и центр помещения озаряется ярким светом. Красные всполохи так и кричат о роскоши; лучи, исходящие от сверкающей люстры, образуют на полу замысловатый узор. Я настолько очарована окружающей обстановкой, что мне даже требуется немного времени, чтобы прийти в себя. Но, несмотря ни на что, когда нет вечеринок, здесь безжизненно. Прекрасная, мёртвая комната. Безлюдная и трагичная.

Я вспоминаю об истории, рассказанной Лурдес. У меня нет причин сомневаться в её правдивости, но это слишком тягостная трагедия, особенно когда я нахожусь в бальном зале. Никто не попытался спасти тех людей, и я так и чувствую повисшую в комнате грусть. Должно быть, они боролись за жизнь, пробовали выбраться. Что они подумали, когда поняли, что двери оказались заперты? По коже бегут мурашки, и я осматриваюсь, вбирая взглядом всё больше украшений. Лурдес говорила, что люди сюда съезжаются отовсюду, только чтобы пожить среди привидений. В дальних углах комнаты всё ещё висят тени. И внезапно это место ощущается могилой.

Позади меня раздаётся лёгкий щелчок закрывающейся двери, и я, испуганная, поворачиваюсь на звук. Пульс учащается, отдаваясь в ушах. Хочется обвинить во всём сквозняк, но его нет. И уж ни за что на свете это не привидения.

— Вижу, ваш интерес к вечеринке по-прежнему не угас, — прокатывается по комнате голос.

Я вскрикиваю и разворачиваюсь так резко, что чуть не падаю, потому что мои ноги перекрещиваются. В дальнем конце комнаты стоит Кеннет, и я встревоженно думаю, находился ли он там всё это время. По крайней мере, мне кажется, это Кеннет. Вроде фигура его и этот бордовый костюм, но лицо скрыто в темноте. Мне удаётся различить форму его гладко выбритой головы, я вижу его пухлые пальцы, сложенные на груди. Но от того, что мне не видно его глаз, он кажется... зловещим.

Я отступаю назад.

— К сожалению, должен сообщить вам, — не делая никаких попыток приблизиться, продолжает говорить портье, — что вы не можете получить приглашение. А как я говорил ранее, без него на вечеринку попасть нельзя.

Слышать это мне порядком поднадоело.

— Тогда каким образом оно досталось Дэниелу? Или моему отцу?

Кеннет разжимает пальцы и в извиняющемся жесте вытягивает перед собой руки.

— Это решает «Руби», — отвечает он, как будто в этом есть какой-то смысл. — Возможно, если вы уедете, то поймёте причину.

— Хм... возможно, — с сарказмом говорю я. И уже было собираюсь выходить из зала, поставив мысленную галочку, что это был *день зловещего разговора с портье*, когда Кеннет окликает меня. Я оглядываюсь через плечо, напуганная больше, чем мне бы хотелось признать.

— Да?

— Я заметил, что вы общаетесь с персоналом. Хотя я уже упоминал о том, что мы не одобряем взаимодействия между персоналом отеля и гостями. Им будет сделан выговор, если вы и дальше продолжите отрывать их от работы.

— Вы шпионите за мной? — с вызовом спрашиваю я. — И я не думаю, что вы можете устанавливать такое правило. Они не ваша собственность. Они ваши сотрудники.

— И будучи таковыми, они соблюдают правила «Руби». Я слежу, чтобы так оно и было. За игнорирование правил они будут наказаны. Для вас будет лучше всё оставшееся до отбытия время провести в своей комнате, мисс Каселла. Подальше от неприятностей.

— А для вас, Кеннет, будет лучше отвалить от меня, пока я не пожаловалась вашему руководству на то, что вы мне угрожаете. И хочу предупредить, я сообщу им также о том, как отвратительно вы обращаетесь со своими сотрудниками. Приятного дня, — говорю я, салютуя ему.

Я разворачиваюсь к двери, и вдруг позади меня раздаётся ужасающий шум. Пугающее, грозное эхо, словно за моей спиной несётся дикий зверь, готовый атаковать. *Съест меня заживо*. В страхе, что выход каким-то образом окажется запертым, я быстро хватаюсь за дверную ручку, но она с лёгкостью поворачивается. Я рывком открываю дверь и быстро оглядываюсь на Кеннета, только чтобы убедиться, что он ещё там.

Портье стоит на месте, по-прежнему наполовину скрытый в тени, снова скрестив руки на груди. Но вот он делает шаг вперёд, под свет, и мне наконец удаётся разглядеть его лицо и любезную улыбку.

— Передайте привет Элиасу, — снисходительным тоном говорит мне вслед Кеннет. Затем он разворачивается на каблуках своих блестящих ботинок и подходит к круглому столу. Проведя рукой по белоснежной скатерти, портье яростно дёргает за её край, чтобы разгладить ткань.

Вся моя фальшивая самоуверенность исчезает, и желудок сворачивается в узел. Ладно, я поняла. Кеннет абсолютно, чертовски страшный. Я спешно ухожу из бального зала и направляюсь на поиски брата. Расскажу Дэниелу о портье, и пусть он с ним разберётся. Теперь мне даже хочется, чтобы он всё-таки взял с собой свою битку.

Я иду прямо к лифту и поднимаюсь на шестой этаж. В коридоре постоянно оглядываюсь назад, опасаясь, что в любой момент на меня нападёт Кеннет или какой-нибудь неизвестный монстр. Из номеров, мимо которых я прохожу, доносятся звуки — там кипит жизнь, в отличие от мёртвой тишины на моём этаже. Подойдя к двери Дэниела, я прижимаюсь к ней и стучу. Меня охватывает ощущение тревоги, и я проигрываю в голове свой разговор с Кеннетом.

Он угрожал мне. Портье приказал мне оставаться в номере до тех пор, пока мы не уедем. Он не может так поступать. Это своего рода оскорбление.

— Дэниел, — зову я и снова стучусь. Когда он не отвечает, я решаю отправиться в комнату отца и рассказать всё ему. Но вдруг дверь внезапно распахивается, заставив меня вздрогнуть. Я быстро прихожу в себя, вхожу внутрь и закрываю задвижку.

Мой брат стоит у дверного проёма, бледный, с широко раскрытыми глазами.

— Где ты была? — спрашивает он. — Я звонил в твой номер со стойки регистрации.

— Я была в кафе с Элиасом, — отвечаю я и протискиваюсь мимо Дэниела в комнату. И с удивлением обнаруживаю, что повсюду разбросана его одежда, а одеяла кучей валяются рядом с кроватью. Я расправляю простынь и сажусь на краешек матраса. Руки трясутся, и я стискиваю их перед собой.

— Зачем ты искал меня? — спрашиваю я.

Дэниел в недоумении смотрит на меня и долго молчит, прежде чем заговорить:

— Почему ты так напугана? — спрашивает он. — Что-то случилось?

— Да. Мне нужно, чтобы ты надрал кое-кому зад.

— Считай, что это уже сделано, — на автомате отвечает он и проходит через комнату, чтобы сесть рядом со мной. — Расскажи мне, что произошло. Это тот парень? — И через секунду: — Или папа?

— Нет. Портье.

— Кеннет? — спрашивает брат. Я удивлена, что он знает его имя, но, скорее всего, они уже встречались. Просто Дэниел не самый наблюдательный. — Это из-за вечеринки?

— Типа того, — отвечаю я, — но не это меня напугало. Он терроризирует здешний персонал, а когда я только что разговаривала с ним в бальном зале, он... — Моему страху нет достойного объяснения — такого, в котором была бы логика. О чём я могу рассказать своему брату? О том, что у меня было ощущение, словно портье гнался за мной, чтобы напасть, хотя при этом оставался на месте? О том, что он в курсе, что я общаюсь с персоналом, а значит, следит за мной? — Этот парень — неприятный тип, — наконец произношу я. — Он плохо обращается со своими сотрудниками и пытался запугать меня — по-моему, нам надо убираться отсюда, Дэниел. А потом я попрошу папу, чтобы он сообщил об этом подонке его руководству.

На лице Дэниела проступает боль, и он опускает глаза.

— Именно об этом я и хотел поговорить с тобой. — Брат говорит так тихо, что мне едва удаётся разобрать слова. Он встаёт и отходит к комоду, спиной ко мне, его фигура застывает от напряжения. — Раньше я этого не понимал. Но потом внезапно, после того как оставил тебя внизу, я... вспомнил.

— Вспомнил что? — спрашиваю я. Грудь почему-то сжало. *Я тоже помню.* Так мне

хочется сказать, но только это неправда. Я понятия не имею, о чём говорит мой брат. — Дэниел, нам нужно уезжать. Здесь всё слишком странное.

Брат поворачивается с таким мрачным выражением лица, которого мне ещё не приходилось видеть.

— Мы не уедем, — говорит он, и его слова врезаются в моё сознание. Он не сказал «раньше времени». Дэниел не говорил: «Мы не уедем раньше времени». Он сказал: «Мы не уедем».

И снова ощущение какого-то угрожающего присутствия, ощущение того, будто рядом со мной что-то есть, заставляет волоски на моих руках встать дыбом, и по всему моему телу ползут мурашки. Сам отель подслушивает нас.

— Что за чёрт, о чём это ты? — спрашиваю я, и пульс эхом отдаётся у меня в ушах. — Конечно, уедем. Даже если папа решил, что, выйдя на пенсию, останется в «Руби» и будет играть в теннис или ходить на вечеринки, это не значит, что и мы застрянем здесь. Мы можем взять его машину. Уехать, когда захотим.

Рот Дэниела кривится, и брат качает головой.

— Я так и знал, что ты не послушаешь. Ты никогда не слушаешь, Одри. — Он отворачивается и, схватившись за край комода, застывает, как и повисшее между нами молчание. Моё сознание захватывают паника и беспокойство; руки трясутся.

— Что происходит? — спрашиваю я его. — Я не понимаю, почему ты...

— Ты помнишь свой день рождения? — тихо спрашивает Дэниел, игнорируя мой вопрос. Сначала мне кажется, что это очередная его шпилька в мой адрес, но он продолжает: — Последний перед тем, как умерла мама. Ты не хотела, чтобы мы праздновали его, но она всё равно решила устроить тебе сюрприз. Ей хотелось сделать что-нибудь особенное, хотя она знала, что тебе это не понравится.

Его слова сокрушают меня. Мир ломается, и на меня обрушивается боль. Дэниел не говорит о нашей маме. Я не знала, что он всё ещё был способен на это. Долгое время мне казалось, что я хотела, чтобы он хоть как-то вспоминал о ней. Но я никогда не задумывалась, какое сильное отчаяние поглотит меня, когда он это сделает. Как сильно я снова начну скучать по ней.

— Это был самый ужасный день рождения в моей жизни, — в порыве чувств отвечаю я. Мы оба усмехаемся, но получается вымученно.

— Семеро твоих самых близких друзей, — говорит Дэниел, вновь глядя на меня. Его лицо мокрое от слёз, бледные глаза покраснели. Он громко шмыгает носом и вытирает щёки кулаком. — Что подразумевало Райана и шестерых, с кем ты не разговаривала с девятого класса.

— Я до сих пор не понимаю, как ей удалось достать номера их телефонов, — говорю я и с силой закусываю губу, чтобы она не дрожала. Это поможет исцелиться? Но как, если причиняет так много боли?

Дэниел откидывается на комод.

— Я привез тебя домой после урока вождения, где, кстати, — он улыбается, — ты была абсолютна ужасна. И вот мы вошли в дом, а все как выпрыгнут! И лицо мамы... — Он крепко зажмуривается, слёзы струятся по его лицу. Я тоже начинаю всхлипывать. — Чёрт, она была так счастлива. Так гордилась собой.

Какое-то время единственным звуком в комнате остаётся наш с Дэниелом плач. Мы убиты горем. Потерянные без неё. Я беру себя в руки и проглатываю ком в горле.

— Я развернулась и вышла обратно на крыльцо, — продолжаю я историю. — Я была в замешательстве. Она вышла вслед за мной и спросила, сержусь ли я на неё. Я ответила, что да. Сказала, что хотела бы убить вас обоих.

— Но ты же всё равно повеселилась, — говорит Дэниел. — После того, как ты вошла в дом, Райан тебя успокоил. Мама собиралась приготовить лазанью, потому что это твоё любимое блюдо. Но только она забыла, что с прошлого вечера в духовке осталась коробка от пиццы, и, пока нагревала плиту, чуть не спалила всю кухню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты помнишь, как оттуда вырывались языки пламени? — смеюсь сквозь слёзы, спрашиваю я. — Мы с Райаном минут пятнадцать махали тряпкой перед пожарной сигнализацией, пока наконец не прибежал ты с метлой и не сбил её со стены.

— Плита была уничтожена, — подхватывает Дэниел. — И мама выбросила лазанью в мусорное ведро и заказала пиццу. Глубокую, чтобы мы смогли воткнуть туда свечи. — Он грустно улыбается. — Но она забыла их купить, и нашла какую-то до половины сожжённую восьмёрку, которая годами валялась в ящике. И мы зажгли её. И пели... Лучший твой день рождения. Чёрт, лучший день рождения из всех, где я был.

Я закрываю глаза, боль каплями вытекает из моего сердца и падает к ногам. Мы оба знаем, что мама не была идеальной, даже пусть я рисовала её такой в тех воспоминаниях, что позволяла себе последние несколько месяцев. Она могла кричать как ненормальная, да так, что в буфете звенело стекло. Один раз, когда мы спорили, она назвала меня тупой, и я захлопнула дверь прямо перед её носом. Ещё был случай в машине, мы как раз возвращались домой после ужина, и она обозвала папу мудаком, потому что он критиковал её отца.

Но в то же время она была чудесной. Она интуитивно чувствовала, когда нужно было испечь кексы, а когда забрать нас после школы и поехать в кино. Она давала советы Дэниелу, когда он собирался на свидания, и научила меня краситься тушью так, чтобы ресницы не склеивались. Она была моей мамой. Она была моей мамой, и я больше никогда не увижу её, как бы мне этого ни хотелось. Не знаю, есть ли ещё что-то сильнее, чем это чувство беспомощности.

— Зачем ты это делаешь, Дэниел? — наконец спрашиваю я. — Зачем заговорил о ней сейчас?

— Потому что я хочу, чтобы ты держалась за эти воспоминания. Я бы ни за что не хотел, чтобы ты забыла, как порой было хорошо. Офигенно, чёрт побери! И что бы ни случилось, это не изменится.

Я вытираю слёзы, на меня обрушивается адреналин.

— Что ты имеешь в виду? — хрипло спрашиваю я. — Что должно случиться?

На какое-то мгновение Дэниел прикрывает глаза рукой; его плечи опущены. Когда он снова распрямляется, выражение его лица становится жёстким. Холодным. Из комнаты словно выпустили весь воздух.

— Я не поеду с тобой в Элко, Одри, — говорит он. — Я остаюсь в «Руби».

Мне лучше спросить, не шутит ли он, потому что в привычном мне мире мой брат никогда не оставил бы меня. Он был бы рядом, даже если бы это означало провести несколько месяцев в доме нашей бабушки.

— Ты не можешь, — слабым голосом возражаю я. — Ты не можешь поступить так со мной.

Он сжимает губы и долго молчит.

— Это решено.

— Но *почему*? — Слезы бегут по губам. Ещё чуть-чуть, и у меня сдадут нервы — это невозможно. Он не мог так поступить!

— Это из-за Кэтрин? — вскочив на ноги, кричу я. — Но ты ведь её даже не знаешь! Я никогда не прощу тебя! — Я уже на грани истерики. — Я никогда не прощу тебя, если ты сделаешь это!

— Кэтрин тут ни при чём, — заявляет брат. — Ты уезжаешь, Одри. Папа хочет, чтобы ты осталась до пятницы, но потом ты уедешь отсюда. Без промедлений. Ты поняла? У бабули Нелл тебе будет хорошо — ты начнёшь всё заново. Пришло время отпустить прошлое. Ты не должна...

— Не будь идиотом! — верещу я. Моя голова раскалывается от рыданий, тело дрожит. Боюсь, что скоро начну задыхаться, если не уйду. Я никогда не могла подумать, что из всех именно Дэниел оставит меня. — Ты не можешь здесь остаться!

— Ты мне не мама, — злобно говорит он. — Хватит вести себя так, будто ты — это она.

Тишина. Я покачиваюсь, его слова словно сбили меня с ног. Меня слишком сильно тошнит, чтобы злиться. Дэниел выдыхает, замечая боль на моём лице, и делает шаг ко мне.

— Прости, — торопливо говорит он. — Но если я...

И в этот момент телефон у кровати начинает громко звенеть, напугав нас обоих. Дэниел шагает к нему, чтобы ответить, и звонок раздаётся вновь — ещё более громкий и пронзительный. Мой брат сжимает челюсти и отворачивается.

— Тебе лучше уйти, — холодно говорит он. — Уходи, пока я не сказал ещё что-нибудь, похуже.

— Дэниел...

— Уходи, — рычит он. — Я не хочу с тобой спорить. — Пауза. — Не заставляй меня.

— Я и не собиралась спорить, — печально говорю я. — Как ты сам сказал, я не твоя мама.

Он морщится, ему самому ненавистны эти слова. Я подхожу к двери, смесь из горя и злости готова прорваться наружу.

Телефон продолжает звенеть, как аварийная сигнализация, и только я открываю двери, Дэниел зовёт меня по имени. Я оглядываюсь через плечо — голова брата опущена.

— Не доверяй папе, — тихо произносит он. — Никому не доверяй.

Я ждала извинений, а эти слова лишь очередная пощёчина.

— Ну, знаешь ли, — говорю я, — это ты предал меня. Так что, похоже, Дэниел, доверять нельзя только тебе одному.

Брат метает в меня раздражённый взгляд, а потом, скрестив руки на груди, подходит к окну и смотрит вниз, полностью отгородившись от меня.

***

Я хлопаю дверью и устремляюсь по коридору, лишь раз обернувшись, чтобы посмотреть, не побежит ли Дэниел за мной, передумав. Нажимаю кнопку вызова лифта и наблюдаю за дверью в его номер. Он не выходит за мной. Коридор остаётся пустым и с того места, где я стою, кажется бесконечным. Вокруг царит безмолвие, тяжёлая пауза, которая, кажется, вот-вот взорвётся.

— Ну давай же, — снова и снова нажимая на кнопку, бормочу я. Когда двери в конце

концов открываются, я облегчённо вздыхаю, но не спешу с выбором этажа, и створки лифта захлопываются. Мне бы следовало пойти к папе, рассказать ему и о портье, и о Дэниеле. Совершенно ясно, что Кэтрин задурила ему голову, но мне тяжело поверить, что он мог бы позволить какой-нибудь девице погубить наши отношения. Мы зависим друг от друга. Он не оставил бы меня без веской причины. По крайней мере... именно так я всегда думала.

Ну и даже если я расскажу всё отцу, что он скажет в ответ? Он наконец-то снова начал с нами разговаривать. Разрушу ли я всё, если побегу к нему с жалобами на Дэниела и портье? Если уж на то пошло, папа не славится умением понимать.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Дэниел просил меня не доверять нашему отцу — вообще никому — но пока он единственный, кто ведёт себя как сумасшедший. А папа наверняка уже ждёт меня у кинотеатра. Я могу спуститься вниз и посмотреть, какое у него настроение. У меня нет другого выхода. Теперь, когда Дэниел бросил меня, отец — это всё, что у меня осталось.

***

Когда я выхожу из лифта в вестибюль, Кеннета на месте нет. Мои нервы уже на пределе, голова кружится от различных объяснений поведению моего брата. От способов, которыми я могла бы уговорить его всё-таки уехать со мной. Рядом со входом в кинотеатр толпятся люди, пробравшись сквозь них, я подхожу ко входу. Около дверей стоит контролёр, который больше напоминает охранника. У него тёмные волосы, тёмные глаза и массивная фигура, которая, кажется, становится ещё больше, когда я прохожу мимо. Его взгляд буравит мой затылок — интересно, теперь весь персонал следит за мной для Кеннета? Не об этом ли предупредил меня Дэниел?

Когда я вхожу в зал кинотеатра, то тут же выдыхаю сдерживаемый до этого воздух, сражённая изысканностью внутреннего декора. По всей дальней стене растянулся экран, больше трёх метров в длину, по бокам его ниспадают красные бархатные шторы. Стены оклеены бордовыми с золотым узором обоями, бра создают идеальный приглушённый свет, усиливая атмосферу. От экрана тянутся ряды мягких красных кресел, где уже сидят люди — большинство в шальях и вечерних нарядах. Понятия не имела, что это будет официальное мероприятие.

Я смущённо приглаживаю волосы и оглядываюсь в поисках отца. Почувствовав запах попкорна, разворачиваюсь в сторону небольшого бара в глубине зала. У стойки стоят около двенадцати табуретов, на них восседают важного вида мужчины и попивают напитки из коротких стаканов. Рядом с машиной для попкорна расположилась стойка с конфетами, а на столешнице стоят блюда с солёными крендельками. Я думала, что найду папу там, но его нет. Зато вижу продавщицу из магазина сувениров. Она тоже замечает меня и широко улыбается. В этот раз на Астрид другой пиджак, с толстыми подплечниками; я чуть машу ей рукой. В конце концов, именно она продала мне те отвратительные шоколадные конфеты.

Я начинаю спускаться по боковому проходу. Некоторые гости смотрят на меня, а потом перешёптываются с рядом сидящими. Кто-то совсем не обращает на меня никакого внимания. По-моему, у меня начинает развиваться паранойя, но у кого её не будет после угроз Кеннета? После предупреждений Дэниела? На полпути к первому ряду я слышу своё имя и оборачиваюсь. В центре сидит папа, рядом с ним пустое место. Он, похоже, очень рад меня видеть. Хотя я и не планирую оставаться, но всё равно, шепча извинения, пробираюсь

по проходу к нему.

— Привет, малышка, — говорит отец, когда я приближаюсь к нему. — Я так рад, что ты пришла!

Он придерживает сидение кресла, и я сажусь рядом, обернувшись, чтобы проверить, никто ли не подслушивает. В зал вошёл контролёр и стоит сейчас в самом конце бокового прохода. Он смотрит на меня, и я отворачиваюсь, от его бдительного взгляда по мне пробегают мурашки. Доложит ли он Кеннету, если мне удастся вытащить папу отсюда? Неужели именно так портье и следит за мной?

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает отец. — Ты очень бледная.

— Пап, — тихо начинаю я. Папа хмурится, видя мой страх. — Пап, мне нужно поговорить с тобой об этом отеле.

Его беззаботная улыбка тут же угасает, как и тепло, которое было в его глазах, когда я только пришла.

— Кеннет предупреждал меня о твоём поведении, — разочарованно произносит отец. — Что ты сделала, что огорчило «Руби»?

И снова по мне прокатывается ощущение скорой беды. То, как ведёт себя папа, повторяет произошедшее в комнате Дэниела. Они уже знают, что Кеннет мерзавец? Или он промыл им мозги? Я резко втягиваю в себя воздух и выдыхаю, меня начинает трясти.

— Нам нужно уезжать, папа, — говорю я как можно более спокойно, но мой голос всё равно дрожит. — Тебе, мне и Дэниелу нужно убираться отсюда, пока Кеннет с нами что-нибудь не сделал.

При упоминании нашей семьи выражение его лица становится чуть мягче.

— Зачем нам уезжать, Одри? — спрашивает отец. — Здесь нам намного лучше. *Намного.* Тебе просто нужно дать нам шанс.

— Шанс? — не веря своим ушам, переспрашиваю я.

— Это наша возможность начать всё сначала. Разве тебе этого не хочется?

Я смотрю на него во все глаза; на папином лице играет здоровый румянец, его волосы уложены в причёску, на нём стильная одежда. Я не видела его таким с тех пор, как умерла мама, и очень скучала по нему такому. Я скучала по своему папе.

— Хочется, — признаюсь я. — Но...

— Вот и порешили, — обрывает он меня, словно моя невысказанная мысль не имеет никакого значения. — Попкорн? — Отец протягивает мне коробку. — У них есть и конфеты. Этот фильм должен быть неплохим, хотя аннотация довольно бессмысленная. Ну, думаю, мы сами всё увидим.

Я беру попкорн, хотя наверняка подавлюсь, если попытаюсь съесть что-нибудь прямо сейчас. Не понимаю, что происходит с папой и Дэниелом. Портье шпионит за нами, третирует своих сотрудников. Я, что, единственная так сильно реагирую?

Огни в зале гаснут, и я ахаю. Коробка с попкорном вываливается у меня из рук, белые зёрнышки рассыпаются по чёрному полу у моих ног. И в это же мгновение загорается экран и начинаются анонсы фильмов. Зрители подаются вперёд, улыбающиеся, довольные. Я же откидываюсь назад, на спинку кресла. Папа смотрит на пол и поднимает коробку, которую я уронила.

— Пойду возьму ещё, — шепчет он. — Скоро вернусь, малышка.

Люди смеются над чем-то, что происходит на экране, на который я не обращаю никакого внимания. Мои мысли продолжают возвращаться к Дэниелу. Зачем он упомянул

маму? И на какой конкретный срок они с отцом планируют тут остаться? Может быть, для Элиаса жить в отеле и нормально, но лично мне не хочется всю жизнь бродить по «Руби», опасаясь Кеннета. Я бросаю взгляд на дверь, раздумывая, уйти мне или нет, но прежде чем успеваю принять решение, по проходу уже идёт папа. Он протягивает мне новую коробку с попкорном, проходя к своему месту.

— Ещё купил тебе мятно-шоколадные драже, — шепчет он. — Они же твои любимые?

Я на автомате хочу сказать «нет», потому что папа ещё ни разу не угадал ничего обо мне правильно. Но в этот раз...

— Да, — отвечаю я и забираю у него белую коробочку. — Они мои любимые.

Я перевожу взгляд на конфеты, все ещё со страхом, но уже не с таким большим. Затем я поворачиваюсь к отцу, пока он поудобнее усаживается в своём кресле, а потом улыбается мне, берёт пригоршню попкорна и отправляет его в свой рот. Я наблюдаю, как он смеётся, показывая на экран, и тут же отворачиваюсь.

Когда мои страхи окончательно исчезают, я съедаю несколько зёрнышек попкорна, а потом открываю пачку конфет. В каком-то смысле папа прав — возможно, здесь нам гораздо лучше. Пусть так будет хотя бы ещё одну ночь. Я откидываюсь в кресле и смотрю кино.

Фильм закончился. Свет включается, и папа смотрит на меня.

— Было весело, — говорит он. — Только им лучше нанять кого-нибудь посообразительнее, чтобы писать аннотации. Я вряд ли бы остался, если бы ты не пришла.

Я улыбаюсь ему в ответ, выражение его любви, хоть и искреннее, всё равно продолжает заставлять меня врасплох. Зал начинает пустеть, и мы с папой тоже идём к выходу, где выбрасываем в мусорную корзину всё, что не съели. Я притворяюсь, что не замечаю охранника, хотя он наблюдает за мной.

— Куда сейчас собираешься? — спрашивает меня отец, придерживая передо мной двери и пропуская меня вперёд. — Можем поужинать, если ты уже проголодалась.

В растерянности я внимательно оглядываюсь вокруг.

— Эээ... — Я обдумываю ужин из жареной курицы, когда люди в вестибюле внезапно умолкают.

— Мистер Каселла, — доносится голос Кеннета. У меня внутри всё опускается, и я медленно поворачиваюсь лицом к портье, который стоит рядом с моим отцом. — Мисс Каселла, очень рад, что вы наслаждаетесь пребыванием в «Руби».

— А мне плевать, — отвечаю я, раздражённая тем, что он притворяется вежливым перед моим отцом. Который почему-то напрягается, словно ожидая услышать плохие новости. Он реально думает, что я могла учинить здесь скандал? Папа поворачивается к Кеннету, но, вместо извинений, лишь опускает плечи.

— Мне нужно ещё немного времени, — тихо произносит он. Кеннет стоит неподвижно, надменно подняв подбородок. Папа же продолжает: — Прошу вас, ещё несколько дней.

— В чём дело? — требую я объяснений. Ведь я только что говорила ему, как сильно хочу, чтобы мы уехали отсюда, а он умоляет портье позволить нам остаться ещё на некоторое время? Отец сошёл с ума? Или остаётся ещё одно объяснение — у него кончились деньги? Но мне сложно представить, что Кеннет в силах здесь что-то решить.

— Мне жаль, мистер Каселла, — игнорируя меня, отвечает Кеннет. — Но это последнее предупреждение. Вы ведь помните, что мы уже обо всём договорились, не так ли?

Отец тянется рукой к горлу, внезапно вздрогнув, как от боли. Мой гнев быстро сменяется страхом, ощущение чего-то ужасного переходит от папы ко мне. О чём бы они там ни договорились, это не к добру. Я делаю шаг и касаюсь папиной руки.

— Поверьте, — говорю я портье, стараясь казаться храброй, — завтра утром мы уедем. Можете не беспокоиться на этот счёт.

Кеннет бросает на меня презрительный взгляд, а потом перемещает глаза на моего отца. Я проглатываю ком в горле, чувствуя, как дрожит под моей ладонью папина рука.

— Я прослежу за этим, — говорит ему Кеннет. — Иначе вас ждут серьёзные последствия.

Он разворачивается на каблуках и возвращается за свою стойку.

Моё сердце бешено колотится в груди; окружающие вновь начинают разговаривать. Папа хлопывает меня по руке, словно и не было этого разговора с портье, и, нежно улыбаясь, опускает на меня глаза.

— На чём мы остановились? Ужин? — говорит он.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я его. — Мы даже словом не обмолвимся об этом

психопате, который только что угрожал тебе? О чём он говорил, пап? Ты должен ему денег?

Папа качает головой.

— Всё не так, как ты думаешь, детка. Клянусь. Кеннет... ему просто не очень нравятся некоторые твои действия. Он бы предпочёл, чтобы ты покинула отель как можно раньше.

— Мне тоже этого хочется. А ещё я думаю, что он мудака.

Губы отца изгибаются в улыбке.

— В этот раз я даже не буду выговаривать тебе за грубые слова.

Удивлённая, я смеюсь.

— Просто мне очень хочется остаться здесь подольше, — продолжает папа. — Так здорово, что мы снова вместе. — Он смотрит поверх меня, его глаза поблёскивают в свете люстры. — Но после завтрашнего дня тебе уже никогда не придётся сталкиваться с Кеннетом. Даю тебе слово.

Он кладёт руку на грудь, клянясь, и на его лице больше нет и тени страха. А, может, я как-то не так истолковала это выражение во время разговора? Кеннет явно испытывает ко мне неприязнь, и, возможно, папа говорил от моего имени? Заступился за меня. И это напомнило мне о том, насколько он изменился после приезда сюда.

Мы с папой одновременно вздыхаем и оборачиваемся, чтобы посмотреть на собравшуюся толпу постояльцев. Впервые после смерти моей мамы у меня такое чувство, что мы в одной команде. Только мы собираемся снова вернуться к обсуждению наших планов на ужин, как я вижу его. Моё сердце радостно трепещет.

— Элиас, — окликаю я, слишком громко, и несколько человек неподалёку от нас испуганно оборачиваются. Элиас поднимает глаза. Он стоит в другом конце вестибюля с двумя пожилыми седыми джентльменами, одетыми в смокинги и с солидными усами. Сам Элиас переоделся в серый костюм с галстуком-бабочкой, его волосы гладко зачёсаны, а лицо чисто выбрито. Он наклоняет голову, чтобы сказать что-то мужчинам, а затем начинается пробираться к нам сквозь толпу.

— Это Элиас Ланж? — с приятным удивлением спрашивает меня папа. Когда я киваю, он засовывает руки в карманы и широко улыбается.

— Чудесно. Я встречал его на вечеринке. Славный парень. — Папа искоса смотрит на меня. — Хотя твоему брату он не очень понравился.

— В этом плане Дэниел очень предсказуем, — бормочу я. *По крайней мере, был.* Нет, мне нужно перестать думать в таком ключе. Мой брат вновь придёт в себя. Когда увидит, как ведёт себя папа, как счастливо мы можем зажить втроём в Финиксе, он опомнится.

Папа переминается с ноги на ногу, ожидая встречи с Элиасом, который подходит всё ближе. Я же наблюдаю за его приближением с нервным напряжением, поняв, что так и не вернулась к нему в кафе. Наверняка, он гадал, что же со мной случилось. Боже, надеюсь, между нами не будет неловкости. Мои плечи опускаются: с чего же ей не быть — ведь я стою здесь со своим отцом.

Элиас гораздо выше ростом, чем большинство других постояльцев. Очаровательно улыбаясь, он тепло приветствует их, когда проходит мимо, хлопая по плечу или пожимая руки. Мой пульс всё ускоряется, и вот Элиас останавливается перед нами и вежливо кивает моему отцу.

— Мистер Каселла, — произносит он и протягивает руку.

Мой отец усмехается — он всё ещё не смог привыкнуть к вежливости и уважению, что окружают его в «Руби». Кажется, прошло несказанно много времени, когда Элиас

поворачивается ко мне. Какое-то мгновение мы просто смотрим друг на друга, а потом он улыбается.

— Одри, — тихо произносит Элиас, протягивая мне руку. Так. Чертовски. Мило. Моя ладонь проскальзывает в его, и он поднимает мои пальцы к своим губам и целует их, а затем, подмигнув мне, добавляет: — Ты выглядишь очаровательно.

— Благодарю, — отвечаю я, наверняка, покраснев как рак. Хотя Райан иной раз и обнимал меня в присутствии моих родителей, но он никогда не целовал мою руку. Это так... интимно.

Элиас смотрит на опустевший кинозал за нашими спинами.

— Как вам фильм? — дружелюбно спрашивает он у моего отца.

Папа принимается пересказывать наиболее понравившиеся ему сцены, но я уже не слушаю, вместо этого оценивающе разглядывая Элиаса в его костюме. Его теплые чувства ко мне проявляются в том, как он говорит нужные вещи, как то и дело улыбается мне, показывая, что не забыл о моём присутствии. Когда их с отцом беседа затягивается, я решаю, что хочу его только для себя. Он вдруг стал единственным, что имеет значение.

— Простите, что прерываю вас, — взяв Элиаса за руку, говорю я. Он накрывает мою ладонь своей и поворачивается ко мне. — Можно тебя на секундочку? — задаю я вопрос, тем самым заслужив насмешливое фырканье от папы.

— Ого, — говорит папа Элиасу, — какой провокационный вопрос.

Я закатываю глаза.

— Ты унижаешь мои чувства.

— Прости, — начинает извиняться папа, но я отмахиваюсь от него.

— Я всего лишь пошутила, — говорю я ему и получаю в ответ улыбку облегчения. — Увидимся вечером.

— Надеюсь на это, Одри, — с внезапной печалью в голосе отвечает он. — Сегодня был отличный день. Я скучал по таким. Мне стоит поблагодарить за это «Руби».

Вдруг меня накрывает внезапное ощущение покинутости, словно я снова теряю его. Предчувствие беды вновь возвращается, и я отхожу от папы.

— Пойдём, — шепчу я Элиасу, толкая его в сторону коридора. Сбитый с толку, Элиас на ходу прощается с моим папой, и мы поспешно идём через толпу в коридор. Я только начала допускать, что наша жизнь вернулась на круги своя, ну или хотя бы как-то близко к этому, как вдруг мой отец начинает вести себя так, будто ему промыли мозги.

— Ты собираешься рассказать мне о том, что происходит? — с любопытством спрашивает Элиас. — Я провёл в кафе на час больше необходимого.

Мы расстались на том, чтобы весело провести время в его комнате. Но, к несчастью для нас обоих, обстоятельства поменялись.

В конце коридора появляется пара, они падают друг на друга и смеются. Женщина одета в элегантное зелёное платье, но, судя по её неуверенным шагам и заплетающимся ногам её спутника, большую часть вечера они провели в баре. Они не замечают нас, и Элиас кладёт свою ладонь мне на талию.

— Сюда, — говорит он, ведя нас в другой конец коридора к большой деревянной двери. Я не замечала эту дверь ранее. Мы входим в комнату, мимо нас проходят люди. Но никто из них даже не смотрит в нашу сторону. Элиас зовёт меня и усаживается в одно из огромных кожаных кресел в углу.

— Ух ты! — оглядывая помещение, говорю я. Вдоль стен тянутся высокие книжные

шкафы, но одну из них занимает массивный камин из серого камня. Над каминной доской висит пейзаж с полем, выполненный в зелёных и коричневых тонах, по-мужски сдержанный. В стороне, рядом с громадными витражными окнами, стоят несколько бильярдных столов. По комнате расставлена тёмно-коричневая кожаная мебель. Теперь, когда мы покинули вестибюль, мне стало спокойнее. А может, всё дело в Элиасе.

— Раньше здесь была комната для джентльменов, — говорит он, забросив ногу на колено. — Теперь это бильярдная, но большинство про неё забыли.

— Клуб для мальчиков? — спрашиваю я, затем подхожу к одной из полок и оглядываю корешки книг. Они старые, некоторые даже можно отнести к антиквариату, и я узнаю несколько произведений, что мы проходили на уроках английской литературы.

— Одри, — мягко зовёт меня Элиас. — Хотя мне нравится, когда меня утаскивают красивые девушки, но я уверен, что ты чем-то обеспокоена. Не хочешь поделиться? — Выражение его лица становится серьёзным. Даже выжидающим.

— А ты не подумашь, что я восприняла всё слишком остро? — спрашиваю я в ответ.

— Вероятно, нет.

Он живёт здесь. Удивится ли он, если я расскажу ему о том, что, по-моему, «Руби» промыл мозги моей семье? Если расскажу, что Кеннет, как мне кажется, хочет причинить мне вред? Пока я решаю, с чего начать, Элиас начинает тревожиться ещё больше. Он подходит ко мне и останавливается передо мной, скрестив руки на груди.

— Это всё отель, — начинаю я. — Он каким-то образом воздействует на моего папу и брата, меняя их личности.

Элиас с любопытством склоняет голову набок.

— Как это?

— Дэниел больше не собирается ехать к нашей бабушке, — говорю я с тяжёлым сердцем. — Он оставил меня, он повёл себя жестоко. И ещё сказал никому не доверять, и что что бы ни случилось, мне придётся завтра уехать. Но как так? — озадаченно спрашиваю я. — Без обид, но мой брат не может *остаться здесь*. Я нашла внизу отца и сказала ему, что хочу, чтобы мы втроём уехали отсюда, как можно быстрее, но он проигнорировал меня. Сказал, что нам лучше здесь... и в какой-то мере он прав. Но... я больше не хочу оставаться в «Руби». Это место пугает меня. Пугает то, что происходит. — Я закатываю глаза, прекрасно понимая, что мои слова напоминают бред сумасшедшего. — Мне кажется, папа и брат одержимы, — добавляю я, чтобы Элиас засмеялся. Но он не смеётся, а лишь опускает глаза.

— Они выглядели счастливыми, Одри, — тихо говорит Элиас. — Когда я видел их на вечеринке, — он снова поднимает на меня взгляд, — оба они были счастливы. Разве это не хорошо?

— Эээ, да. За исключением того, что на самом деле они не чувствуют себя счастливыми. Они скорбят... мы все скорбим. И, хотя никто не признаёт меня всерьёз, здесь что-то не так. И, по-моему, как-то связано с Кеннетом.

Это, похоже, удивляет Элиаса.

— И каким образом Кеннет с этим связан? — спрашивает он. — Он что-то тебе говорил?

— Скорее, угрожал.

К щекам Элиаса приливает кровь, он встаёт ближе ко мне и берёт меня за руки.

— Расскажи мне всё. Когда это случилось?

Тут мне вспоминается Райан, его попытки уберечь меня. В итоге это его чуть не убило.

Мне не хочется втягивать Элиаса в свои проблемы, которые, похоже, нахожу каждую секунду. Мои ладони скользят вверх по его груди и останавливаются на плечах.

— Не бери в голову, — желая вновь увидеть его непринуждённую улыбку, говорю я. — Забудь о том, что я сказала.

Это не срабатывает.

— Одри, — пристально глядя на меня сверху вниз, произносит Элиас. Я встаю на цыпочки, соблазняя его на то, чтобы он поцеловал меня, а не хмурился. Он целует, но быстро. — Расскажи мне, что случилось, — бормочет Элиас и снова целует, словно не в силах противиться этому.

Я, простонав, наклоняю голову, когда Элиас начинает покрывать поцелуями мою челюсть, затем шею. Напряжение во мне начинает уходить — теперь мне есть чем заняться.

— Он загнал меня в угол в бальном зале, — закрыв глаза, говорю я. — Кеннет приказал мне держаться подальше от персонала, в противном случае их ждёт наказание за то, что они водят дружбу со мной. Словно он...

Элиас так быстро, так резко отстраняется от меня, что я теряю равновесие и хватаюсь за каминную полку, чтобы удержаться на ногах.

— Что? — требовательно спрашивает он. — Он так и сказал — что их ждёт наказание?

Его глаза неистово сверкают, тело обращено в сторону выхода.

— Да, он сказал, что обеспечивает соблюдение правил в «Руби», и до отъезда мне лучше оставаться в своей комнате.

Элиас бормочет проклятья и стремительно бросается к двери. Я, встревоженная, устремляюсь за ним, и мы бежим, по-настоящему бежим, по длинному коридору.

— Что ты делаешь? — кричу я, настолько ошарашенная его поведением, что даже не замечаю kloкочущего во мне страха.

— Мне нужно спуститься в подвал. — Его голос звучит грубо, я едва за ним поспеваю. В коридоре темнее, чем было, когда мы оказались здесь, картины на стенах, что мы пробегаем мимо, сливаются в одно мутное пятно. И тут до меня доходит — в подвале Лурдес. Элиас бросает на меня взгляд.

— Возвращайся обратно, — приказывает он, хотя совершенно ясно, что он не будет останавливаться, чтобы вынудить меня это сделать.

— Нет, — задыхаясь, отвечаю я, разволновавшись за подругу. Если Элиас напуган, значит, дело плохо. — Лифт в другой стороне.

— «Руби» сделает всё, чтобы замедлить нас, — отвечает Элиас, резко сворачивая налево в сторону металлической двери. Мы на задней лестнице. Белые стены, серые бетонные ступеньки. Элиас перепрыгивает через две, я больше не в силах за ним поспевать.

— Что ты хочешь сказать? — кричу я, топая за ним так быстро, как только могу. — Что значит это твоё «„Руби“ сделает всё, чтобы замедлить нас»?

Элиас поворачивает на следующий пролёт и бросает на меня полный ужаса взгляд, но продолжает бегом спускаться в подвал. Я понимаю, что он имеет в виду, что хочет сказать мне этим взглядом, и всё моё тело напрягается. Кеннет убьёт её. Вот почему Элиас так запаниковал. Кеннет собирается убить Лурдес. Я бегу с новыми силами, и почти догоняю Элиаса, который хватается со стены огнетушитель и, толкнув плечом дверь, врывается в подвал.

— Оставайся за мной, — говорит он, замедляя темп и прикидывая в руках вес огнетушителя, словно собираясь использовать его в качестве оружия. От красных стен

коридора эхом отражаются звуки. Ворчание. Плач. Когда до комнаты Лурдес остаётся три двери, Элиас останавливается и смотрит на меня.

— Тебе здесь не место, — ровным голосом говорит он. — Твой брат прав, Одри. Ты уедешь завтра, что бы ни случилось. Даже если тебе придётся оставить нас всех сгореть.

Эти слова напоминают мне те, что говорила у фонтана Лурдес. О том, что никто не пытался помочь людям в охваченном огнём бальном зале, никто не пытался их спасти. Сейчас, в этот момент абсолютной паники, чувство опустошения, что вызвали эти слова, проявляется особенно ярко. Кажется, Элиас не собирается двигаться до тех пор, пока не увидит моего согласия, и я слабо киваю, не уверенная в том, что только что ему пообещала.

Из комнаты Лурдес доносится громкий грохот, и Элиас устремляется вперёд.

Он останавливается у двери Лурдес, не произнеся ни слова, поднимает огнетушитель над своей головой, а затем обрушивает его на дверную ручку, от чего та летит по коридору.

Я вжимаюсь спиной в стену: то, что происходит сейчас на моих глазах, слишком ненормально, чтобы быть правдой. Элиас пинает дверь. Я прикрываю рот ладонью, когда мне открывается то, что творится в комнате. Лурдес, в униформе, распростёрлась на кровати, её кожа лилового цвета, глаза вылезают из орбит. Верхом на Лурдес сидит Кеннет, его мощные руки сомкнулись вокруг её горла. Даже глядя на всё это из коридора, я понимаю, что она мертва, но портье всё не отпускает её. Он даже не смотрит на Элиаса, когда тот врывается в комнату.

Без всякого предупреждения, Элиас размахивается огнетушителем и, с отвратительным звуком, тот врезается в голову Кеннета. Тело портье становится неподвижным, кренился в сторону и с тяжёлым стуком падает на ковёр. Элиас бросает огнетушитель на пол и проводит дрожащей рукой по волосам.

Я остолбенело стою на месте. Не знаю, мёртв ли Кеннет, мертва ли Лурдес. Элиас стоит посреди этого совершенного безумия, от изнеможения опустив плечи.

— Шевелись, — шепчу я себе под нос, понимая, что должна проверить, как Лурдес. Вызвать копов, получить помощь.

— Шевелись, — снова говорю я, отталкиваясь от стены и иду к этой бойне.

Сразу же направившись к Лурдес, я изумлённо наблюдаю, как она, кашляя, поворачивается на бок. Её кожу покрывают пятна, сосуды в глазных яблоках полопались, кровь сочится по белку.

— Я позову на помощь, — говорю я ей, борясь с паникой. Я смогу это сделать. Здесь я справлюсь лучше, чем тогда, с мамой. Я спасу Лурдес.

С пола доносится стон, мы с Лурдес видим, как корчится там Кеннет. Из раны в его голове вытекает кровь, но он, похоже, не умирает. Несмотря на то, что он тиран, я рада этому. Мне бы не хотелось, чтобы Элиас предстал перед судом за убийство и, возможно, сел в тюрьму за то, что пытался спасти друга. Элиас пятится назад и прислоняется к стене. Его руки опущены вдоль тела, словно он сдаётся. Герой, что ворвался в эту комнату несколько минут назад, побеждён. Он смотрит на Лурдес и беспомощно пожимает плечами.

— Мне так жаль, — борясь со слезами, произносит Элиас. — Я пытался спасти тебя в этот раз.

В этот раз, повторяю мысленно я, теперь понимая, почему персонал так сильно боится портье. Такое случалось уже не раз.

— Я знаю, — задыхаясь, говорит Элиасу Лурдес. Я помогаю ей, когда она старается сесть. Лежащий на полу Кеннет издаёт булькающие звуки, и комнату заполняют звуки

удушья. Я поворачиваюсь к Элиасу.

— Мы должны вызвать скорую помощь, — говорю я. — Я могу позвонить отсюда?

Элиас не слышит моего голоса, он смотрит вниз, на Кеннета. Портье перекачивается с боку на бок, отчаянно нуждаясь в медицинской помощи. Лурдес, которую я обнимаю, безудержно трясётся. Цвет её кожи вернулся к нормальному оттенку, но она что-то бормочет себе под нос. Я прислушиваюсь и не сразу понимаю, что она говорит.

— Он никогда не умирает, — снова и снова шепчет подруга срывающимся голосом. И тут, словно в ответ на эти слова, голова Кеннета резко поворачивается в нашу сторону, его глаза тарачатся прямо на Лурдес. Его лицо покрыто кровью, череп деформировался от удара огнетушителем. Но, полумёртвый, он улыбается. Я взвизгиваю. Лурдес подрывается с кровати. Наклонившись, хотя ей больно, над Кеннетом, она кричит ему:

— Умри. Просто умри уже.

На мир свергается хаос, и я смотрю на Элиаса, желая, чтобы он прекратил это. Но Элиас только в отчаянии наблюдает за происходящим с выражением полной безнадежности на лице. Я не успеваю осмыслить, что творится, когда Лурдес хватает с грязной тележки для подачи еды острый столовый нож. Мои глаза расширяются, я ору, чтобы она остановилась, но всё случается слишком быстро. Лурдес падает на колени рядом с портье и до самой рукоятки погружает нож в его грудь. Кеннет стонет, а Лурдес выдирает из его тела нож, обрызгав меня тёплой кровью, а затем снова вонзает его.

Хриплый визг, вырвавшийся из моего горла, с трудом можно отнести к человеческому. На тот момент я словно покидаю своё тело. Ужас, тепло крови на моём лице — это сокрушает меня. Я выбегаю из комнаты.

— Просто умри! — продолжает кричать Лурдес.

Солёные слёзы и кровь ослепляют меня, и я судорожно стираю их с лица. Затем направляюсь к лестнице, помня о словах Элиаса, что «Руби» будет пытаться замедлить меня.

Они только что убили человека. Боже мой. Они только что убили человека. Поднимаясь по лестнице так быстро, как только могу, я зову на помощь. Теперь ничего не будет как прежде. Я считаюсь соучастницей? Моя ли в этом вина, потому что общалась с персоналом?

Я вылетаю с лестницы в ярко освещённый коридор и несусь в вестибюль. Посмотрев вниз, вижу, что вся моя одежда покрыта кровью.

— Помогите! — кричу я.

Поворачивая к вестибюлю, я поскальзываюсь из-за крови на моих сандалиях. Моя коленка сильно ударяется о мраморный пол. Я снова зову на помощь и, поднявшись на ноги, бегу к стойке.

Но никто не отвечает мне. Несколько человек останавливаются, чтобы посмотреть на меня, но в их взглядах больше любопытства, чем тревоги, остальные же совсем не обращают на меня внимания.

— Да что с вами всеми, на хер, такое? — кричу я, кружась, чтобы смотреть на них. — Нам нужна помощь! Вызовите скорую!

— Мисс Каселла, — окликает меня голос из-за стойки регистрации. В этот момент жизнь останавливается. Лица людей вокруг меня сливаются в единое размытое пятно, и то, что ещё осталось от моего здравого рассудка, распадается на мелкие осколки. *Этого не может быть. Не может...*

Я медленно поворачиваюсь лицом к стойке регистрации. За ней, по-прежнему одетый в свою бордовую униформу, со сложенными на груди руками, стоит Кеннет... с услужливой

улыбкой на лице. Я делаю глубокий вдох, уверенная, что вот-вот упаду в обморок. Когда перед глазами у меня начинает темнеть, Кеннет протягивает мне чёрный конверт.

— Хорошие новости, — любезно произносит портье. — Вы получили приглашение на вечеринку.

Моя мама умерла три месяца и одиннадцать дней тому назад.

Порой по ночам я копалась в воспоминаниях, отыскивая самые плохие, думая, что если мне удастся вспомнить о ней что-нибудь ужасное, то будет легче смириться с её смертью. Как если бы из-за этого она её заслужила. Мерзко, конечно, и я понимала это, но почти каждый день мне было слишком больно, чтобы жить. Я не могла принять это. Не знала, как двигаться дальше. Но, как показал пример Дэниела, те плохие воспоминания делали её ещё более реальной. *Моей*. И поэтому я попыталась вообще о ней не думать.

Это был самый обычный день — ну почему всё так нечестно? Ведь её смерть должна была стать мировой катастрофой — вся вселенная должна была разделить со мной эти страдания. Но это была просто среда. Я только что приехала в школу, и мы с Райаном плечом к плечу прошли через главный вход. Обычно его друзья-спортсмены окликали его по имени, стучались с ним кулаками. Но не в тот день. Когда мы проходили мимо канцелярии, я впервые заметила, что что-то не так. Через стеклянную перегородку мне было видно столпившихся вокруг главного стола учителей. Никто из них не плакал — иначе всё сразу бы обнаружилось. Но мой учитель естествознания, мистер Пауэлл, предал их группу. Строгое выражение его лица дало слабину, челюсть отвисла, словно слетевшая с петель дверца. Слегка сгорбившись, он дышал через рот и пялился на открытую дверь кабинета моей мамы.

Я проследила за его взглядом и увидела, что мамы в кабинете нет. Как не было её и среди учителей. Мама уехала в школу на полчаса раньше нас с Райаном; она уже должна была быть здесь. Но мама так и не добралась до школы. Она заехала, чтобы купить своим коллегам кофе, что делала только в хорошем настроении. И у прилавка кофейни «Coffee Break» маму хватил удар. Спотыкаясь, она сделала несколько шагов, а потом свалилась у мусорной корзины. Она была среди незнакомых людей, но мне сказали, что несколько человек пытались ей помочь. А одна пожилая леди держала её за руку, несмотря на то, что мама была уже мертва. Позже эта леди пришла на похороны, но я даже не поблагодарила её. Хотя мне следовало.

Школу тут же оповестили. Папа уже ехал в больницу, так что сообщать неприятные известия пришлось преподавателям. Оглядываясь назад, я с упоением думаю, что чувствовала её боль — тогда у меня немного болела голова — но, наверняка, всё это лишь психосоматическая чушь.

Я остановилась посреди коридора, желудок скрутило в узел. Я быстро осматривала стол в поисках маминой сумки, да вообще любого знака, что она приехала. В воздухе висел запах мастики для полов, и, вдыхая его, я начала дрожать.

— Одри, что с тобой? — касаясь моей руки, спросил Райан. Но прежде чем я успела ответить ему, мистер Пауэлл повернулся, и наши взгляды встретились.

Резко сомкнув челюсти, он прикрыл рот рукой, словно увидел привидение. Должно быть, он что-то пробормотал, потому что все учителя, находившиеся в канцелярии, мигом повернулись ко мне. Учительница испанского зажмурилась, и физрук положил ей на плечо руку, чтобы успокоить.

«Это не игра моего воображения, — говорила я себе, пока ко мне спешил директор. — Это происходит на самом деле».

И теперь, стоя здесь, в вестибюле отеля «Руби», я твержу себе то же самое: «Этс

происходит на самом деле».

Улыбка Кеннета становится всё шире, до невозможности, становясь похожей на улыбку Чеширского кота. Я ору, громко, срывая голос; звук захлёбывается. От ужаса и страха у меня кружится голова. Окружающие глазают на меня, хотя некоторые просто проходят мимо, словно залитая кровью девушка — это для них совершенно обычное явление.

Не в силах осознать происходящее, я, повинувшись инстинкту, стрелой бегу к входной двери. Но мои ноги двигаются недостаточно быстро, сандалии соскальзывают, в руках пульсирует кровь. Мне нужно выбраться отсюда. Мне нужно попросить о помощи!

Ожидая, что в любую минуту на меня нападут, я бросаюсь к двери, широко распахиваю её и выбегаю навстречу увядающему закату. Но стоит мне переступить через порог, я торможу, скользя и стирая о мраморный пол кожу с голых ног — передо мной снова вестибюль отеля. Как...

Кеннет усмехается, а одна из постоялиц прикрывает ладонью рот, чтобы скрыть свой смех. Я лихорадочно оборачиваюсь. Что-то затолкнуло меня обратно в отель? Но мне нужно выбраться отсюда!

Открыв дверь, выбегаю, но снова получается так, что я вбегаю в вестибюль. Словно дверь ведёт только в одно единственное место. И это место — «Руби».

Моё тело начинает непроизвольно трястись, я почти бесшумно всхлипываю, горло болит от криков. Я плачу и, когда вытираю щёки от слёз, замечаю, что мои руки все в крови — в крови Кеннета, который стоит прямо передо мной, живой и невредимый.

В этот раз я не убегаю, а нерешительно подхожу к двери, хныкая: «Пожалуйста». Нажав на ручку, выглядываю за дверь, на мир снаружи. Вижу, как кружат перед входом автомобиля, вижу длинную подъездную дорогу, что привела нас сюда. Затем я бросаю взгляд назад, на Кеннета, который терпеливо ждёт. Стоит мне только выйти за порог, как окружающий мир вращается, и я вновь вхожу внутрь отеля.

Мои губы мокрые от слёз.

— Я хочу уехать домой, — говорю я и слышу, как сочувственно цыкает женщина, сидящая в кресле у камина. Кеннет уже больше не улыбается.

— Прощу вас, отпустите меня, — молю я, мой голос стал похож на сдавленный шёпот.

— Это от меня не зависит, — резко отвечает портье. — Теперь же, если с вашей истерикой покончено, то, представляется мне, вам нужно подготовиться к вечеринке. Я отправлю приглашение в ваш номер.

Мне нужно отыскать брата. Папу. Я спотыкаюсь, но удерживаю себя от падения. Взглянув вниз, удивлённо вижу, что мои ноги в крови. Как мои штаны и футболка. Комната плывёт перед глазами, а может, это моё сознание. Передо мной возникают и пропадают люди, я быстро моргаю, стараясь сориентироваться.

— Дэниел? — зову я, хотя нигде его не вижу. Рука начинает болеть, я рассеянно потираю её и делаю несколько шагов вперёд. Слова слишком громоздкие, и их слишком мало, чтобы стараться ещё что-то произнести. На вестибюль опускается тень, и я боюсь, что это Кеннет, разросшийся до огромных размеров, что это его зловещая тень нависает надо мной. Я скручиваюсь калачиком.

Но тут раздаётся свист, резкий хлёсткий звук разрезает воздух, и мои глаза устремляются в другой конец вестибюля. Там, в своей униформе посыльного, стоит Джошуа. Одну руку он протягивает мне, второй придерживает дверь, табличка на которой гласит «СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД». Кивнув, чтобы я шла к нему, он бегло смотрит в сторону Кеннета

готовый, если нужно, побежать в любую секунду.

Это какой-то розыгрыш? Новый фокус, который вернёт меня обратно в вестибюль? Но когда я, обернувшись, смотрю на Кеннета, тот не спускает глаз с Джошуа, напряжённо поджав губы. Портье явно не одобряет то, что происходит, и этого мне достаточно, чтобы сорваться с места к Джошуа. Я так и жду, когда Кеннет заорёт мне остановиться, но позади меня не раздаётся ни звука.

Добежав до другого конца вестибюля, я заглядываю в приоткрытую дверь, за которой, вместо комнаты, оказывается узкий коридор. Мне хочется спросить, что происходит, но сейчас время действовать, а не требовать объяснений.

Не оборачиваясь на стойку регистрации, я вбегаю внутрь. Дверь за мной захлопывается, и я, испугавшись, подпрыгиваю на месте. Но тут рядом со мной оказывается Джошуа, он тянет меня за запястье в сторону. Коридор оказывается невероятно длинным, с гуляющими по нему сквозняками и тёмно-красным ковром. Каждый поворот точь-в-точь как предыдущий. Дверей нет. Как нет и конца.

Пальцы Джошуа крепко сжимают моё запястье, словно тиски, я продолжаю бежать за ним. Смотрю сбоку на его лицо и, должно быть, как-то торможу нас, потому что он бросает на меня взгляд и приостанавливается.

— Что? — немного запыхавшись, спрашивает он.

— Ты такой же, как он? — Я по-прежнему говорю шёпотом, каждый слог обжигает горло.

— Как Кеннет? — словно выплюнув имя портье, спрашивает Джошуа. — Едва ли. Нам лучше пошевеливаться, Одри, или «Руби» начнёт изменять вещи. А так мы никогда не доберёмся до пятнадцатого этажа.

Я высвобождаю свою руку из его хватки и проглатываю судорожный вздох.

— Зачем ты ведёшь меня на пятнадцатый этаж? Что происходит, Джошуа? Прошу тебя, скажи мне, что я не сошла с ума. — Я останавливаюсь. — Или скажи, что сошла. Всё это невероятно.

Джошуа закатывает глаза и снова хватает меня за запястье.

— Не сейчас.

Он тащит меня вперёд. Мы снова переходим на бег, и я раздумываю над тем, как смогу сбежать, найти моих отца и брата и покинуть это место, если мне даже не удалось выйти через парадные двери.

Мы с Джошуа добегаем до конца коридора, и он отпускает мою руку. Я потираю то место, где крепко держала меня его хватка, а когда оборачиваюсь, передо мной оказывается тот старинный лифт, которым мы пользовались прошлой ночью. Понятия не имею, как мы тут оказались. Мы слишком долго бежали до этого места, которое вчера было так легко отыскать. Джошуа отодвигает дверь и, положив ладонь мне на затылок, вталкивает меня внутрь. Войдя в лифт после меня, он задвигает дверь и заводит механизм, в то время как я вжимаюсь спиной в заднюю стенку.

— Почему он не умер? — шепчу я сама себе, держась за позолоченные перила. Лифт, задрожав, возрождается к жизни. — Я видела, как она убила его. На мне его кровь. — Я поднимаю руки и развожу пальцы в доказательство того, что все они покрыты красными пятнами.

Первый этаж оказывается под нами, и Джошуа поворачивается ко мне. С минуту он оценивает мою внешность.

— Я понимаю, ты напугана, и у тебя наверняка целый миллион вопросов, но, поверь мне, у меня нет на них ответов. Я просто здесь работаю. И я знаю, что нам нужно всё время двигаться, потому что если Кеннет поймает меня, будучи таким злым как сейчас, для меня всё закончится ещё хуже, чем было в случае с Лурдес. — Он отворачивается. — И я не намерен позволить ему поймать меня.

Я понимаю, что в коридорах, за створкой лифта, все огни погасли в ту же секунду, когда мы начали подниматься; кто окажется наверху быстрее — мы или тьма? Боюсь, мы не сможем её опередить. И я тревожусь, что будет, если мы всё-таки окажемся первыми.

— Значит, это место всё-таки заколдовано, — утверждаю я. — Кеннетом? Это он может изменять действительность?

Джошуа качает головой.

— Кеннет — придурок, которого назначили старшим, всем здесь управляет «Руби». Сам отель решает, кого забрать. Это всё он, — одёрнув униформу, говорит Джошуа. — Предназначен для гостей. Но иногда люди попадают сюда по ошибке. Тебе просто следовало держать рот на замке и наслаждаться своим пребыванием. Теперь ты можешь застрять здесь.

Мне хочется рассмеяться — таким сумасшедшим бредом кажутся его слова. Отель не может удерживать меня. Но, с другой стороны, я только что видела, как мои друзья убили портье, и вот уже несколько минут спустя он снова, улыбаясь, стоял за стойкой регистрации. Я пыталась убежать, но лишь вновь и вновь входила в вестибюль. Сейчас сумасшедшей буду я, если начну отрицать хоть какое-либо объяснение происходящему.

Лифт, дёрнувшись, останавливается, меня кидает в сторону, и я ударяюсь плечом о стену. Джошуа рывком открывает створку лифта и быстро выходит. Я следую за ним, посмотрев, на каком мы этаже. Стрелка подъёмного механизма замерла на цифре пятнадцать. Джошуа показывает на виднеющуюся впереди серую металлическую дверь.

— Чёрный вход, — говорит он. — Теперь поторапливайся, пока не появился Кеннет, уже сам с кинжалом.

Мною снова овладевает страх, но вот уже Джошуа ждёт меня, придерживая открытую дверь. В его позе проскальзывает нетерпеливость, но я останавливаюсь в дверном проёме напротив него, затем откидываю волосы со лба — пряди слиплись от крови.

— Он и правда пронзит тебя им? — слабым голосом спрашиваю я. — И... — *Неужели ты действительно хочешь задать этот вопрос, Одри?* Я жду, а затем проглатываю ком в горле. — И что будет с тобой, если он это сделает? Ты умрёшь? — Я боюсь услышать ответ. Может, Джошуа и не такой, как Кеннет, но это не значит, что он такой же, как я. Твёрдый взгляд его тёмных глаз удерживает мой.

— Ты не задаёшь правильных вопросов, — спокойно говорит он. Затем проталкивается мимо меня и зовёт за собой. Я немею — не уверена только, от шока это или от безумия. Но это состояние дарует покой, которого не должно быть. Когда мы останавливаемся у номера 1525, моё тело дрожит, хотя мне совсем не холодно.

Дверь с театральным эффектом открывается, отчего я покачиваюсь на пятках. Я отбрасываю своё ненатуральное спокойствие и отступаю на шаг назад, врезаясь в Джошуа.

— Кэтрин, — шепчу я, с усилием вдыхая, и тут же оборачиваюсь назад, боясь, что Джошуа подставил меня. — Зачем ты привёл меня сюда? — требую я ответа. — Она меня ненавидит!

Я винила Кэтрин в том, что она заставила Дэниела остаться, но теперь понимаю, что её намерения могут быть куда более зловещими. В страхе поворачиваюсь, чтобы бежать, но

Джошуа обхватывает меня за талию и удерживает на месте. Я кричу, но он ладонью зажимает мне рот.

Однако, вместо того, чтобы сделать мне больно, он шепчет, чтобы я успокоилась. Вежливо просит, чтобы я успокоилась. Затем он затаскивает меня в комнату, и я наблюдаю, как захлопывается за нами дверь, запирая меня, как в ловушке, в номере с Джошуа и Кэтрин.

Я на грани истерики, боюсь, что они свяжут меня и начнут мучить. Делать ужасные вещи, которые я даже не могу себе представить. Отбиваюсь и вонзаю ногти в тыльную сторону ладони Джошуа. Он с криком отскакивает от меня, а я падаю на кровать в нескольких шагах от меня. Джошуа трясёт рукой, ругаясь на меня.

Я быстро оглядываю номер. Он в два раза больше моего, но вид из него такой же, как из номера Элиаса. Воздух наполнен ароматом цветов и нотками парфюма. На комодке стоит великолепный фиолетово-розовый букет, на дверце стенного шкафа развешаны платья, словно хозяйка номера решала, что же надеть. И вот, наконец, сама Кэтрин, без макияжа. Она далеко не фарфоровая. Щёки и нос усеивают маленькие веснушки, делая её более живой. На ней белое, расшитое пайетками платье и домашние туфли.

— Не вздумай приближаться ко мне, — бросаю я в её сторону. — Я хочу уехать домой.

Но тут Кэтрин внезапно бросается ко мне, чем застаёт меня врасплох. Она хватается за плечи, чтобы поставить на ноги. Её острые, покрашенные красным лаком ногти врезаются в мою кожу.

— Ты добиваешься того, чтобы его убили? — кричит она мне в лицо, её глаза горят неистовым блеском, кудри обрамляют лицо. Я настолько ошарашена её яростью, что не могу ничего сказать в ответ, даже когда её хватка становится ещё крепче.

— Кэти, — мягко окликает её Джошуа и берёт за руки, чтобы оттащить от меня. Я кидаю на него обвиняющий взгляд, потому что именно из-за него оказалась в этой ситуации. Кэтрин отрывается от него и тычет пальцем мне в лицо.

— Ваш с Лурдес маленький фокус приведёт к тому, что его накажут. Ты знала, что он попытается её спасти. Как ты могла подвергнуть его такой опасности?

— Элиас? — спрашиваю я, вдруг со страхом осознав, что с ним что-то случилось. Что-то типа Кеннета. — С ним всё в порядке?

— Да, но это может продлиться недолго, — говорит Кэтрин. Она морщит лицо от отвращения; её ненависть поглощает меня. — В конце концов Кеннет выставит его с вечеринки, и ему придётся стать грёбаной обслугой.

Губы Джошуа сжимаются, и Кэтрин искоса смотрит на него, молча извиняясь. Она скрещивает свои тоненькие руки на груди и снова переводит взгляд на меня.

— Ты не понимаешь. Его могут запереть, надолго, совсем как эту проклятую администраторшу. — Она останавливается, прищуриваясь, и вдруг задаёт мне внезапный вопрос: — Это Лурдес тебя на это подговорила?

— Что ты имеешь в виду?

— Это она попросила тебя позвать Эли? Я клянусь, — Кэтрин качает головой, — эта горничная пытается украсть его с самого начала. Она им одержима. И ей плевать, кто его семья. И уж тем более ей плевать на то, что сотворит с ним Кеннет.

— Ты становишься параноиком, — говорит Джошуа, не отрывая глаз от двери, словно ожидая, что в любое мгновение войдёт портье. — Может, одержима тут только ты.

— Иди к чёрту, — отвечает Кэтрин, даже не глядя на него.

Джошуа переводит взгляд на неё.

— По-моему, я уже там, — бормочет он.

На губах Кэтрин появляется слабый намёк на улыбку, который она спешит спрятать, а

затем вновь обращается ко мне.

— Ты его видела? — спрашивает она, уже не так враждебно. — Ты видела Элиаса с тех пор, как вернулся Кеннет? — Её голос полон тревоги.

— Нет.

Реакция Кэтрин следует незамедлительно — она с мольбой смотрит на Джошуа. Он тут же принимается утешать её.

— Кэти, с ним всё в порядке, я уверен, — говорит он. — Кеннету по-прежнему нужно, чтобы он присутствовал на вечеринке. Он слишком важен.

— Он не спустит этого, — говорит Кэтрин, её красивое личико кривится от боли. — А если он узнает, что прямо сейчас я говорю с *ней*...

— Кстати, об этом, — рывкаю я. — Это вы притащили меня сюда. Вы знали, что Кеннет... — Произносить это вслух всё равно что признаться в собственном безумии, но я, тем не менее, делаю это. — Кеннет — привидение или типа того. И Джошуа говорил о том, что «Руби» позволяет людям уходить. — Кэтрин принимает скучающий вид, в то время как я стараюсь собрать воедино все кусочки мало-мальски логичного объяснения. От беспомощности сжимается желудок. — Но я не смогла выйти через парадные двери. А вы можете?

Кэтрин опускает плечи, удивлённая моим вопросом.

— Нет, — тихо отвечает она. — Никто из нас не может выйти отсюда. Если пойти через сад, то можно уйти не дальше задней стены. Джошуа может выходить до подъездной дорожки — но все гости останавливаются у входа. Если ты, конечно, не один из тех, других. Они приходят и уходят, когда им вздумается.

— Тех других? — Моё сердце вздрагивает.

— Тех, кто нас не замечает. Они сами по себе, обособлены от нас. Я уверена, что ты видела их — надменных и грубых? Их «Руби» не трогает. Но что касается нас... — она смотрит на Джошуа, черты её лица искажает отчаяние. — ...тут отель может быть настоящей мразью. Мы больше не пытаемся покинуть это место. Мы застряли здесь все вместе, Одри, так что хватит шуметь. Играй свою роль и, возможно, получишь шанс отправиться домой.

— И какая у меня роль? Как долго вы все здесь находитесь? — спрашиваю я. — Как долго пробуду здесь я?

— Всю жизнь, — отвечает Джошуа.

Я ахаю.

— Всю жизнь? Я... Я не могу тут остаться. Я не останусь здесь!

Кэтрин трясёт головой.

— Одри на тринадцатом этаже, — напоминает она.

Джошуа удивлённо поднимает брови и что-то бормочет себе под нос. Кэтрин поворачивается ко мне.

— Кеннет не сможет причинить тебе вред до тех пор, пока тебя защищает «Руби». Следуй правилам, ешь за ужином и купайся в бассейне, слоняйся с Эли, сколько захочешь. Но тебе здесь не место, Одри, — холодно говорит она мне. — Надеюсь, завтра утром ты уже уедешь.

— Я не собираюсь ждать до утра, — говорю я ей. — Послушай, не знаю, какое отношение ко всему этому имеет мой этаж или кто-то из вас, но я заберу свою семью и уберусь отсюда. Сегодняшней же ночью.

Кэтрин рычит, словно я только что сказала нечто совершенно раздражающее.

— О, ну, удачи тогда. Но если собираешься быть настолько беспечной, не впутывай в это Элиаса. Ты понятия не имеешь, на что способен Кеннет.

— Я видела, как он душил Лурдес!

Кэтрин смеётся.

— Это ерунда. Ты знать не знаешь, какую боль он может причинить. И лучше бы тебе никогда этого не узнать. Ладно, — продолжает она, — ты ужасно выглядишь. Надеюсь, что ты не замарала мои вещи кровью. Иди умойся, и я дам тебе что-нибудь из одежды. — Кэтрин кладёт одну руку на бедро и осматривает комнату, как если бы занавеска могла послужить отличным вариантом. — Я в затруднении, — добавляет она.

Я усмехаюсь, мой внешний вид тревожит меня не так сильно, как вопрос того, как остаться в живых. Но Кэтрин разворачивается, взгляд её ледяных глаз останавливается на мне.

— Я не шучу, — говорит она. — Если ты появишься в таком виде, покрытая... это что, кусочек кожи? — твой отец придёт в ужас. Дэниел захочет помочь. Остальные постояльцы заметят. Веди себя как цивилизованный человек или тебя определят в другое место.

— Поверь мне, — проводя рукой по своим тёмным волосам, говорит Джошуа, — здесь есть места похуже подвала.

— Куда хуже, — поддакивает ему Кэтрин. — Теперь иди, пока мне не пришлось просить Джошуа принести мне пожарный шланг, чтобы я смыла всё это с тебя сама.

Джошуа усаживается в кресло и закидывает ноги на стол.

— Это было бы весело, — с оттенком сухой иронии замечает он.

Я бросаю на него полный отвращения взгляд, а затем разворачиваюсь и иду в ванную комнату Кэтрин. Прежде чем успеваю закрыть дверь, она даёт мне стопку одежды, которую я кладу на шкафчик. Затем, захлопнув дверь прямо перед её носом, я запираю замок.

Это просто смешно. По-моему, вряд ли кто-то обратит внимание на мою одежду, когда я буду пытаться...

Я обрываю себя, увидев своё отражение в зеркале — жуть жуткая, и крови куда больше, чем я предполагала. Через всю щёку и глаз тянется ярко-красная кровавая полоса, ещё одна алеет на лбу. Мои волосы спутались и слиплись, под глазами чернеет размазанная тушь.

«Играй свою роль», — сказала мне Кэтрин. Может, если я так и сделаю, то смогу вернуться домой. Но опять же, может всё это происходит не на самом деле. Я поворачиваюсь к двери. Может, их в действительности не существует.

Приложив ухо к двери, я слышу голоса Кэтрин и Джошуа, но не могу разобрать слова. Подойдя к душе, поворачиваю горячий кран на максимум. Я по-прежнему босая, мои сандалии потерялись где-то в вестибюле, так что мне приходится отдирать от себя только футболку и джинсы, морщась от того, насколько они отвратительны. Я хочу смыть с себя кровь Кеннета.

Я встаю под струи воды и какое-то время привыкаю к температуре. При помощи собственных ногтей распутываю слипшиеся пряди волос, затем как можно быстрее промываю их с шампунем и кондиционером. Отмытая начисто, я поворачиваю кран, гадая, что за одежду приготовила для меня Кэтрин. Затем вылезая из душа, проверяю, закрыта ли дверь, а потом оборачиваю вокруг себя полотенце.

Я поспешно надеваю супер-узкие джинсы и блузку, пуговицы которой чуть натягиваются на мне. Решив, что Кэтрин нечеловечески худая, я быстро расчёсываю волосы

её расчёской. Закончив, немного жду, окружённая тишиной, заполнившей ванную комнату. Я не знаю, что обнаружу, выйдя отсюда. Не знаю, кого там обнаружу.

— Ты выберешься из этого отеля, — говорю я своему отражению в зеркале и проскальзываю в туфли на высоких каблуках. Чувствую себя несуразной, но, если вы меня не знаете, мой наряд покажется вам совершенно нормальным. Хотя сейчас я даже, чёрт возьми, не уверена, что нормально, а что нет.

Меня пугает стук в дверь.

— Не возражаешь? — кричит Кэтрин. — Я бы хотела подготовиться к вечеринке. В отличие от тебя, я стараюсь понравиться противоположному полу.

Она смеётся, а я подхожу к запертой двери и открываю её. Кэтрин изучает меня, а затем вздёргивает брови.

— Если хочешь знать моё мнение, это прогресс.

— Я не спрашивала твоего мнения, — отвечаю я и проталкиваюсь мимо неё в номер. Джошуа кивает и соглашается с Кэтрин в том, что я определённо изменилась в лучшую сторону, а я поворачиваюсь так, чтобы видеть их обоих.

— И что мне теперь делать? — требовательно спрашиваю я.

Кэтрин вздыхает и машет Джошуа, чтобы он мне ответил. Да-да, она говорила мне просто слоняться вокруг и вести себя как ни в чём не бывало, но я так не могу.

Губы Джошуа растягиваются в сочувственной улыбке.

— Живи, — просто говорит он. — Живи, Одри. А «Руби» сделает остальное.

Они с Кэтрин обмениваются взглядами, и затем Кэтрин скрывается в ванной.

— О, погоди. — Её голова высовывается из-за двери. — Если увидишь Элиаса, будь душкой, скажи ему, что я его ищу, ладно? — Я ничего не отвечаю ей, по-прежнему не понимая, что мне делать. Кэтрин машет рукой в сторону двери. — Теперь уходи. Но чем бы ты ни решила себя занять, — она делает паузу, как бы извиняясь и сожалея, — держись подальше от вечеринки. — Затем челюсти Кэтрин крепко сжимаются, и она захлопывает двери.

Не в силах вынести даже секунды её присутствия, я покидаю номер, громко хлопнув за собой дверью. И вот я стою в пустом коридоре, напуганная и растерянная. Кэтрин сказала, что Кеннет не может причинить мне боль — но верю ли я в это? Я видела, как он убивал Лурдес, узнала, как сильно все его боятся. Он бы уже сделал что-нибудь со мной, если бы мог? И какое это всё имеет отношение к тринадцатому этажу?

Я больше не могу оставаться здесь и двигаться дальше — *жить*, как сказал Джошуа — зная, что это место полно чертовщины. Зная, что мою жизнь контролирует Кеннет. И опять же, моя семья. Они планируют продолжить своё пребывание в отеле — им уже всё известно? Они тоже хотели покинуть «Руби» и не смогли? Но самым подозрительным было то, что если они знали всю правду об этом месте... почему не сказали мне? Почему Дэниел ничего не сказал?

Я захожу в лифт для постояльцев, испуганная, но полная решимости. Мой брат не оставил меня, даже когда я вела себя преомерзительно. Он был рядом, когда наш отец словно исчез из нашей жизни, он приложил все силы к тому, чтобы я держалась, когда узнала, что мы переезжаем. До сегодняшнего дня именно он был тем, кому я доверяла больше всего на свете, единственным, кто по-настоящему понимал моё горе.

И поэтому я нажимаю кнопку шестого этажа. Дэниел сказал мне, что не хочет ссориться — что ж, жаль. Потому что я хочу выяснить отношения. И когда всё будет

кончено, мы уберёмся отсюда. Мы уберёмся отсюда вместе.

Дэниел не отвечает. Мой стук в дверь превращается в панические удары — не знаю, то ли он просто игнорирует меня, то ли его на самом деле нет в номере. Мне точно известно, что он не с Кэтрин. Может, тогда с папой? С этой мыслью я прохожу дальше, мимо нескольких дверей, к номеру моего отца и снова начинаю стучать.

Я потеряла всякое представление о времени. Как много времени прошло с тех пор, как закончился фильм, с ленча? Как долго мы находимся в этом отеле? Время становится чем-то размытым. Я небрежно потираю руками лицо и опираюсь спиной о стену. Месяцами я твердила себе, что одинока, но теперь... это действительно так. И мне страшно.

Мне требуется минута, чтобы успокоиться. Посмотрев на одежду, что дала мне Кэтрин, я приглаживаю волосы. Отец, наверняка, спустился поужинать, и он собирается пойти на вечеринку. Мне нужно найти их обоих, а затем покинуть это место, даже если придётся тащить их отсюда волоком.

В голове начинает зарождаться план. Я попрошу Дэниела поговорить с ним и отцом наедине. А затем уговорю их уехать. Мы приехали сюда все вместе; если мы попытаемся уйти отсюда вместе, у нас получится. Это логично. Небольшая доля логики в моих спутанных и полных страха мыслях.

Я целеустремлённо возвращаюсь обратно к лифту, и двери открываются, словно ждали меня. Моё сердце чуть не выпрыгивает из груди, но я захожу внутрь. Повернувшись, вижу, что нажаты все кнопки, они подсвечиваются, остановки будут на каждом этаже. Двери лифта закрываются, и хотя в кабине не темно, но кажется, что воздух затуманивается.

«Руби» будет стараться остановить тебя.

Звенит колокольчик — следующий этаж. Я прижимаюсь к зеркальной стене, опасаясь того, кто вызвал лифт. Такое ощущение, будто проходит вечность, и, когда двери открываются, мой страх выходит вместе со стоном. Там никого нет. Я впииваюсь в губу, боясь выглянуть в коридор. Я жду. *Пожалуйста, быстрее. Пожалуйста, быстрее.* Наконец, двери закрываются, и я сажусь на корточки — ноги дрожат слишком сильно, чтобы стоять. На каждом этаже всё повторяется снова и снова, моё сознание грозит пошатнуться, но вот двери лифта открываются в вестибюле.

Его блистательную роскошь освещают сияющие люстры, мимо проходят счастливые люди. Судорожно вздохнув, я делаю шаг вперёд. Сцена передо мной полна непринуждённой праздности, и я, выйдя из лифта, оглядываюсь по сторонам. Это всё на самом деле?

Мой взгляд устремляется к стойке портье, но Кеннета за ней нет. «Слишком занят убийством персонала», — думаю я. Остальные постояльцы, кажется, вообще не проявляют ко мне никакого интереса. Хотя мои глаза слишком широко открыты, мне очень холодно. Мои губы приоткрываются и дрожат, когда я прерывисто вдыхаю. Двинувшись в сторону бального зала, я мысленно перебираю все способы, как сказать своим родным, что «Руби» населён призраками, что они находятся под влиянием отеля и что нам нужно уезжать отсюда — по крайней мере, попытаться. Хотя даже в моей голове всё это звучит сомнительно.

Я останавливаюсь, когда замечаю у входа в бальный зал двух мужчин в смокингах. Когда я прокралась туда в первый день, их не было. Это новшество — дополнительная охрана? Это из-за меня?

Мужчины кивками приветствуют всех, кто входит в зал. Они никого не прогоняют, но позволят ли пройти мне? И в это же мгновение один из мужчин поднимает голову и встречается со мной взглядом. Такое ощущение, что он всё это время знал, что я здесь. Выражение его лица строгое, но не пугающее. Если я надеюсь войти в зал, мне будет нужно приглашение. Подходящая одежда. Уверена, я найду что-нибудь подходящее в своей комнате, а затем спущусь вниз и...

И тут я слышу это — нежные звуки фортепьяно, песню. Ту самую песню, что я постоянно слышу, пока нахожусь здесь. Я поворачиваюсь и следую за мелодией, моё сердце колотится так быстро, что мне страшно, как бы не случился сердечный приступ. Но эта *песня*... Я чувствую, что должна узнать её, что мне нужно её вспомнить.

Пока я иду по коридору, людей становится всё меньше и меньше. Мне больше не страшно, теперь мною владеет решимость. Я должна отыскать источник музыки, и тогда, возможно, удастся выяснить, что, чёрт побери, здесь происходит.

В конце концов я оказываюсь у двери в бильярдную. Она наполовину приоткрыта, внутри горит свет, но мне страшно входить внутрь. А вдруг там Кеннет? Что если он меня поджидает?

— Кто там? — доносится изнутри голос, кто-то заметил, что я затаилась за дверью.

Я распахиваю дверь и вижу стоящего у окна Элиаса, меня даже качает от облегчения. *С ним всё в порядке. Слава богу, с ним всё в порядке.* Когда он замечает меня, то прикладывает руку к сердцу.

— Я звонил в твой номер, — чуть дыша, говорит Элиас. — Я искал везде.

Взъерошенные волосы спадают ему на лоб, но он по-прежнему до боли красив в своём сером костюме. Он оглядывает меня с ног до головы, и уголок его рта чуть приподнимается. Наверное, узнал одежду Кэтрин.

Я смотрю на него, не зная, с чего начать.

— Ты слышал? — спрашиваю я охрипшим голосом.

— Слышал что?

— Музыку. Ты слышал музыку?

Лицо Элиаса бледнеет, и он отрицательно качает головой и спустя несколько секунд отвечает:

— Мне жаль, но я не могу её слышать, Одри.

— Но... — Я разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, оглядывая комнату. Пытаюсь обнаружить фортепиано или радио. — Я уверена, что она доносилась отсюда. — На глаза наворачиваются слёзы. — Я уже несколько дней подряд слышу одну и ту же песню, — объясняю я Элиасу. — Думала, может она поможет найти ответ. Всё так запуталось, — я всхлипываю. — Элиас, мой брат сошёл с ума, папа, наоборот, пришёл в себя. Я видела, как ты почти убил человека. — Он опускает глаза, а я продолжаю: — Я не могу покинуть отель. Даже через проклятую дверь пройти не могу! Я просто хочу домой. Хочу свою семью обратно, хочу уехать домой.

Лицо Элиаса словно погасло.

— Я знаю, — бормочет он и делает шаг ко мне, но моё первоначальное облегчение от того, что вижу его, сменяется нервозностью. Я очень рада, что с ним всё хорошо, но я видела, как он ударил человека — или то, что, как я думала, было человеком — и проломил ему череп. На что ещё он способен? Какую роль он играет во всём происходящем?

Элиас медлит, когда я делаю шаг назад.

— Одри, — с болью в голосе произносит он. Его фигура оседает, и я понимаю, что обидела его. От этой мысли разрывается сердце. Потому что, когда я с ним, скорбь больше не переполняет меня. Я чувствую себя совершенно по-другому, хотя думала, что это невозможно. Хотя думала, что никогда больше не смогу полюбить.

— Я не могу остаться здесь, — шепчу я. Его глаза стекленеют, и он тяжело сглатывает. Я покидаю его — и мы оба знали, что так всё закончится. — Как мне выбраться?

— «Руби» должен отпустить тебя, — тихо отвечает Элиас. — Тебе просто нужно подождать.

Но это не тот ответ, который я хотела услышать.

— Подождать чего? — спрашиваю я. — Того, что меня убьёт Кеннет?

Глаза Элиаса вспыхивают.

— Он и пальцем тебя не тронет, — рычит он. — Это место не принадлежит ему.

— Это какой-то бред! — вскрикиваю я. — Как так? Это значит, я как те, другие?

Элиас какое-то время пристально смотрит на меня, застигнутый врасплох моим вопросом.

— Как ты... — Он умолкает и снова оглядывает меня, а затем шепчет себе под нос: — Кэтрин.

Элиас робко приближается ко мне. В этот раз я не шарахаюсь от него.

— Нет. Ты не совсем как другие. За исключением того, что Кеннет не может причинить тебе боль. Физическую.

Я задумываюсь. О том случае прошлой ночью, когда я пришла к стойке портье, чтобы попросить приглашение на вечеринку. Кеннет убедил меня, что на моей голове рана. Я чувствовала жжение, видела кровь. Но вдруг всё это исчезло. Теперь я вспоминаю. Не знаю, что это значит, но я помню об этом.

— Этого не может быть, — говорю я, всё ещё цепляясь за мысль, что этому должно быть какое-то рациональное объяснение. Элиас замирает передо мной, и я откидываю голову, чтобы посмотреть на него. В его глазах отчаяние и одиночество. Печаль и любовь. Мне тяжело сдержаться и не коснуться его, и я сжимаю свисающие по бокам руки в кулаки. Я не заметила сначала, но в противоположном конце комнаты в камине потрескивает огонь, из коридора доносятся голоса. Мы не одни, но наша связь изолирует нас от всего остального мира.

— Мне жаль, — говорит Элиас. — Я... мы все надеялись, что ты насладишься своим пребыванием здесь, а затем уедешь, как другие. Останешься приятным воспоминанием. Но мне следовало предупредить тебя о Кеннете, если бы меня даже потом заперли, как Лурдес.

— Её отстранение от обязанностей, — говорю я, собрав все кусочки воедино. — Что случилось?

— «Руби» не выявляет себя, — отвечает он. — Или, скорее, не должен. Кеннет заставляет всех подчиняться строгим правилам, чтобы постояльцы здесь чувствовали себя счастливыми, включая и других. Если бы ты знала, с чем именно столкнулась... — он опускает глаза, — то стала бы представлять для него неприятности. Создала бы помехи. Лурдес уже нарушала здешние правила. Она рассказала Тане правду, и её заперли там, где мы бы не смогли её найти. Она отсутствовала очень долго. — Умолкнув, Элиас прикладывает пальцы к губам. Затем делает вдох и продолжает: — Не во власти Кеннета избавиться от нас, но он может нас наказывать. Мне следовало воспользоваться случаем, ради тебя.

— Возможно, — говорю я, даже если это не то, что он хочет услышать. — Но я бы не хотела, чтобы ты страдал, чтобы тебя где-то заперли.

Между самосохранением и тем, чтобы защищать тех, кто тебе дорог, тонка линия. Сейчас, раз уж мы всё равно ничего не можем изменить, я бы не хотела, чтобы он пожертвовал собой.

— Это моя вина, — несчастным голосом говорит Элиас. — Я не смог держаться от тебя на расстоянии. Я втянул тебя в это.

— И что, даже если бы ты смог? — спрашиваю я. — Мы бы отдохнули здесь несколько дней, поиграли в теннис, а потом продолжили бы наш путь в Элко? Но с чем бы остался ты? Почему ты не можешь уйти отсюда?

— Сейчас моё место в «Руби», — говорит он. — Но не твоё. У тебя всё ещё есть шанс.

С его словами не поспоришь — он узник здесь. Я больше не боюсь ни Кэтрин, ни Джошуа, и уж тем более Элиаса. Я боюсь того, что никогда не смогу выбраться отсюда. Что навечно останусь пленницей «Руби».

— Мне нужно в бальный зал, — говорю я. — Я должна поговорить с папой и братом.

Я поворачиваюсь к двери, но Элиас выбрасывает руку, чтобы остановить меня. Я ахаю и разворачиваюсь к нему. Его щёки пылают красным, грудь поднимается и опускается.

— Нет, — решительно произносит он. — Ты не пойдёшь на вечеринку. Я тебе не позволю.

— Почему нет? У меня есть приглашение.

— Потому что тебе не место на этой вечеринке, вот почему, — говорит он. Несмотря на жёсткость в его голосе, пальцы Элиаса осторожно сжимают меня и притягивают ближе. — Я знаю, ты любишь свою семью, но речь идёт только о тебе. Тебе здесь не место, — шепчет он.

— Мне все только и говорят об этом, — отвечаю я — меня словно забраковали. — Но моё место рядом с тобой. Ты понимаешь меня. — Даже сейчас я не в состоянии справиться с влечением к нему, безумие переплелось с отчаянием. — Но мы не можем быть вместе, — мне хочется плакать от этой правды. — И ты всегда это знал.

— Ты разбиваешь мне сердце, — тут же отвечает мне Элиас. Его свободная рука скользит вокруг моей талии, и, когда он смотрит на меня сверху вниз, у меня подкашиваются коленки. Я не хочу покидать его. Даже если мне придётся.

Я обвиваю его руками за шею, и наши разгорячённые губы сливаются в яростном поцелуе. Я встаю на цыпочки, чтобы быть к нему ближе, и пуговицы на блузке Кэтрин расстёгиваются. Элиас вдавликает меня в стену, целуя шею, бормочет моё имя, его ладонь скользит по моему бедру. Я теряю голову от страсти, от соприкосновения наших тел. Я забываю о своей боли, забываю о своих страхах.

Я могу просто чувствовать. С ним, я могу чувствовать.

— Мне никогда не нравилась эта блузка, — говорит Элиас, обнажая моё плечо, чтобы поцеловать мою кожу. Опасность, страх — всё это лишь ещё больше распаляет нас. Между мной и Элиасом почти всё кончено. Эта мысль осязаема.

Он вжимает меня в стену, вызывая стон. Я целую его с ещё большей страстью, шепча в его губы, чтобы он не останавливался. Распахиваю его пиджак, мои руки повсюду. Все мои чувства обострены, я словно одержимая. Мне хочется больше. Больше его.

Кто-то у двери кашляет.

Я подпрыгиваю и отталкиваю Элиаса, затем поправляю блузку и сжимаю её пальцами. Элиас реагирует не так быстро и какое-то время продолжает смотреть на меня, словно

позабыв обо всём на свете. Но вот его глаза устремляются в сторону двери, и я тоже поворачиваюсь к ней.

— О, боже мой, — с долгим стоном произносит Кэтрин. Она стоит, прислонившись к дверному проёму, на её лице соседствуют скука и отвращение. — Есть куда более... насущные вопросы, чем твоя сексуальная неудовлетворённость, Одри. Если ты не возражаешь, я бы хотела переговорить с Эли. Это срочно.

Как же я её ненавижу! Элиас, сдерживая улыбку, пытается помочь мне застегнуть пуговицы на блузке. Я шлёпаю его по руке, и без того уже смущённая. Элиас поворачивается к Кэтрин.

— Ты специально испортил эту блузку, — говорит она ему. Элиас поправляет свой пиджак и проходит через комнату. — Удивительно, что ты не бросил её в огонь.

— Ты появилась слишком рано, — поддразнивает он и останавливается перед ней. Я жду, что Элиас прогонит её, но он лишь тепло улыбается. — Разве ты не должна быть на вечеринке?

Злоба Кэтрин тут же испаряется, и она, протянув руки, обнимает ладонями его щёки и вглядывается в его лицо, словно проверяя, действительно ли это он.

— Я очень волновалась за тебя, — шепчет она, её взгляд застилают слёзы. — Я думала...

Кэтрин умолкает, а Элиас кладёт свои руки поверх её ладоней — этаким момент нежности.

— Не стоит волноваться обо мне, Кэти, никогда.

— Я всегда волнуюсь, потому что ты бездумный. — Она всхлипывает, а затем тихонько, робко даже, усмехается. Кэтрин вытирает свои щёки, и я понимаю, что она плакала. Меня пронзает сочувствие, но к нему подмешивается ревность, и я отвожу взгляд, вдруг ощутив себя чужой в этой комнате, и это ощущение приводит меня в чувство. Мне нужно идти. Мне нужно выбраться отсюда.

Голос Кэтрин звучит тише, она переходит на шёпот, ясно давая понять, что я лишняя в этой беседе, но это именно тот отвлекающий манёвр, который мне необходим. Я молча крадусь мимо них и оборачиваюсь уже в дверях. Что бы там ни говорила Кэтрин, Элиас напряжённо слушает её, хмуря брови.

— Он будет мстить, — доносятся до меня слова Кэтрин. — Тебе придётся...

Но я не дослушиваю остальное и незаметно для них обоих выскальзываю в коридор. Мне не следует волноваться о таких пустяках как парни или взаимоотношения с ними — Кэтрин была права, у меня есть проблемы посерьёзнее. Но это не отменяет того факта, что Элиас особенный. Чёрт, он встречался с Кэтрин. Те жуткие вещи, что я творила после маминой смерти, не идут ни в какое сравнение с её капризным характером. Он бы принял мои ошибки.

С глубоким чувством потери я направляюсь обратно к вестибюлю. Внутри меня растёт одиночество, вакуум, чувство пустоты. Мне хочется, чтобы всё, что происходит между мной и Элиасом стало реальностью, но это невозможно. Я уезжаю из этого места, уезжаю с Дэниелом и папой. Я не могу спасти его. Не уверена, что могу спасти саму себя.

Проходя мимо коридора, ведущего к бальному залу, я вновь смотрю на охранников у двери. Мне придётся вернуться в свой номер за приглашением и найти подходящую одежду. Я пройду мимо них, а затем найду свою семью. И потом мы уедем отсюда. Только мне нужно торопиться.

***

Звонок лифта оповещает о прибытии на мой этаж, но стоит мне сделать несколько шагов по коридору, как ноги становятся всё тяжелее. Рука начинает болеть, и эта ноющая боль медленно расползается по моей груди, поднимается к шее.

— Ооо, — вырывается из меня стон, и я опираюсь ладонью о стену, чтобы сохранить равновесие. Голову сдавливают словно клещами, так сильно, что затуманивается зрение. Всё становится похожим на сон. Я смотрю в сторону своего номера и вижу, как расширяются и сокращаются стены «Руби», будто дышат.

Отель пытается остановить меня? Не повернуть ли мне назад, к лифту? Но он так далеко, а я чувствую себя такой уставшей. Такой слабой. И вот опять — еле слышная музыка. Неспешное брэнчание гитарных струн. Проникновенная мелодия, зовущая меня к себе. Я опираюсь о стену, испытывая неопишную боль и полна желаний убежать отсюда. Медленно повернув голову в сторону, вижу, как из-под двери номер 1336 струится свет. Тогда музыка играла оттуда, но потом остановилась. Если я не одна на тринадцатом этаже, то кто ещё здесь живёт?

— Эй? — зову я и, оттолкнувшись от стены, спотыкаясь, иду вперёд. Лодыжка подворачивается, и каблук на туфле Кэтрин ломается. Но я, заплетаясь, продолжаю свой путь вперёд, хотя моя правая нога под своим весом безжизненно волочится за мной. — Мне нужна помощь!

Но дверь никто не открывает. Вместо этого они прибавляют громкость — музыка звучит всё громче и громче, пока не начинает играть на полную мощность, заставляя дребезжать висящее на стене зеркало. Они, что, специально мне препятствуют? Да что это за люди, которые игнорируют зов о помощи? Они те, другие? Мне остаётся пройти мимо пары дверей, когда в голову приходит ужасающая мысль — а что если это Кеннет? Или какая-нибудь уловка самого отеля?

Но песня... эта песня так мне знакома! Температура воздуха вокруг начинает падать, с каждым вдохом становится всё холоднее. Вместе с этим, я ощущаю влагу на своей коже, а когда поднимаю здоровую руку, с удивлением обнаруживаю на ней капельки, похожие на росу, что собирается на траве ранним утром.

— Что? — бормочу я, не переставая идти вперёд до тех пор, пока не подхожу к нужной двери. И падаю на неё, потому что мои ноги в конце концов обессиливают. Я сползаю в забытьё; я ускользаю, и на меня обрушивается ужас.

— Я умираю, — вырывается из меня с выдохом, — я умираю.

Протянув руку за спину, я шарю в поисках дверной ручки, пока мои пальцы наконец не обхватывают холодный металл. Нажимаю на неё, но потяжелевшие веки мешают что-то разглядеть. Пульс стучит в висках. Но вдруг неожиданно дверь открывается, и моё тело падает на спину.

Мои веки, дрогнув, открываются, и мир перед глазами поначалу расплывается. Надо мной сияет свет — высоко-высоко в чёрном небе. Мне хочется спросить себя, где нахожусь, но раздаётся только бульканье, и я давлюсь. Повернув голову, сплёвываю кровь на тёмную землю. Пытаюсь сделать вдох, но мне не удаётся. И я снова сплёвываю кровь.

Мне холодно, и как только я осознаю это ощущение, меня накрывает таким сильным приливом боли, какой я ещё никогда не чувствовала. Всё моё тело охвачено агонией, словно меня сбросили с высоты в три этажа на асфальт. Простонав, я силюсь сделать вдох, стараюсь понять, что это за боль. И вот, где-то на заднем плане, снова начинает играть та самая песня. Только теперь я понимаю, что это за мелодия. Мои веки вновь начинают дрожать, и я вижу свет, только теперь впереди — два кругляшка света.

Очень трудно понять, что происходит, но вот, медленно, ко мне возвращаются ясность сознания и чёткость восприятия.

Моя рука зажата сбоку, под бедром, кость, кажется, сломана. Пальцы моей здоровой руки скользят по земле, касаясь гальки, песка и камней. Асфальт. Хныкнув и вновь сплюнув кровью, я прижимаюсь щекой к дороге и смотрю на две горящие фары перевернувшейся папиной машины, свалившейся в кювет метрах в двадцати от меня. Из магнитолы по-прежнему звучит песня, та самая песня с диска, который мы слушали до аварии.

Авария. Меня захлёстывают воспоминания о последних мгновениях в автомобиле: Дэниел забирает у меня «Сникерс», мамин диск в магнитоле. Я устала и откинула сидение назад. Я забыла всё остальное. Забыла, как мой отец пробормотал, что больше так не может. Когда я повернулась к нему, на его щеках блестели слёзы.

— Пап, — произнесла я, напугав его. Он дёрнул руль.

Машина начала скользить, под собственным весом моё тело ударилось об дверцу, голова стукнулась о стекло, и я потянула за дверную ручку. Музыка продолжала играть, но через неё я слышала, как Дэниел прокричал моё имя. Я слышала, как он кричал, его тело полетело вперёд. Мир перевернулся вслед за опрокинувшейся машиной; дверца с моей стороны открылась, и меня со свистом выбросило наружу. А затем... ничего. Мы прибыли в отель «Руби».

А теперь я лежу сломанной кучей на обочине дороге, не в силах двинуть ногой. Песня, доносящаяся из машины, подходит к концу, но потом снова начинает играть та же самая мелодия.

— Папа? — зову я, мой голос больше похож на сдавленный шёпот. *Мы попали в аварию, и я почти умерла.*

Я моргаю, мои веки сжимаются, и вот по лицу начинают катиться тёплые слёзы. Я поднимаю руку, чтобы вытереть их, а когда опускаю, то вижу, что вся она в крови. Мне нужна помощь. Вновь посмотрев в сторону машины, у выбитого лобового стекла я замечаю тело.

Это тело моего брата. Его голова смотрит в другую сторону, но я могу различить его профиль, запёкшуюся кровь в его светлых волосах, рану в его голове.

Мне очень больно, но никакая физическая боль не может сравниться с тем, что я чувствую, глядя на своего брата.

— Дэниел? — окликаю я его, хотя мне и отсюда видно, что он не дышит. — Дэн!

Я захлёбываюсь рыданиями, пытаюсь перекатиться на бок, при этом в районе плеча раздаётся щелчок. Вскрикиваю и подношу ко рту кулак, впиваясь в него, чтобы не потерять сознание.

— Дэниел! — вновь ору я, но из-за слёз трудно разобрать мои слова.

Моё отяжелевшее тело не хочет подчиняться мне, и я ползу вперёд, впиваясь ногтями в дорожное покрытие.

— Я не оставлю тебя, — говорю я брату, как будто он может меня слышать. — Я никогда тебя не брошу. Никогда, Дэниел. — Всхлип. — Никогда.

Но мне удалось протащиться только несколько шагов, если не меньше. Мне не достать его в кювете, не с моими повреждениями. Я смотрю на лицо брата и замечаю, что его кожа посерела. На волосы вытекло мозговое вещество. Трещина в его черепе точно такая же, как привиделась мне во время сегодняшнего завтрака. Сегодня...

В «Руби». Меня накрывает волной адреналина, и я заново осматриваюсь. Правый глаз всё ещё плохо видит, но я всё равно пытаюсь определить, где нахожусь. Как мы оказались здесь? Ведь мы только что были в «Руби». Может, папа и Дэниел по-прежнему там? *Есть ли вообще отель «Руби»?*

Сумасшедшие мысли, эти безумные срывы затягивают меня. Но тут мой взгляд падает на вывеску на противоположной стороне дороги: «ОТЕЛЬ „РУБИ“ — 3 КМ». Рано или поздно кто-то придёт на помощь, но толку? Моего брата уже не спасти. Его не спасти, потому что он всё ещё остаётся в «Руби».

С моих раскрывшихся губ вновь срываются тяжёлые рыдания. Я понимаю, что в действительности мы могли вообще не входить в те двери. Я понимаю это. Но не могу принять. Не могу принять жизнь без моей семьи. Не могу оставить Дэниела. Возможно, он мёртв, а возможно, он на вечеринке в бальном зале, ждёт меня. Ждёт нашего папу.

Что он подумает, если я не приду? Не решит ли, что я оставила его? Это ли он хотел сказать, когда говорил мне, что я должна уехать? Может быть, он всё давно уже понял, но скрывал это от меня, чтобы я не осталась?

— Жаль, — кричу я его телу, — что я не смогу уйти без тебя. — Кажется, мною овладело безумие, потому что я начинаю смеяться. — Не смогу уползти, — поправляю я себя и, перекатившись на спину, таращусь на уличные фонари. Мне нельзя ждать какого-нибудь прохожего, или даже скорую помощь. Потому что, как только кто-то появится, Дэниела заберут от меня. Его накроют белой простыней, и я никогда больше не смогу увидеть его лицо. Его светло-голубые глаза, так похожие на глаза нашей мамы. Мой брат будет мёртв.

А я не могу этого допустить.

Я перестаю бороться и дышать, из меня выходит судорожный стон, и мои веки начинают подрагивать. На грудь наваливается тяжесть, и я представляю, как моё тело наполняет кровь. Мне нужно вызволить Дэниела оттуда.

— Я верну тебя, — бормочу я, из уголка моего рта сбегает жидкость. Я в последний раз смотрю на тело брата, на машину, где не перестаёт играть музыка. Наконец, мне удаётся углядеть за рулём силуэт отца, его сломанную шею. Я единственная живая душа здесь. — Я иду, — шепчу я, теряя сознание, и мои глаза закрываются.

Музыка умолкает.

***

День похорон моей мамы был самым ужасным днём в моей жизни. Я помню его только маленькими отрывками, целиком же он скрыт под вуалью горя. У меня не было никакой чёрной одежды, которую можно было бы надеть — да я даже парные носки найти была не в состоянии. В итоге, пришёл Райан, принёс что-то, что передала его мама, и одевал меня, словно безжизненную куклу, в то время как я уливалась слезами до тех пор, пока не заболели глаза. Отца я не видела всё утро. Если честно, я не видела его с того дня в больнице, когда нам сказали, что мама умерла от сердечного приступа. Они изо всех сил старались сообщить нам об это помягче. Как будто от этого наше горе стало бы меньше.

А потом... я шла вдоль прохода церкви, так сильно схватившись за Дэниела, что потом на его руке остались синяки. Его голубые глаза покраснели от слёз, как и кончик носа. Хотя он старался сдерживаться, как мог, сжимая губы с такой силой, что, казалось, это даже причиняло боль. Друзья моей мамы, увидев его, ударились в слёзы. Дэниел держался — если бы он сдался, это бы ещё больше разорвало их сердца.

Я не разговаривала во время похорон, только едва помню, что видела нашу бабушку и пожилую женщину, что держала маму за руку в кофейне. Когда мы с Дэниелом вернулись домой, я поднялась наверх. Зашёл Райан, чтобы проверить моё состояние, но и он через какое-то время сдался, поцеловав меня в висок перед уходом.

— Каждый день — это дар, Одри. Не давай им пропадать впустую, — сказал он.

Со смерти мамы я проживала зря каждую минуту своей жизни, желая избавления. Но сейчас желание у меня лишь одно — избавиться от этого кошмара и вернуться к жизни. Мы не можем остаться в «Руби»; теперь я это понимаю. Но и без своей семьи, без Дэниела, я никуда не уеду.

***

Я открываю глаза, словно от шока, у меня по-прежнему всё болит. Но как только боль проходит, туман перед глазами рассеивается. Меня вновь окружают красные и серые цвета «Руби», я лежу на толстом ковре рядом с дверью номера 1336. Музыка больше не слышно.

Сначала мне трудно понять, смогу ли я пошевелиться, парализовано ли до сих пор моё тело. Попробовав передвинуть ногу, я облегчённо выдыхаю, когда она слушается меня. Ухватившись за дверной проём, поднимаюсь, пошатываясь из стороны в сторону из-за сломанного каблука, но мне удаётся сохранить равновесие. Тяжело сглотнув, оглядываюсь по сторонам. Боли больше нет, но призраки воспоминаний так и летают вокруг меня. *Призраки*. Широко раскрыв глаза, я, развернувшись, вижу, как стены «Руби» действительно дышат. Они дышат! Но вот что-то меняется.

Краски становятся тусклыми, цвет ковра блекнет. То, что совсем недавно было едва уловимым, теперь предстаёт передо мной в полной ясности. Я думаю о своём теле на краю дороги. О помощи, которая приедет. Здесь время идёт медленнее. Я не могла бы оставаться живой, лёжа на обочине, в течение двух дней. Но как долго я там находилась? Как долго я пробуду здесь?

Я поднимаю глаза на дверь номера 1336. Если мне удастся подняться сюда с Дэниелом, сможет ли он вернуться вместе со мной? Сможет ли прийти в сознание? Я захлёбываюсь рыданиями, представляя его там, на дороге, одного. Холодного. Мёртвого.

И своего отца, заблокированного внутри салона ремнём безопасности. Я закрываю лицо руками, отчаяние охватывает меня, душит. Мой отец, пусть и нечаянно, спровоцировал

аварию. Не об этом ли вспоминал сегодня Дэниел, когда просил меня не доверять папе? Ведь именно папа привёл нас в «Руби»... старается ли он удержать нас здесь?

Я роняю руки вниз, почувствовав решимость. Меня трясёт, но нет времени оплакивать свою судьбу. Вновь поддаться этой жалости к себе, которая и стала причиной нашей семейной поездки. Я направляюсь к лифту, чтобы спуститься вниз, но тут ловлю в зеркале своё отражение. На мне по-прежнему одежда Кэтрин, каблук всё так же сломан. На вечеринку в таком виде меня не пустят, и уж точно я не попаду туда без своего приглашения. А если устрою сцену, меня, скорее всего, запрут под замком, и шанс будет упущен.

Я устремляюсь в свой номер, а когда открываю дверь, увиденное потрясает меня. От светильников исходит приглушённый свет, на комодe горят свечи. Пахнет ванилью и домом — тот же запах, что я почувствовала в подвале в первый наш день здесь. На моей кровати лежит большая белая коробка, на крышке красуется аккуратный кроваво-красный бант. Дверь за мной захлопывается, когда я делаю робкий шаг внутрь комнаты. Что, чёрт возьми, всё это означает?

Трясущейся рукой я тяну за ленту, чтобы развязать бант. Страх грозит свести меня с ума, но я подавляю его. Уничтожаю его. Мне нужно продолжать и закончить начатое.

Я сдвигаю крышку коробки, разворачиваю обёрточную бумагу, и передо мной предстаёт потрясающее красное платье, прекраснее которого мне видеть не приходилось. Даже в полутьме его ткань переливается. Сердцевидная линия выреза, мягкие переходы материала. Под платьем я нахожу туфли на высоких каблуках и с ремешками.

Рядом с коробкой лежит простой чёрный конверт. Наверное, моё приглашение на вечеринку. Кеннет сказал, что распорядился доставить его в мой номер, но, думается мне, его принесли вместе с нарядом. Папа упоминал, что его костюм был предоставлен ему отелем. Как, наверняка, и костюм Дэниела. Я, не торопясь, поднимаю конверт и осторожно ощупываю его.

На лицевой части белой ручкой аккуратно выведено моё имя. Выглядит очень изысканно. И старомодно. Поддев пальцем край, я открываю конверт. В нём напечатанное на машинке приглашение, никаких рукописных надписей.

Официальное мероприятие

Имеем честь пригласить Вас на вечеринку, посвящённую первой годовщине отеля «Руби», которая состоится в бальном зале в 21:00. При себе иметь приглашение.

— Да пошли вы, — бормочу я себе под нос и бросаю конверт обратно на кровать.

Взяв в руки платье, я прикладываю его к себе и оценивающе смотрю на своё отражение в зеркале. Похоже, платье должно мне подойти, и это меня не удивляет. Интересно, надевал ли его кто-то до меня? Лежала ли эта девушка на обочине дороги, как я?

И тут до меня доходит, что я призрак. Призрак того, кто даже ещё не умер. Это имеет какое-то значение для остальных? Для моей семьи, или Элиаса? Кто тогда они?

Откуда-то из коридора вновь начинает играть едва различимая музыка, маня меня обратно. Но я трясую головой, оставаясь сосредоточенной на своей задаче.

— Нет, без брата я никуда не уйду, — говорю я и оглядываю комнату, ощущая присутствие «Руби».

— Ты не можешь удерживать его, — обращаюсь я к стенам. — Как и меня.

Музыка, доносящаяся из коридора, утихает, и моя злость сменяется печалью. Возможно, я не вернусь домой. То, что это может оказаться реальностью, пугает меня, и я быстро снимаю свою одежду и надеваю красное платье. Расправив ткань на бёдрах, проскальзываю

в туфли. И тут же пошатываюсь, потому что они оказываются выше тех, что одолжила мне Кэтрин.

После долгих колебаний, я разворачиваюсь в зеркале, и моё отражение лишает меня дара речи. Оно совершенно, даже без всяких на то усилий. Никогда ещё, даже на выпускном балу, после долгих часов подготовки, мой внешний вид не был таким безупречным. Волосы — такими роскошными. На моих губах начинает расплзаться улыбка, но тут я отступаю от зеркала и осуждающе оглядываюсь по сторонам.

— Так вот что ты делаешь? — выкрикиваю я. — Подкупаешь красивой картинкой? Делаешь идеальным то, что на самом деле далеко от идеала?

Я пялюсь на себя в зеркало, ожидая, когда появлюсь настоящая я, в ушибах и ранах. Но ничего не происходит. Нет уж, этим меня не заманить! Я хватаю свой мобильник с прикроватной тумбочки и со всей силы бросаю его в зеркало, осколки которого разлетаются по всей комнате.

Выдохнув, я смотрю вниз. Телефон светится — хотя он был разряжен. Как такое возможно? Ведь на самом деле меня здесь нет. В верхнем левом углу экрана иконка папки с фотографиями.

На глаза начинают наворачиваться слёзы, я подбираю телефон и сажусь с ним на краешек кровати, стараясь не задеть куски стекла. «Не смотри», — шепчет мне моё сознание. Мой большой палец на секунду зависает над иконкой, и вот я уже открываю альбом с названием «Нет».

Увидев первую появившуюся фотографию, я не выдерживаю, по лицу бегут слёзы. За две недели до её смерти, мы с мамой поехали в торговый центр, в парикмахерскую. На фото мы сидим на переднем сидении машины, я держу телефон правой рукой, наши головы прижаты друг другу. Мама надула губы, сомневаясь относительно нового, более тёмного, цвета своих волос. Мои губы округлились в театральном изумлении в духе «О, уже снимают!» Когда я развернула телефон, чтобы показать ей фото, мы обе смеялись до слёз. И она попросила меня пообещать не выставлять это в инстаграм. Сказала, что выглядит ужасно.

— Я отрекаюсь от тебя, — продолжая смеяться, сказала мама. — Посмотри, я похожа на куклу из «Маппет-шоу»!

— Ты прекрасна, — говорю я сейчас, мысленно проигрывая тот наш диалог. Окунувшись в воспоминания, я чувствую запах её духов, слышу её голос. Словно я снова там. Или она здесь. — И ты по-прежнему куда красивее, чем мама Райана, — добавляю я.

Она цыкнула на меня.

— Да брось, — говорит мама, хотя знает, что я просто шучу. — Как думаешь, папа заметит изменения? — Она посмотрелась в зеркало заднего вида и поправила пальцами чёлку.

— Он никогда ничего не замечает, — шепчу я, мои щёки намокли от слёз.

— Не суди его строго, — сказала мама, повернувшись ко мне с улыбкой. — Твой отец обожает тебя. Ты понятия не имеешь, как много раз он уговаривал меня пойти тебе навстречу. Так что, знаешь ты это или нет, но твой папа тебя избаловал.

— Так по-честному, потому что ты избаловала Дэниела, — говорю я. Она рассмеялась, а затем кивнула, потому что то была чистая правда.

— Не знаю, с чего мне так сильно повезло, — сказала она, вздохнув и улыбнувшись своему отражению в зеркале. — Просто не знаю!

— Я тоже, — шепчу я и закрываю глаза, потому что сердце пронзает боль.

Когда я открываю их, в номере отеля тихо и спокойно. Эхо маминого голоса больше не слышно. Аромат её духов сменился ванильным ароматом свечей. Повсюду блестят осколки, переливаясь в мерцающем свете.

Моё тело одеревенело, отяжелело от потери. Папа тогда не заметил мамину новую причёску, хотя он почти каждый день осыпал её комплиментами. Как и Дэниел, он никогда не был наблюдательным. С возрастом я привыкла к этому как к одной из его странностей — к тому, что он рассказывает одни и те же истории, пугает имена, несмотря на то, что его уже поправляли.

Я ещё больше погружаюсь в скорбь. Мой отец привёз нас в это место, и теперь я понимаю, почему он пытается удержать нас здесь — продлить наше пребывание в отеле. Он хочет, чтобы мы были вместе. Это эгоистично и ужасно, но я его понимаю. Он просто хотел, чтобы наша семья вновь стала единым целым. Хотел всё исправить.

Я снова начинаю плакать — тяжёлыми, удушающими предательскими рыданиями. Кричу от злости и боли, бросаю телефон и стучу кулаками по кровати. Резкая боль заставляет меня завопить. Я поднимаю руку и, сквозь туман из слёз, вижу застрявший во мне треугольный осколок. Быстро вытащив его, отбрасываю кусок стекла в сторону. Затем поднимаю с пола блузку Кэтрин и заворачиваю в неё ладонь. Рана жжётся, и я вздрагиваю — но боль возвращает мне сознание. Помогает сосредоточиться.

Я встаю и забираю с кровати конверт, смахнув с него осколки зеркала. Карту-ключ я оставляю на комодe, потому что больше не собираюсь возвращаться в эту комнату — найду Дэниела и папу, и мы втроём отправимся в номер 1336. Мы очнёмся. И будем вместе — там.

Уже у двери я замечаю, как сквозь блузку, обёрнутую вокруг моей раны, проступают пятна крови. Осторожно развернув ткань, чтобы проверить порез, я потрясённо смотрю на гладкую поверхность своей кожи. Неповреждённую. Я несколько раз сжимаю и разжимаю кулак, убедившись, что порез исцелился, хотя блузка вся в кровавых пятнах.

И Элиас, и Кэтрин говорили, что Кеннет не в силах причинить мне физическую боль. И теперь я знаю почему: в действительности меня здесь нет. Но если это правда, то как тогда Кеннет может настолько сильно ранить Лурдес? Держать в страхе остальных гостей? Какая между нами разница?

Меня пугает звонок телефона, стоящего на прикроватной тумбочке. Но мне не хочется знать, кто звонит. Широко распахнув двери, я спешно направляюсь к лифту, сжимая в руке приглашение. Я сыграю в их игру. Притворяться мёртвой у меня получается лучше, чем у кого-либо. Ведь именно это я делала на протяжении последних трёх месяцев.

Я думаю о своей маме, и, впервые за всё время со дня её смерти, мысль о ней не делает меня слабой. Наоборот, это даёт мне силы. Я преисполнена мужества. Меня переполняет бесстрашие. Меня...

Сейчас стошнит.

Потому что как только двери лифта разъезжаются, внутри оказывается Кеннет, и он ждёт меня.

— Вижу, вы приоделись к вечеринке, — сложив руки на груди, говорит Кеннет. Я искоса смотрю на него, на его короткие руки и пухлые пальцы. — Должен сказать, мисс Каселла, красный вам необыкновенно к лицу, — вежливо добавляет портье. — Отличный выбор.

Я усмехаюсь и закатываю глаза к потолку, не желая любезно принимать его комплимент.

— Я не боюсь вас, — вру я. — Вы не можете причинить мне вред.

Кеннет смотрит на моё приглашение, а затем, подняв подбородок, хмыкает, снисходительно и зловеще одновременно.

Лифт движется мучительно медленно, до тех пор, пока не останавливается совсем. На моих висках собираются бисеринки пота, но я стараюсь оставаться спокойной. Судя по предыдущему опыту, полагаю, это дело рук Кеннета. Его манипуляции. Я вновь поворачиваюсь к нему, все мои слова, обращённые к нему, пронизаны отвращением.

— Мы уедем, — говорю я и складываю руки на груди, пытаюсь выглядеть жёсткой. От брони я бы сейчас не отказалась. — Вы не можете удерживать нас здесь.

— Я всего лишь портье, мисс Каселла, — отвечает Кеннет. — Не в моей власти управлять сроками вашего пребывания в «Руби». — Он окидывает меня взглядом, взвешивая свои слова. — Рискну предположить, решение будет зависеть от вас. Как сильно вы хотите оказаться в доме вашей бабушки? — Его губы кривятся в усмешке, и портье отворачивается к дверям лифта, словно моя борьба за выживание его утомляет.

— Откуда вы знаете про мою бабушку? — спрашиваю я, хотя ответ мне и так известен.

— Ваш отец был весьма откровенен касательно своих проблем, — говорит Кеннет. — Видите ли, для него это сродни терапии. Он потерян и сокрушён. По счастью, в «Руби» непослушные дети, как правило, исправляются. Он умолял меня позволить вам остаться здесь подольше. — Кеннет окидывает меня весёлым взглядом. — Возможно, в таком виде вы понравитесь ему больше.

Я проглатываю его замечание — что толку спорить с правдой. Но Кеннет не знает одного — я уже видела альтернативу отелю. Я, замёрзшая и одинокая, очнулась на обочине дороги, но вернулась за своей семьёй. И то, что ему это неизвестно, каким-то образом даёт мне преимущество.

— Мой отец знает, кто вы? — резким тоном спрашиваю я. — Знает, кто вы на самом деле?

Кеннет неопределённо пожимает одним плечом.

— Ваш отец весьма преуспел в отрицании. Подозреваю, ему нужен был кто-то, с кем можно было поговорить по душам, и я был только счастлив исполнить эту роль. Он наслаждается свободой, которую обеспечивает «Руби», этой передышкой в своей скорби. Мне верится, он уже и позабыл о трагической смерти вашей матери. Обо всех ваших срывах и вечеринках. О своей ничтожной жизни за пределами этих стен, — огрызается портье и распрямляет плечи. — Ваш отец никогда не покинет отель «Руби», мисс Каселла. Лучше вам уже принять этот факт.

Я отступаю назад, и платье шуршит у моих ног. Кеннет своими угрозами добивается лишь одного — моя смелость крепчает ещё больше.

— Вам не удержать его здесь, — наведя на Кеннета палец, говорю я. Другая моя рука комкает в кулаке конверт с приглашением. — Не имеет значения, что он сделал — он мой отец. И я собираюсь вытащить его, и моего брата, из этого места. Вам меня не остановить. Вы не можете. — Отдалённо до меня доходит, что я завралась, но гнев настолько сильно захватил меня, что уже не остановиться. — Сейчас я отправляюсь на вашу распрекрасную вечеринку и заберу их оттуда. А потом вы больше никогда нас не увидите!

Распалённая своей злостью, я встаю ближе к портье, настолько близко, что при нормальных обстоятельствах мне бы не хотелось находиться на таком маленьком расстоянии от него.

— Мы уедем, Кеннет. И я сожгу это место дотла, если вы попытаетесь меня остановить!

Глаза Кеннета расширяются, я осязаю исходящую от него враждебность. Его руки падают по обе стороны туловища, он медленно опускает подбородок, поджатые губы белеют. Он внушает ужас.

— Вам следует с осторожностью выбирать свои угрозы, мисс Каселла. — Он со свистом произносит моё имя, и я отступаю назад. — Ваши друзья пожалуют о том, что вы делаете столь бесчувственные заявления.

Я хмурюсь, но как только собираюсь спросить его, что всё это значит, звонок лифта извещает нас о том, что мы прибыли в вестибюль. Не сказав больше ни слова, Кеннет спешно выходит из кабины и исчезает в толпе людей, направляющихся на вечеринку.

Что он хотел сказать, когда упомянул моих друзей? Он снова собирается причинить вред Лурдес? Элиасу? Я уже почти выхожу из лифта, когда у его дверей появляется Кэтрин. Заметив меня, она выглядит потрясённой, но затем, круто развернувшись, заходит в кабину и нажимает кнопку подвала.

— Стой, — бросившись вперёд, говорю я. Протиснувшись мимо неё, я нажимаю кнопку вестибюля, но двери закрываются. — Чёрт побери, Кэтрин. Мне нужно найти брата!

— Дэниел в целости и сохранности, — отвечает она, бросая взгляд на приглашение в моей руке. Кэтрин чуть меняет позу. В своём белом платье и с идеальным макияжем она выглядит просто роскошно. — Твоя неблагополучная семейка может подождать.

Я замечаю, что её трясёт, и меня охватывает беспокойство.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Где Элиас?

Похожа ли Кэтрин на меня — поймана ли она где-то между, как я? Или она просто застряла здесь и умеет общаться с призраками? Лифт останавливается и оповещает звонком, что мы достигли подвала.

Кэтрин выходит в коридор и останавливается, оборачиваясь на меня.

— Ты должна увидеть это, Одри. Тебе следует узнать эту сторону «Руби» прежде, чем ты слепо отправишься на вечеринку. — Она тяжело вздыхает, когда я не двигаюсь. — Знаешь, это так иронично, — с очевидным раздражением замечает Кэтрин. — Я пытаюсь спасти тебя, но не потому что ты мне нравишься, и даже не потому что мне нравится твой брат. Я делаю это из-за того, что Эли заботится о тебе. Пусть даже, по моему личному мнению, он мог бы найти кого-то лучше.

Значит, Элиас не ранен — иначе Кэтрин помчалась бы к нему. Но воспоминание о них двоих в бильярдной комнате ещё свежо. Та нежность, с которой они обращались друг к другу, как касались друг друга... Я откровенно признаюсь в своей ревности, и наверняка вызываю жалость, когда спрашиваю:

— Ты любишь его, Кэтрин?

Она с нежностью улыбается.

— Да, и всегда буду.

— А он тебя?

— Нет, и никогда не будет. — Она отвечает незамедлительно, но без холодности.

Словно констатирует факт — болезненный для неё, судя по тому, как начинают блестеть её глаза. Кэтрин могла бы растянуть этот момент и помучить меня, но не сделала этого. Может, эта девушка и не такая уж злая.

— Ну а теперь, — шмыгнув носом, говорит она, — если ты не хочешь, чтобы я сказала тебе, какая ты хорошенькая, думаю, лучше нам поспешить, пока не сгорели остальные.

Всё внутри меня обрывается.

— Что?

Кэтрин снимает свои туфли, подцепляет их на палец за ремешки, и устремляется вперёд по коридору. Мне приходится перейти на неуверенный из-за каблуков бег, чтобы поспеть за ней. Кэтрин, кто бы сомневался, даже передвигаясь трусцой в неудобном, казалось бы, расшитом пайетками вечернем платье, остаётся образцом грациозности. Наконец, мы последний раз поворачиваем за угол, и моё волнение усиливается во сто крат, когда я вижу столпившихся у двери в комнату Лурдес членов персонала. Они сжимаются, когда мы подходим ближе, и избегают встречаться глазами с Кэтрин.

«Портье не нравится, когда в хозяйственном блоке находятся посторонние». Именно эти слова сказала мне Лурдес, когда мы только познакомились. Персонал напуган как никогда, и, помимо воли, мне передаётся часть их беспокойства. Я едва могу ровно дышать, когда добираюсь до дверного проёма, и до смерти боюсь заглядывать внутрь. Но Лурдес моя подруга, и я не оставлю её, если она нуждается во мне.

Я успокаиваюсь и смотрю в комнату. Первым я вижу Элиаса, который сидит на краешке кровати, упираясь локтями в колени и спрятав лицо в ладонях. Свет приглушён, кровь в том месте, где умер Кеннет, впиталась в ковёр, лампы и посуда разбиты. Через мгновение всё остальное доходит до моего сознания, и я отшатываюсь в ужасе, выпустив из рук приглашение.

Лурдес лежит на кровати, но я бы ни за что не узнала её, если бы не причёска. Её кожа обгорела, настолько сильно, что из меня вырывается истошный вопль, и я пячусь из комнаты, но запинаясь на каблуках и падаю. Сильно ударившись о пол, продолжаю ползти назад, пока моя спина не упирается в стену. Я закрываю рот рукой, чтобы заглушить свои крики, мои глаза прикованы к ужасающей сцене, открывшейся передо мной.

Обуглившаяся кожа Лурдес черна как уголь, сквозь рваные края проступает красная мышечная ткань. Пальцев на руках нет, руки безжизненно лежат рядом с её телом, нос и губы уничтожены огнём, как и веки, поэтому её глаза, не мигая, уставились в потолок.

Я, разрыдавшись, закрываю лицо, а затем прячу голову между коленями. Это Кеннет. В лифте я сказала ему, что, чтобы выбраться отсюда, сожгу это место дотла, и вот он сжёг мою подругу. Это моя вина. Так он наказывает меня.

На мою руку ложится тёплая ладонь. Я, крича, отбиваюсь, пока не осознаю, что это Элиас.

— Одри, тебе не следует здесь быть, — говорит он, взяв меня за локоть, чтобы помочь подняться на ноги. — Ты... — Он замолкает, когда замечает моё платье, и бросает на Кэтрин вопросительный взгляд. Та избегает встречаться с ним глазами и проходит дальше в комнату. Я, почти лишившись сознания, хватаюсь за белую рубашку Элиаса, чтобы не

упасть. Он решительным голосом говорит мне: — Ты должна вернуться на свой этаж.

Я бросаюсь в его объятия и крепко обнимаю его.

— Я уже была там и теперь знаю правду — я очнулась на обочине дороги, но мои отец и брат... — тут я начинаю всхлипывать, — они ещё здесь, поэтому я вернулась. — Я чувствую, как он каменеет, но продолжаю говорить: — Потом я повстречала Кеннета и угрожала ему. Сказала, что мы уедем отсюда. Какой же глупой я была!

— Ш-ш-ш... — утешает меня Элиас, шепча, что мне нужно успокоиться. Он обнимает меня, пока я не перестану плакать, моё дыхание превращается в судорожные всхлипы. Пальцы Элиаса проскальзывают в мои волосы, он, прижавшись щекой к моей макушке, убаюкивает меня. Его объятия дарят покой. Среди горя и скорби.

— В этом нет твоей вины, — нащёптывает мне Элиас. — Лурдес выразила негодование, и теперь её наказание — находиться в том виде, в котором она в действительности существует. Это больно, но она уже идёт на поправку. — Он притягивает меня ближе, в то время как я пытаюсь вникнуть в его слова. — Ты же, Одри, возвращаешься домой.

Я хмурюсь, недоумеваю, что же значит его «в котором она в действительности существует». Медленно отстранившись от Элиаса, я поднимаю на него глаза. Он плакал, и я вижу, как сильно он боится. Боится за Лурдес и за меня, боится Кеннета. Но в моей голове рождается новый вопрос, возвращающий нас в первый день нашей встречи.

— Элиас, — отходя от него, спрашиваю я, — как ты оказался в этом месте?

Он смотрит на меня, бледнее с каждой секундой. Но слабый голос из глубины комнаты шепчет моё имя, не дав ему ответить. Хриплый и полный агонии, этот голос, несомненно, принадлежит Лурдес, и я тут же поворачиваюсь к ней.

— Она очнулась, — бормочет Элиас и спешно входит в комнату.

Очнулась? Разве такое возможно? С такими жуткими ожогами она не могла... Тут я позволяю реальности обрушиться на меня. Это «Руби». Здесь возможно всё. И это вселяет ужас.

Мою кожу стянуло от высохших слёз, глаза болят от рыданий. Я медленно вхожу в комнату Лурдес и смотрю на неё, лежащую на кровати. Неподвижно. Рядом с ней, на раскладном стуле, сидит Джошуа, а Кэтрин прислонилась к стене. Вдоль изголовья лежит Таня и промакивает полотенцем с белой мазью уцелевшие участки кожи Лурдес.

Я сажусь на пол, поближе к Лурдес. Резкий запах обгоревшей плоти вызывает тошноту, и я сжимаю губы и зажимаю пальцами нос, чтобы не чувствовать его. Элиас осторожно присаживается на краешек кровати. К моему изумлению, он берёт обугленную руку Лурдес и, подняв к губам, нежно целует её.

— С ней всё будет хорошо, — шепчет он, наблюдая за ней. — Лурдес всегда восстанавливается.

— Всегда? — повторяю я.

— Дело не в тебе, — говорит Кэтрин, а это значит, она слышала наш с Элиасом разговор в коридоре. — Ты хотела знать, почему мы повинемся Кеннету. Вот что происходит, — она обводит рукой вокруг себя, — если мы отказываемся это делать. Элиас обманывает сам себя. Даже когда Лурдес восстановится, Кеннет на этом не закончит. Он вновь отошлёт её. Его жестокости нет предела.

— Успокойся, — просто говорит Элиас, не отрывая глаз от Лурдес. Я следую за его взглядом и подавляю желание снова закричать. Глазные яблоки Лурдес поворачиваются в моём направлении, и живот сводит от нового приступа тошноты. Она в сознании, и я даже

представить себе не могу ту боль, что она чувствует, то ощущение невыносимой агонии.

— Не плачь, — хрипит она. Тихий звук её голоса наполняет меня смесью облегчения и печали, и я вытираю щёки, свежие от слёз. Несмотря на состояние, в котором Лурдес находится, я протягиваю руку, чтобы взять её ладонь. На ощупь она напоминает ветку дерева — такая же шероховатая и хрупкая, и я стараюсь не сжимать слишком сильно.

Элиас встаёт, подбирает с пола стул и показывает мне, чтобы я села. Я послушно сажусь и наклоняюсь к краю кровати, чтобы утешить Лурдес. Те работники отеля, что ждали в коридоре, говорят Элиасу, что пора идти на вечеринку, но он отмахивается от них и захлопывает дверь. Потом берёт второй стул и садится рядом со мной. В комнате царит та же атмосфера, что на похоронах, в воздухе висит печаль, тяжело дышать.

Став посмелее, я осматриваю тело Лурдес: оплавленные ушные раковины, сочащаяся плоть на её плече. Я замираю. *Какой она есть на самом деле?*

Я перевожу взгляд на Таню, вспомнив, как в наш первый день в отеле увидела на ней кровь. Моё сердце глухо колотится в груди, и я поворачиваюсь к Элиасу. Он пытается предугадать, что может понадобиться Лурдес. Проявляет внимание. И тут я начинаю понимать. Я видела трещину в черепе Дэниела. И с точно такой же травмой Дэниел безжизненно лежал в кювете. *Какой он есть на самом деле.*

О боже! Теперь ясно, как Элиас оказался здесь. Лурдес говорила, что их компания уже давно вместе, а Джошуа сказал, что вечеринка была в честь Элиаса. Тогда я не придавала этому значения — игре в «Разбуди мёртвых» у фонтана, деталям пожара, нескончаемым вечеринкам, на которых он должен присутствовать. Элиас был в бальном зале во время пожара в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Он мёртв. Они все мертвы.

Я, сражённая правдой, осторожно кладу руку Лурдес на кровать. Они все — привидения отеля «Руби». Всё это время они были призраками, а я лишь случайный путник, попавший в аварию недалеко от ворот отеля, моя душа, как и души папы и Дэниела, оказались в их мире.

— Ты мёртв, — глядя на Элиаса, шепчу я. — Ты погиб при пожаре.

Элиас переводит взгляд на меня. На его лице отражаются печаль и сожаление. Предельное одиночество. Он кивает и опускает глаза.

— «Руби» — великолепно, но жуткое место, Одри, — говорит Джошуа, его голос звучит громко и пронзительно. — Обычно постояльцы с тринадцатого этажа выбираются отсюда, думая, что всё случившееся с ними было лишь чудесным сном. Ты же превратила свой в кошмар.

— В этом нет её вины, — тихо отвечает Элиас. — Если уж на то пошло, это я привёл её в подвал.

Кэтрин, закатив свои идеально подведённые глаза, смеётся.

— Какой же ты олух! Всё время находишь себе романтические приключения. Это её ошибка, что она повсюду ходила за тобой, как щенок. У меня бы хватило ума этого не делать.

— Ну ещё бы, Кэти, — саркастически замечает Джошуа. — Ты же образцовый пример самоконтроля!

Она холодно улыбается.

— Нет, милый. От меня точно жди беды. А вот Эли, наоборот... — Кэтрин смотрит на него, подняв брови, и ждёт, когда он ей подыграет. Но Элиас даже не поднимает головы, погружённый в себя из-за той раны, что я разбередила. Кэтрин вздыхает. — Он хороший, — говорит она мне, хотя по-прежнему не отрывает глаз от него. — Эли всегда был хорошим.

Я откидываюсь на спинку стула; мысль о том, что в «Руби» живут привидения легче принять, когда лично познакомился с ними.

— Как вы это переносите? — спрашиваю я. — Жизнь здесь, день за днём? И каждую ночь переживаете всё то же самое? Всех этих туристов и истории о привидениях?

— Мне всегда было противно это слово, — отвечает Кэтрин. — «Привидения» подразумевает, что я должна парить в воздухе в белой простыне и кричать: «Бу!» Но при этом не могу взаимодействовать с людьми, касаться их. — Она отмахивается от этого варианта. — В чём тогда веселье? Они не могут меня видеть. А большую часть времени и я их не вижу.

— Люди... Ты имеешь в виду других? Кто они?

— Они живые, — отвечает Кэтрин. — Другие — это постояльцы, что остановились в реальном отеле «Руби» и ходят по нашим могилам с чудовищным пренебрежением. Они во всеуслышание заявляют о встрече с привидениями, но, поверь мне, не смогли бы понять, что это привидение, если бы оно подошло и пригласило бы на танец. — Она улыбается. — Хотя они не всегда здесь. Иногда они просто исчезают. Думаю, это из-за того, что мы в разных реальностях. Лично мне нравится, когда их нет. Без них тише. А ещё они порой забывают какие-то свои вещи, которые становятся частью отеля. «Руби» — то место, где находят приют потерянные вещи... как ты. В этом нет ничего ужасного. Так у меня появились восхитительные украшения.

Элиас расслабляет узел на галстук, и на меня накатывает волна сочувствия и нежности к нему. Он сказал мне, что понимает, что такое скорбь, и тогда я подумала, что умер кто-то, кого он сильно любил. Однако, на самом деле, умер он сам, но был оставлен скорбеть обо всём мире.

Лурдес кашляет, и этот звук полон боли. Джошуа вскакивает на ноги и садится на колени рядом с ней, шепча ей о том, что с ней всё будет хорошо. Что ей лучше не пытаться говорить. Глаза Лурдес с любовью смотрят на него, и уже заметно, что её кожа начинает восстанавливаться — некоторые места стали полупрозрачными и бледно-розовыми. Джошуа целует её в лоб и садится на пол, виском упираясь в кровать. Они все так привязаны друг к другу. Я завидую их близости — им повезло, что они есть друг у друга. Представить не могу, как ужасно бы было страдать вот так в одиночестве.

— Что случилось в ночь пожара? — спрашиваю я. — Почему никто не спасся?

Словно вырезанные из льда черты лица Кэтрин немного оттаивают, и она склоняет голову, как бы спрашивая разрешения рассказать историю. Элиас кивает.

— Что ж, начнём с самого начала, — говорит она, усевшись удобнее на стуле и скрестив ноги. — Это был тысяча девятьсот тридцать седьмой год, чествовали моего жениха. Вернее, — она улыбается, — чествовали семью Элиаса, но у них не было времени присутствовать на этом мероприятии, и они прислали нас вместо себя.

Жениха? Несмотря на то, что сейчас, возможно, это уже не имеет никакого значения, всё моё тело напрягается. Мне приходится бороться с желанием посмотреть на Элиаса, хотя я ощущаю, как он наблюдает за мной, ожидая моей реакции. Меня немного злит, что он ничего не сказал мне до этого. С другой стороны, он много чего мне не сказал. А это, пожалуй, самое маловажное из всего несказанного.

— Не ревнуй, Одри, — окликает меня Кэтрин, подтверждая лишний раз, насколько легко меня можно прочитать. — Элиас меня никогда не любил, я же была ветреной девушкой и устала от него. Я решила ускользнуть, чтобы выпить и отвлечься.

— Это буду я, — поясняет Джошуа, — тот, с кем она отвлекалась.

Кэтрин раздражённо стонет и резко замечает, что это произошло лишь один раз. Ко всему прочему, её мать не разрешила бы ей ехать с ним в одной машине, что уж говорить о том, чтобы выйти за него замуж. Джошуа говорит ей, что если бы она была помолвлена с ним, то их вообще бы не было на той убогой вечеринке. Пока они спорят, я украдкой бросаю взгляд на Элиаса. Его лицо не выражает никаких эмоций, словно он видит эту пьесу уже в миллионный раз. Затем его глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими, в них извинение. Кэтрин и Джошуа продолжают ругаться, и на одно короткое мгновение существуем только я и Элиас.

— Довольно, — говорит Кэтрин Джошуа и поднимает руку. — Так... — она поворачивается ко мне, — на чём я остановилась?

— На нашем «одном разе», — сухо отвечает Джошуа.

— Неважно. — Она продолжает свой рассказ: — После этого опрометчивого поступка, я вернулась на вечеринку и нашла Элиаса. Если бы в ту секунду я узнала, каким тираном был Кеннет, на какие чудовищные, за гранью понимания поступки он способен, то тут же бы ушла. Но, ничего не ведая об этом, мы с Эли позировали для фотографа из местной газеты. Они должны были выпустить и статью о нашей свадьбе. А потом... — Её голос дрожит, и она умолкает, крепко сжав губы. Джошуа поворачивается к ней с выражением боли на лице. Совершенно ясно, что он не держит на неё зла за то, что она постоянно ведёт себя как стерва.

— Когда я вошёл в бальный зал, — подхватив нить рассказа, говорит Джошуа, — то закрыл за собой двери и пошёл за барную стойку помочь Лурдес. Она плакала, на её предплечье виднелись отпечатки руки в виде тёмно-фиолетовых синяков. Конечно же, я знал, кто это сделал. Но я был не в том положении, чтобы остановить Кеннета от насилия над ней. Нас обоих бы выгнали с работы. Мы бы умерли с голоду.

— Я помог Лурдес с напитками, чтобы она ничего не напутала — нужно было убедиться, что всё в порядке, особенно когда я заметил наблюдавшего за нами Кеннета, который только и ждал новой возможности. Видишь ли, Одри, это не «Руби» сделал Кеннета таким чудовищем — он уже был им. Мы боялись его тогда, и страшимся его теперь.

Кеннет изводил их годами, устанавливая свои правила и наказывая их по своему усмотрению. Как, должно быть, невыносимо, когда из всех ужасных людей, в смерти власть над вами имеет тот же человек, что мучил вас при жизни! Моё сочувствие к Лурдес разрастается до бесконечности — я раздавлена тем, что выпало на её судьбу. Она, словно вновь очутившись на месте трагедии, наблюдает за рассказчиками.

— Это была свеча, — говорит Кэтрин. — Раздался звук бьющегося стекла, и мы с Элиасом повернулись в сторону бара. Управляющая уронила скотч, — с горечью произносит она и переводит взгляд на обгоревшее тело Лурдес. Но тут выражение лица Кэтрин смягчается, как будто она осознаёт, что Лурдес и так достаточно настрадалась.

— Бутылка выскользнула из руки Лурдес и упала на кафельные плитки пола, — продолжает Джошуа, — этим испугав стоящих рядом гостей. Я даже не стал смотреть на Кеннета, зная, что он уже направился к нам. Лурдес упала на колени и принялась сметать осколки в кучу голыми руками, ранив кожу о битые куски стекла. Пачкая всё кровью, она старалась убрать всё до того, как он подойдёт.

— В тот момент я увидел стоящих рядом Кэтрин и Эли. Только они уже не прижимались друг к другу. Эли хотел знать, где была Кэтрин, а она, защищаясь, подняла

подбородок — одинаково прекрасная и отвратительная.

— Цвета в зале, — говорит Джошуа в каком-то извращённом приступе ностальгии, — были такими яркими, такими живыми! Я переводил взгляд с лица на лицо — люди разговаривали и смеялись, но потом мои глаза нашли Кеннета. Его лицо натянулось от сдерживаемой злости, а пальцы на руках сжались в кулаки, в то время как он сам шагал в сторону бара. В его широких шагах сквозило удовольствие — ему нравилось бить женщин, а особенно, Лурдес.

Джошуа поднимает голову.

— Бедная Лурдес же, — с грустью шепчет он, — неистово пыталась привести всё в порядок, думаю, что у неё ещё оставался шанс избежать побоев. Я схватил тряпку, чтобы помочь ей.

Он умолкает, двигая челюстями, словно больше не хочет продолжать. Лурдес поднимает руку, чтобы коснуться его, показать, что она его простила. Эмоции, царящие в комнате, можно ощутить кончиками пальцев, и когда я смотрю на Элиаса, оказывается, он наблюдает за мной, и в его глазах такая печаль, какой мне ещё не приходилось видеть. В ответ мои глаза наполняются слезами, и мне хочется, чтобы их история закончилась по-другому. Мне хочется, чтобы они остались живы.

— Никто из нас не хотел находиться здесь, Одри, — мрачно говорит Элиас. — Никто из нас не думал о возможностях. Когда Джошуа опрокинул свечу, не было никакого эффекта замедленного действия — всё было проще: вот пламени нет, а вот оно есть. Алкоголь вспыхнул в мгновение ока. Ещё прежде чем мы услышали первые крики, гобелены вокруг дверей загорелись.

— Лурдес так и не успела подняться с пола, — продолжает Элиас. — Её мучения закончились почти так же быстро, как и начались. Джошуа пытался потушить себя, хлопая чернеющими руками по одежде. Но от этого огонь разгорелся лишь сильнее. Крича, с опалившимися волосами, он упал на ближайшего человека. Вскоре весь зал был объят ярко-оранжевым пламенем. Все гости, пронзительно визжа, бросились к двери, но в их одежде было не убежать. Первой упала пожилая женщина, и она вызвала цепную реакцию. Люди переползали друг через друга, но деревянные двери потерялись в пелене огня.

Я в шоке закрываю рот ладонью. Всё происходящее словно происходит на моих глазах — я ощущаю огонь, запах горячей плоти. Могу себе представить весь ужас той ночи.

— Схватив Кэтрин, я принялся искать другой выход, — возобновляет рассказ Элиас. — Я осмотрел весь огромный зал, но не увидел ни окон, ни других дверей. Кэтрин изо всех сил схватилась за мою руку, но не плакала. — Выражение лица Элиаса смягчается, а Кэтрин улыбается сквозь слёзы. — В ней было столько решимости выжить, как ни в одном другом человеке в той комнате. Даже во всём том хаосе в её глазах отражался огонь, но это был её собственный огонь.

— Стены вокруг нас были охвачены пламенем, — скорбно проговорила Кэтрин, — окружая нас в кольцо своих объятий. Я ещё крепче сжала руку Элиаса, когда до меня дошло — нас никто не спасёт. Никто.

Элиас подносит кулак к губам, некоторое время молчит, а потом продолжает свой рассказ:

— В зале стало невыносимо жарко. Я, кашляя, вдыхал последние остатки воздуха, зная, что скоро мы умрём. Вырвав свою руку из ладони Кэтрин, я бросился к ближайшему столу. Роняя на пол тарелки и столовое серебро, схватил белую льняную скатерть. Вновь схватив

Кэтрин, я завернул нас в эту скатерть, надеясь, что она уберёжёт нашу кожу от огня. Конечно же, это не помогло. Почти тут же мы упали на колени, а когда я посмотрел на Кэтрин, её кожа была измазана пеплом. На одной из её идеальных щёчек появились водяные пузыри.

— Прощу тебя, Эли, — заплакав, просит его Кэтрин. — Не надо больше. Я не в силах слушать дальше.

Элиас отворачивается от неё и устремляет взгляд на меня.

— С начала пожара прошло не более пяти минут, — рассказывает он дальше, игнорируя мольбу Кэтрин. — Крики затихли. Повсюду раздавались потрескивание горящего дерева, свист от горения охваченной пламенем ткани, хлопки от взрывающихся бутылок. Стук — если он вообще был — прекратился. Тогда мы этого не знали, но двери закрыли, чтобы пожар не перекинулся на весь отель. Когда воздуха стало не хватать, я упал вперёд и тогда уже увидел Кэтрин. Она лежала на полу, щекой прижимаясь к плитке. Не двигаясь. Мёртвая.

Он с трудом сплывает, а когда наши взгляды снова встречаются, у меня разрывается сердце.

— Жар подбирался к моим ногам, но я не почувствовал, когда огонь перекинулся на мою кожу. Я не чувствовал вообще ничего до тех пор, пока не очнулся в бальном зале, восстановленном в его былом великолепии. Там были и все остальные. Мы остались запертыми здесь. Навсегда.

Все мы сидим в тишине, только тихо, но в открытую, плачет Кэтрин. До меня доносится хриплое дыхание Лурдес, уже более глубокое и равномерное. Их история оказалась катастрофической, печальной.

— У меня душа разрывается от того, что с вами произошло, — говорю я, хотя понимаю, что слов недостаточно. — Я представить себе не могу... Я...

Звук моего голоса приводит Кэтрин в чувство, и она вытирает слёзы с лица, смущённая тем, что так эмоционально отреагировала на рассказ. Достав пудреницу, она смотрится в зеркальце, шумно шмыгая носом. Затем с силой захлопывает его, и щелчок эхом раздаётся по комнате.

— Эли, — спокойно говорит она. — Мы должны вернуться в бальный зал. Сейчас мы не можем рисковать. Кеннет будет в ярости.

Элиаса не удаётся убедить.

— Иди без меня, — отвечает он ей. — Мне ещё нужно объяснить Одри, почему её желание попасть на вечеринку не приведёт ни к чему хорошему. Несмотря на то, что в этом платье она выглядит сногшибательно. — Его комплимент не отменяет того, что близится спор.

— Отправляйся на вечеринку, Элиас, — тихо произносит Лурдес, а затем, постанывая, двигается. Джошуа встаёт на ноги, чтобы проверить, как она, а Таня убирает полотенце в сторону. Но Лурдес качает головой, показывая, что не нуждается в их помощи. Я замечаю, что её пальцы отросли.

— Ты тоже, Джошуа, — добавляет она. — Сегодня ночью бармен ты.

— Спасибо, — произносит Кэтрин так, словно Лурдес отправляла их в бальный зал от своего лица. Нежно улыбнувшись мне, она говорит: — Не пойми меня неправильно, Одри, но я правда надеюсь на то, что мы никогда больше не увидимся.

Я, закашлявшись, смеюсь и киваю.

— Я тоже на это надеюсь.

Кэтрин протягивает руку Джошуа, он, бросив на Лурдес обеспокоенный взгляд, берёт её, и они вместе выходят из комнаты.

Элиас в ожидании стоит в изножье кровати, засунув руки в карманы и стиснув челюсти.

— Лурдес, — начинает он, — она должна...

— Да, Эли, — отвечает Лурдес. — Как и ты, если не больше, я понимаю, как высоки ставки.

— Это всё здорово, — скрестив руки на груди, говорю я, — но, может быть, кто-нибудь объяснит мне, о чём речь?

Ненавижу, когда обо мне говорят, словно меня нет в комнате. Но они оба не обращают на меня внимания, вместо этого поедая друг друга взглядами. Наконец, Элиас уступает:

— Одри, — не спеша поднимать на меня глаза, говорит он. Когда же это происходит, его щёки краснеют, грустная улыбка обнажает ямочки. — Проклятье. — Он качает головой. — Я говорил тебе, что не захочу, чтобы ты уезжала, если мы продолжим в том же духе.

— Перед тобой нельзя было устоять, — отвечаю я, заставляя его рассмеяться. Я буду скучать по его смеху. Тут до моего сознания доходит, что я люблю его — несмотря на то, что

это недавнее чувство. Несмотря на то, что это слишком быстро. Это начало любви, и не той, что зависит от обстоятельств, а потом угасает, как было с Райаном. Эта любовь основана на принятии и понимании. Страсти и обожании. Я всегда ненавидела прощания, и это не исключение.

— Ещё увидимся, — небрежно произношу я, хотя мой голос дрожит. Элиас кладёт руку на грудь, словно я разбиваю ему сердце.

— Надеюсь на встречу, Одри Каселла. — Он вновь сверкает своей улыбкой с ямочками, затем разворачивается и уходит играть свою роль на вечеринке привидений.

Я откидываюсь на спинку стула, изо всех сил стараясь не зареветь. Таня помогает Лурдес устроиться на подушке, а потом отходит в другую часть комнаты, чтобы налить себе стакан воды. Я опаздываю. Мне нужно увести папу и Дэниела с вечеринки — но теперь, после того как воочию убедилась на что способен Кеннет, не знаю, как мне удастся пробраться туда мимо него.

— Прежде чем ты начнёшь отговаривать меня от того, чтобы пойти на вечеринку, ответь мне на несколько вопросов — кое-что я пока не смогла понять. Как я очутилась здесь? Ведь меня не было на пожаре.

— «Руби» полон привидений, — отвечает Таня. — И не все они души погибших во время того пожара. Сердечные приступы, суициды — многие умерли здесь, в отеле. А кого-то убили неподалёку. — Она показывает туда, где я видела кровь на её блузке. — Во время пешей прогулки.

Таня делает глоток воды, смущённая тем, что речь зашла о её собственной гибели. Через некоторое время она продолжает:

— Судя по всему, сюда попадают по-настоящему потерянные души. Те, кто были давно уже мертвы, но только не осознавали этого.

Лурдес тихонько постанывает, пытаюсь снова лечь поудобнее. Таня ставит свой стакан на комод, подходит к ней, садится рядом и берёт в руки полотенце и мазь.

— Это поможет облегчить боль, — шепчет она, когда Лурдес хочет откинуть её руку.

— Мне плевать на боль, — резко отвечает Лурдес. Девушки обмениваются долгими взглядами, и вот Таня плюхается на стул рядом с моим и, положив ноги на кровать, приподнимает одно плечо вверх, показывая Лурдес, что та может делать всё, что ей вздумается. Но их перепалка не несёт в себе враждебности, а скорее, напоминает перепалку двух сестёр.

— Дело не только в вечеринке, Одри, — говорит Лурдес, чей голос уже больше напоминает её собственный. — Тебе нужно уехать сегодня, сейчас. Я обещала твоему брату.

— Моему брату? Что... что ты хочешь сказать? — спрашиваю я, начиная чувствовать, как меня охватывает паника. — Как много известно Дэниелу?

— Всё. Он приходил ко мне. До того, как случилось это. — Она показывает на своё тело. — Он боялся, что ты останешься, когда поймёшь, что происходит на самом деле.

Я захвачена врасплох её словами. И зла на Дэниела за то, что он знал всё о «Руби», но ничего мне не сказал. То, что он хотел справиться со всем сам, в одиночку, разбивает мне сердце.

— Никто из нас не останется здесь, — говорю я. — Я бы никогда не смогла оставить его. Поэтому я вернулась — чтобы забрать брата с собой. И нашего отца тоже.

Лурдес беспомощно вздыхает.

— Что? — спрашиваю я. — В этот раз у них не получится прогнать меня с вечеринки. У

меня есть приглашение.

— Дерьмово, — бормочет Таня. Внутри меня всё опускается, и по рукам медленно начинает подниматься страх.

— С чего это? — нервно спрашиваю я. — Почему я получила приглашение? Почему именно сейчас?

Они обе молчат, но вот Лурдес поворачивает ко мне лицо.

— Потому что, Одри, ты умираешь, — просто говорит она. — Твоё тело умирает, и если ты умрёшь здесь, то останешься в «Руби» навсегда. Будешь заперта в отеле вместе с нами. Приглашение — это знак. Знак того, что ты отпускаешь себя.

Я в паническом ужасе. Пусть мне было понятно, насколько тяжёлым было моё состояние там, на обочине дороги, но задумалась ли я о том, что умру? Смогу ли вернуться, если это случится? Стоп. Это значит...

— Нет, — мотая головой, говорю я. — О боже! Мой брат, мой отец — они уже ходили на вечеринку. Они... — Я вскакиваю со стула, от чего он падает боком на пол. — Они не могут уехать отсюда, — шепчу я. — И Дэниел не хотел, чтобы мне стало об этом известно. Он понимал, что я его не оставлю.

Становится тяжело дышать. Я не могу сделать вдох. Обойдя перевёрнутый стул, выбегаю в коридор. Там сгибаюсь пополам, давясь слезами. Моя ладонь опирается о стену, но тяжёлые рыдания сотрясают моё тело, и я падаю на колени на ковёр.

Мой брат умер, и мне никак его не спасти. Они все умерли, но я же могу остаться в живых. Однако, как я смогу выжить, пережив это? Как Дэниел справится со всем, когда я уйду? Он лежит мёртвый у дороги.

— Мне жаль, что ты оказалась здесь, — раздаётся голос Тани. Я поднимаю голову и вижу, что она сидит на корточках рядом со мной. Её тёмные глаза полны сострадания и симпатии.

— Тебе не обязательно идти на вечеринку. — Таня показывает на конверт, что я выронила, когда увидела обгорелое тело Лурдес. — Ты ещё не воспользовалась своим приглашением, Одри. У тебя ещё есть время вернуться домой.

Этой девушке лучше всех, должно быть, понятны мои чувства — ведь она тоже не из отеля.

— Я просто могу вернуться на тринадцатый этаж и очнуться? — спрашиваю я её. Она кивает. — Но мне придётся оставить своего брата, своего отца, Элиаса и всех моих друзей, и они будут продолжать страдать в «Руби» от рук Кеннета. Как я смогу жить, зная об этом?

Таня садится на ковёр и качает головой.

— Я была как ты, — погрузившись в свои мысли, говорит она. — Когда я впервые оказалась в «Руби», то сначала тоже жила на тринадцатом этаже. Мы жили там вместе, я и моя сестра.

Я, перестав плакать, шмыгаю носом и поворачиваюсь к ней.

— Твоя сестра здесь?

— Уже нет. — Таня смотрит в пол, повторяя пальцем узоры на ковре. — Кори ушла, ей здесь не нравилось. Лурдес рассказала нам, что случилось, и Кори... она потеряла голову, стала крушить вещи. Чем напугала других постояльцев, да так сильно, что через несколько недель сюда нагрянули репортёры, чтобы снять сюжет. За это Лурдес была отослана — но сначала Кеннет сжёг её, как сегодня. Её не было с нами до тех пор, пока не появилась ты. Лурдес — часть отеля, а «Руби» рассчитывает на то, что она будет принимать новых гостей.

Даже Кеннет не может противостоять этому.

— А что ты? — спрашиваю я, начиная приходить в себя. — Почему тогда ты осталась, раз знала всю правду?

— Потому что для меня уже было слишком поздно. Я уже сходила на вечеринку. Мне хотелось нарядиться в красивое платье. Быть кем-то. Я подумала, жизнь — дерьмо, а тут ты никогда не умрёшь. Останешься навсегда в отеле с компашкой других привидений, будешь проводить с ними время, ходить на вечеринки, целоваться в коридорах. — Она ухмыляется мне. — Но моя сестра оставила меня здесь. А когда Лурдес отослала, я оказалась на её месте, в числе персонала. Тем лучше. Но вечеринка того не стоила.

— Ты ненавидишь свою сестру? За то, что она оставила тебя здесь?

Таня, склонив голову, обдумывает мой вопрос.

— Сначала я её ненавидела, да. Но мне хотелось, чтобы она вернулась, прожила свою жизнь. Было бы нечестно хотеть иного. — Таня удивляет меня, когда протягивает руку и убирает мне за ухо прядь волос. Это такой материнский жест, что я чуть было не начинаю плакать снова. — Дэниел поймёт, если ты уйдёшь. И он поймёт, если ты останешься.

Она выдыхает, прислонившись затылком к стене.

— С твоим братом всё будет хорошо. Вот за кого я переживаю, так это Элиас. На протяжении всех лет, проведённых здесь, я видела, насколько ненавистны были ему все эти вечеринки. Он всегда был таким грустным и одиноким. Другие работники говорили, что иногда он заводил интрижки с другими девушками, особенно если те останавливались на тринадцатом этаже. — Она пожимает плечами. — Но, если верить слухам, он никогда не хотел, чтобы кто-то из них остался. Кто знает, может, он специально выбирал тех девушек, что должны были покинуть отель. Или, может, — она улыбается, — ему было всё равно, потому что ни одна из них не была тобой. Потому что всё это время Элиас ждал тебя. Он не хочет, чтобы ты уходила, Одри. Он сам нам так сказал.

— Я не могу остаться, — говорю я. — Он знает это.

— И поэтому никогда не позволит тебе поступить по-другому, — с симпатией отвечает Таня. — Я просто хотела, чтобы ты знала — у тебя есть выбор. «Руби» даёт тебе выбор.

Она касается моего плеча, а затем поднимается на ноги. Потом подаёт руку мне, и я тоже встаю. И тут же вспоминаю, что по-прежнему одета в вечернее платье и туфли на каблуках. По-прежнему одета для вечеринки, а передо мной, на полу, чернеет приглашение.

Невозможно до конца осознать всё, что я узнала. Всё, что со мной случилось. Но мне нужно снова увидеться с Дэниелом и папой — я должна попрощаться. Когда я представляю этот момент, у меня разбивается сердце. Почему я не могу попытаться спасти их? Я должна сделать хоть что-то.

— Удачи, Одри, — подходя к двери в комнату Лурдес, говорит Таня. — Я держу за тебя кулачки.

Я благодарю её и смотрю, как она уходит. У меня нет чёткого плана, но всё равно, ничто уже не будет таким, как прежде. Так что я поднимаю чёрный конверт и направляюсь к лифту.

***

В вестибюле полно народа. Многие одеты в вечерние платья и смокинги, но есть и те, кто пришёл в обычных костюмах. *Другие*. Люди, что пришли сюда ради забавы. Ради

привидений, хотя, по словам Кэтрин, она даже не может их коснуться.

Тут я внезапно останавливаюсь, вспомнив кое-что из рассказа Тани. Её сестра закатила истерику, напугав постояльцев отеля — реальных постояльцев. Но как? В том смысле, что, по-моему, самая злобная здесь Кэтрин. Так каким образом сестра Тани смогла произвести такой эффект?

Рядом со мной останавливается парень в баскетбольных шортах и перевёрнутой козырьком назад бейсболке, на его губах красуется самодовольная ухмылка. От него разит дезодорантом, а сам он плотоядно разглядывает собравшихся в вестибюле девушек. Тут мне в голову приходит идея, от которой подпрыгивает сердце. Я медленно поднимаю руку и касаюсь его плеча.

Он вскрикивает и оборачивается кругом, озираясь в разных направлениях. Смотрит сквозь меня. По моему телу пробегают мурашки, и я подхожу ближе.

— Ты меня видишь? — дрожащим голосом спрашиваю я.

Парень не отвечает, и я провожу костяшками пальцев по его щеке. Он хлопает себя по лицу, словно пытаясь прищёпнуть насекомое, на его лице испуг. Он в ужасе пятится назад, стесняясь позвать на помощь, но слишком напуган, чтобы не обратить на меня внимание. Он знает, что я здесь.

Как знает и то, что меня здесь нет.

Волнение от происходящего вселяет в меня смелость, и я направляюсь в сторону бального зала. По дороге отталкиваю в сторону парня в шляпе, коснувшись его тела. Он лихорадочно вертится вокруг себя, а затем убегает. Ощущение веса его тела на ладонях открывает мне новые перспективы. Я собираюсь противостоять Кеннету — и даже если он сожжёт меня до пепла, я не уйду отсюда без боя. Не оставлю свою семью под его деспотичным контролем.

У входа в бальный зал стоит небольшая группа людей, и я умышленно прохожу сквозь эту компанию, готовая потребовать пропустить меня к портье. Но тут замечаю светловолосую голову своего брата, за локоть которого держится Элиас, и они вместе вылетают из дверей мне навстречу.

Глаза Дэниела вспыхивают ярким пламенем, когда он видит моё платье и приглашение в руке. Отталкивая других постояльцев, он протискивается сквозь них, чтобы быстрее добраться до меня. Как только на его пути никого не оказывается, наши взгляды встречаются. И тут вся его братская злость перерастает в печаль; он опускает плечи под весом правды.

Элиас идёт вслед за ним, нервно кивая остальным гостям, извиняясь, когда приходится кого-то отодвигать, чтобы пройти. Он то и дело беспокойно поправляет галстук, а миновав толпу, смотрит на меня, качая головой, и устремляется вперёд.

— Нам нужно убраться отсюда, — резко говорит он, хватая меня под руку. Я отдёргиваю её, но смотрю при этом на брата.

Сначала Дэниел просто молчит. Его губы белеют от того, как сильно он старается не поддаваться эмоциям, напоминая мне о дне похорон нашей мамы. Теперь я понимаю, почему это его выражение так разбивало всем сердца — в нём столько боли и незащитности, которые никак не спрятать. Дэниел открывает рот, чтобы заговорить, но тут же быстро моргает и поднимает глаза к потолку, словно не хочет, чтобы голос его выдал.

Странно, что боль, которую испытывает кто-то другой, иногда может сломить тебя быстрее, чем твои собственные чувства. Прямо сейчас я из последних сил борюсь с собой, чтобы не обнять брата и не расплакаться. Чтобы не начать умолять его очнуться.

— Я даже спрашивать не буду, почему ты в этом платье, — собравшись, говорит Дэниел, — это не имеет значения. Сейчас ты развернёшься и покинешь это место, пока не объявился портё. Поспорить мы можем по дороге.

— Да, я поддерживаю, — быстро произносит Элиас, показывая на коридор, ведущий к лифтам.

Я бы оценила проявление чувств, но вот только ни один из них не намерен вести со мной душевные беседы вдали от любопытных глаз. Они собираются отвести меня на тринадцатый этаж, где на прощание погладят по головке и чмокнут в щёку, а сами вернутся вниз, чтобы противостоять ярости Кеннета, как два идиота.

— Нет уж, — скрестив руки на груди, отвечаю я, отлично понимая, как со стороны выглядит этот мой каприз, но, надеюсь, моё поведение скажет лучше слов. Дэниел — мой старший брат, но он фигово выбрал время, чтобы играть эту роль.

— Ты должен был рассказать мне всё, — говорю я ему. — Я знаю о «Руби», о вечеринке и о приглашении. Вместе мы могли бы что-нибудь придумать.

Несколько человек неподалёку от нас замечают наш спор. Элиас делает ещё один шаг вперёд, пытаясь отвести меня вперёд, но я стряхиваю его руку.

— А ты не думаешь, что я пытался всё изменить? — отчеканивает Дэниел. — Что умолял об этом? — Его лицо страдальчески искривляется. — Я говорил с папой, с Кеннетом, даже с Кэтрин — никто ни может изменить этого, Од. Поэтому я просил тебя не доверять им. Они — часть «Руби». Я, — он хлопает себя в грудь, — часть «Руби».

— Нет! — Я хватаю его за руку. — Дэниел, мы можем найти папу и подняться на мой этаж, — чувствуя, как меня захватывают эмоции, я перехожу на шёпот. — Это выход, так мы вернёмся обратно на дорогу.

Дэниел обхватывает моё запястье и крепко сжимает, чтобы удержать на себе моё

внимание.

— Я больше не могу подняться на твой этаж, — с болью в голосе произносит брат. — В лифте нет даже кнопки с этой цифрой, Одри. Он не существует. Этого этажа в отеле нет. И если тебе всё-таки удастся привезти меня туда, то, подозреваю, я выйду из лифта напрямиком в вестибюль.

Он переводит взгляд на Элиаса, который кивает, подтверждая его слова.

Надежда, что наполняла меня, испаряется, сменяясь отчаянием. Работники отеля говорили мне, что уже поздно, но я продолжала хвататься за возможность того, что они ошибались. Я думала, что они должны были ошибаться. Мы с Дэниелом особенные — мы спасёмся. Я делаю судорожный вдох, мои руки безжизненно падают вдоль тела.

— Единственное, что имеет значение, — продолжает Дэниел, смягчив тон, — это то, что ты отправишься домой. Я просил Лурдес помочь, потому что знал — ты уже вбила себе в голову, что я нуждаюсь в тебе. Но тебе придётся оставить меня здесь.

— Мама бы никогда тебя не оставила.

Дэниел делает шаг назад, выглядя преданным из-за того, что я упомянула о ней.

— Да, — соглашается он. — Но ты не она, Одри. Тебе не нужно исправлять это. Ты не сможешь.

Конечно же, он прав. Из бального зала до меня доносятся едва различимые звуки песни, той самой чёртовой песни, они зовут меня назад. Я позволяю приглашению выскользнуть из моих рук и наблюдаю, как оно планирует на пол.

— Ты слабак, — поднимая глаза на брата, говорю я. Элиас удивлённо поворачивается в мою сторону, но Дэниел лишь улыбается. Озорной, обаятельной улыбкой — эта его часть никогда не поменяется.

— Знаю, — соглашается он, — но я становлюсь лучше. — Несмотря на улыбку, его слова пронизаны глубокой печалью. — И следую твоему совету.

— Давно пора, — на автомате отвечаю я, мой боевой дух сошёл на нет.

— Собираюсь оторваться на всю катушку. Оказывается, я потрясный парень.

Элиас фыркает от смеха, а затем вновь говорит мне, что мне нужно уходить. Я с отчаянием смотрю в сторону лифтов, в сторону моего обратного билета отсюда. Мне слышно, как тяжело сглатывает Дэниел, и тут я подпрыгиваю к нему и, крепко обхватив руками за шею, обнимаю.

— Я буду помнить тебя таким, — говорю я в его рубашку. — В этом костюме, с причёсанными волосами. — Он смеётся, ещё сильнее обнимая меня в ответ. — Потому что когда я очнусь, — срывающимся голосом продолжаю я, — ты будешь лежать на обочине дороги, и, Дэниел, это просто ужасно! Я не могу встретиться с этим! Не могу.

— Тебе придётся, — шепчет брат, отстраняя меня от себя. Толпа вокруг нас стала громче, взбудораженная устроенной нами сценой.

— Дэниел, — предостерегающе говорит Элиас. Мой брат поднимает глаза и замечает что-то поверх моего плеча. Он распрямляет спину, выражение его лица становится жёстче.

— Тебе нужно уходить, Одри, — настаивает он, его глаза смотрят куда-то за меня. — Прямо сейчас. У тебя почти не осталось времени.

— Боюсь, он прав, мисс Каселла.

Толпа умолкает, страх поднимается по моему телу и хватает меня за горло. Я разворачиваюсь и вижу стоящего в центре вестибюля Кеннета, тошнотворно улыбающегося, на его щеках горит победный румянец. На нём чёрный смокинг, и он сложил свои маленькие

ладошки на полы пиджака.

Элиас выставляет руку, кладёт свою ладонь на моё бедро и выступает вперёд. Мне приятны его попытки оградить меня от портье, но я сомневаюсь, что из него выйдет хороший щит. Дэниел тоже подходит ближе. Кеннет с издёвкой улыбается над этим проявлением защиты, смеясь над нами.

— Вы можете идти, если хотите, мисс Каселла. Незачем было поднимать такую шумиху. Честно говоря, с этими вашими ребяческими закидонами, можно засомневаться в вашем воспитании.

— Сукин сын, — произносит Дэниел, ярость берёт над ним верх. Он делает не больше двух шагов вперёд, как из него вырывается ужасный звук и его руки обхватывают голову с обеих сторон. Я выкрикиваю имя брата, он пошатывается из стороны в сторону, по его шее струится кровь. Вытекая из раны на голове. Элиас сдерживает меня, но я борюсь с ним, а когда Дэниел падает на пол, меня уже ничто не может удержать. Освободившись от Элиаса, я сажусь на колени рядом с братом и прикладываю ладони к трещине на его черепе, но кровь продолжает вытекать сквозь мои пальцы.

Мой брат старается произнести моё имя, но давится кровью, что затекла ему в рот, и поворачивается на бок, чтобы откашляться. Мне ещё никогда не приходилось видеть ничего столь ужасного, как его раны, и мои ладони не могут остановить поток тёплой крови, которая, пульсируя, стекает с моих пальцев. Я приподнимаю Дэниела и опускаю его голову себе на колени, повторяя ему, что всё будет хорошо. Его тело дёргается. Я наблюдаю, как он умирает — в точности так же, как он умирал там, у дороги.

— Ш-ш-ш, — шепчу я ему, позволяя вестибюлю вокруг нас исчезнуть. Моё тело трясёт от эмоционального срыва. В моём сознании мы больше не в отеле. Я сижу на коленях рядом с ним, в кювете, нас окутывает холодный воздух, на нашей коже блестят капельки росы. Единственный свет здесь — это свет фар перевернутой машины.

— Я здесь. Я не оставлю тебя.

Дэниел продолжает бороться за жизнь, но его кожа становится серой. Он впивается пальцами в подол моего платья, дрожа и мучаясь от боли. Брат поднимает на меня глаза — они полны слёз. Я печально улыбаюсь ему, пытаюсь утешить его, дать понять, что он не один.

— Я рядом, — шепчу я, отодвигая его золотистые локоны подальше от крови.

— Одри, что... — Голос отца раздаётся за моей спиной, и я смотрю на него через плечо.

Он, вместе с остальными, стоит в вестибюле, одетый в смокинг, волосы гладко приглажены. Увидев Дэниела, папа ахает и прикрывает ладонью рот. Он падает на колени на землю рядом со мной, свет фар освещает одну сторону его лица. Взяв ладонь Дэниела в свою руку, отец крепко прижимает её к своей груди, пачкая себя ярко-красной кровью.

— Дэн, — зовёт он. — Дэниел, мы здесь.

Зубы Дэниела стучат, глаза широко раскрыты... я вижу, как он напуган, как страшно ему умирать. Это уже с ним происходило, но теперь мы рядом, и ему никогда больше не придётся умирать одному.

Его веки тяжелеют, хватка слабеет. Я не плачу — больше не могу плакать. Я потеряла всё, что мне было дорого, и у меня больше ничего не осталось. Теперь от меня только один толк — быть сильной, быть сильной ради нас обоих. Такой, какой я должна была быть, когда умерла мама.

— Я люблю тебя, Дэн, — наклонившись, чтобы поцеловать его лоб, шепчу я. От ночного воздуха его кожа стала ледяной. — Я люблю тебя.

Я закрываю глаза, а когда снова их открываю, мы вновь в вестибюле отеля «Руби». Я осторожно перекладываю голову брата на сияющий пол, в лужицу ярко-красной крови. Вокруг нас троих собралась толпа зевак, Дэниел мёртв. Мой отец рыдает рядом с ним, прижимая к губам его кулак.

— Возвращайся, — шепчет он, крепко зажмурившись. По-прежнему находясь там, в кювете. — Вернись, Дэн.

Элиас садится на колени и касается моей руки.

— С ним всё будет в порядке, — ласково шепчет он мне. — Дэниел скоро снова очнётся.

— Нет, — словно в ступоре отвечаю я и поднимаю на него глаза. — Не на самом деле. Не в реальной жизни. Только здесь.

Элиас наклоняется и кладёт голову на моё плечо, жалея меня. Жалея обо всём.

— Как видите, — раздаётся в помещении резкий голос Кеннета, который обращается к собравшейся вокруг нас толпе, — здесь всё кончилось. Возвращайтесь на вечеринку. Мисс Каселла уже уходит.

Мой отец поднимает глаза, вспомнив, где он находится. Он поворачивается ко мне с бледным лицом.

— Ох, малышка, — качая головой, произносит он. — Ты не должна здесь находиться. Нет, ты... — Папа поворачивается вокруг, убеждаясь, что мы по-прежнему в «Руби». — Мне не следовало позволять тебе оставаться здесь так долго. Боже, я так виноват. — Он кладёт на пол руку Дэниела и тянется ко мне. — Прости меня за всё.

Папа притягивает меня к себе, его тело сотрясают рыдания. Наконец он осознал, что его сын на самом деле мёртв. Я кладу голову ему на плечо, снова чувствуя себя маленькой девочкой. И прощаю своего отца за то, что он оставил нас после смерти мамы... потому что он *мой папа*. Тот, кого я всегда знала, но о ком забыла. Он снова и снова просит у меня прощения, и не только за эти последние дни в «Руби», не только за аварию на тёмном шоссе. Он просит прощения за каждую минуту, что упустил после маминой смерти. За каждую минуту, что мы упустили.

— И ты извини меня, папа, — шепчу я, вцепляясь пальцами в отвороты его смокинга. Я крепко сжимаю веки и вдыхаю аромат маминого стирального порошка. Аромат дома. Желая, чтобы все мы снова были вместе.

— Это всё, конечно, очень трогательно, — жёстко говорит Кеннет, — но время не ждёт. И если вы, мисс Каселла, всё-таки не планируете воспользоваться своим приглашением, то я должен попросить вас вернуться на свой этаж.

Мы с папой отстраняемся друг от друга, и он убирает с моего лица волосы, не отрывая от меня глаз.

— Я буду скучать по тебе, малышка, — шепчет он. — Больше всего на свете.

Он шмыгает носом, вытирает щёки и поднимается на ноги. Затем, расправив смокинг, испачканный кровью, вежливо, словно джентльмен, кивает Элиасу.

Элиас кивает в ответ и протягивает мне руку. Я пялюсь на его протянутую ладонь, а затем обвожу взглядом вестибюль, блистательный в своей красоте и величественный. Люстру, камин, сверкающие рамы и роскошные гобелены. Это прекрасное, но жуткое место. Хотя, может быть, так кажется из-за Кеннета.

Большинство зевак исчезло, вернувшись к своим ролям в бальном зале, как приказал им Кеннет. Другие тоже исчезли в своей собственной реальности.

Я позволяю Элиасу поднять меня на ноги. И вот я стою и смотрю вниз, на тело своего брата, моё платье пропиталось кровью. Я должна бояться, но больше не чувствую страха. Не боюсь. Ни смерти. Ни Кеннета. Портье, прищурившись, смотрит на меня, моё спокойствие, похоже, приводит его в замешательство.

— Мисс Каселла, — потеряв самообладание, шипит он. — Ваше время вышло. Возвращайтесь на свой этаж.

Музыка, звучащая из бального зала, становится всё громче. Это моя песня — та самая, что играет на обочине дороги, повторяясь снова и снова. Здесь мелодия звучит медленнее, её труднее узнать. Она наполняет меня ощущением щемящего томления, но в то же время напоминает мне о том, к чему я вернусь. Моё тело тяжелеет, начинает болеть. Я вновь опускаю глаза на Дэниела.

В другом конце вестибюля открывается дверь для персонала. Оттуда, рука в руке, выходят Кэтрин и Джошуа. Она в своём белом платье похожа на мечту, но поражает не это. Всё дело в Джошуа, одетом в костюм, который выглядит как гость вечеринки. Глаза Кеннета расширяются, и он шагает в их сторону.

— Что это всё значит? — не веря своим глазам, вопрошает портье, его лысая голова заливается краской. — Джошуа, переодевайся обратно в униформу! Мисс Мастерс, это против правил!

Кэтрин улыбается милой, обаятельной улыбкой. Она отходит от Джошуа и медленно направляется к Кеннету, склонив голову набок и глядя на него.

— Да, душка, я знаю, — высокомерно заявляет она, затем переводит взгляд на Дэниела, но быстро отводит глаза. — Но ты убил моего спутника. Мне пришлось импровизировать.

Кеннет хмурит брови, пытаясь угадать её намерения. Он поворачивается к Элиасу, чтобы приказать ему стать спутником Кэтрин и отвести её на вечеринку, но серебристый сполох останавливает его. Прежде чем кто-то из нас успеваеет понять, что происходит, Кэтрин хватается за голову и рассекает ножом его горло, из широкой раны фонтаном брызжет кровь.

Кеннет издаёт булькающие звуки, его взгляд скользит в сторону Кэтрин, пальцы пытаются зажать рану. Кэтрин же, насмешливо ухмыляясь, позволяет ему упасть на колени, а затем портье, давясь собственной кровью, замертво падает на пол.

— Я устала следовать правилам, — мурлычет Кэтрин его подёргивающемуся телу и бросает нож, который с лязгом ударяется о мраморный пол. Она делает долгий, тяжёлый выдох, а потом улыбается Элиасу. — Теперь я понимаю, почему управляющая так часто это делает. В этом столько удовольствия!

Джошуа подходит к Кэтрин и встаёт рядом, достаёт из нагрудного кармана носовой платок и протягивает ей. Пока она стирает с рук кровь, они вдвоём, не выражая никаких эмоций, смотрят на тело портье. Затем Кэтрин поднимает глаза на меня и улыбается.

— Мы подумали, что мой отвлекающий манёвр может сыграть тебе на руку, — говорит она, показывая на Джошуа.

— А теперь тебе лучше поторопиться, — вмешивается Джошуа. — Через несколько минут он восстановится в прежнем состоянии и будет в бешенстве.

Хотя частично это было мстью портье за его тиранию, тем не менее, Кэтрин и Джошуа пытались мне помочь. Я благодарна им, но в то же время понимаю, что их накажут. В

водвороте вечности, это, может, покажется мгновением — но боль есть боль. И мне ненавистна сама мысль о том, что он имеет над ними такую власть.

— Тебе нужно идти, — шепчет Элиас. Его ладонь скользит по моей руке, притягивая меня ближе. — Прошу тебя, Одри. — Он зарывается лицом в мои волосы и умоляет меня уходить, его тёплое дыхание щекочет мне шею. — Пока это не стало настоящим.

Настоящим. Я распрямляю плечи, мой мозг работает, собирая вместе кусочки.

— Я настоящая, — говорю я сама себе, анализируя слова. Элиас всё так же упрашивает меня уходить, но у меня в голове прокручивается та ночь, когда мы ходили к фонтану. Лурдес дала мне обезболивающее — таблетку, которая на работников отеля не действовала. Но я ощутила её действие. Я слышу музыку, что играет в нашей разбившейся машине, ту песню, которую Элиас не слышит. Я могу прикасаться к людям — то, что Кэтрин, по её словам, делать не может.

И тут на меня нисходит озарение, моё тело расслабляется, пусть даже на одно мгновение. Я понимаю, что всё это значит — по крайней мере, в «Руби» — я настоящая. Я нахожусь в обеих реальностях. Я всё ещё жива, моё сердце бьётся, мозг посылает сигналы всему телу. Поэтому Кеннет так хочет удержать постояльцев с тринадцатого этажа от персонала отеля? Если я смогла дотронуться до того парня в вестибюле, заставить его трястись от страха, то что я могу сделать с Кеннетом?

Скоро выясним.

Я кладу ладонь на плечи Элиаса, отталкивая его от себя, и он смотрит на меня с такой грустью и одиночеством в глазах, словно я уже уйду к лифтам и исчезаю из его загробной жизни. Я наклоняюсь и целую его, положив ладонь ему на щеку. Он не мешает мне, закрыв глаза, чтобы сдержать слёзы. Но только вот я не собираюсь никуда уходить.

Не говоря ни слова, я разворачиваюсь и направляюсь напрямик к стойке регистрации. Ахает Кэтрин, за моей спиной раздаётся шум шагов, как будто кто-то следует за мной. Маленькая дверь за стойкой открывается, и появляется Кеннет — с красным от ярости лицом. Прежде чем кто-то из моих друзей успеет вмешаться, он злобно машет рукой, они стонут и умолкают. Я не оборачиваюсь, представляя, что все они, должно быть, мертвы. Сожжены, наказаны за то, что помогали мне. Мои руки сжимаются в кулаки.

Кеннет подходит ближе к стойке, его подбородок опущен, глаза сверкают.

— Вижу, вы всё ещё здесь, — его голос похож на низкое рычание. — Похоже, вы не совсем понимаете, в какой ситуации находитесь.

— А, может, очень даже понимаю, — отвечаю я. Тут по его лицу пробегает волнение, но он пытается скрыть его, рассмеявшись.

— А я думаю, что нет, — снисходительно говорит он. — Видите ли, мисс Каселла, ваше тело...

— Да, Кеннет, — перебиваю я его, — я в курсе. «Руби» мне уже всё показал. Я умираю на обочине дороги всего в трёх километрах отсюда. Но я никогда не приняла бы то, что произошло. Я вернулась за своей семьёй.

— Что? — Злоба постепенно сходит с его лица. — Это... почему вы сделали это? — требовательно спрашивает он.

— Сначала, — начинаю я, с каждой секундой становясь всё храбрее, — я подумала, что смогу их вытащить отсюда. — Кеннет усмехается, но я продолжаю говорить: — А когда поняла, что это невозможно, то подумала, что, может, мне удастся убить вас.

Портье перестаёт смеяться. Мои слова обрушиваются на него, он осознаёт их смысл, на

его лицо ложится тень сомнения. А потом мимолётно вспыхивает страх.

— Вы... не можете, — говорит он, но его голос звучит не очень уверенно. — Вы не можете, — повторяет он, но, похоже, больше для того, чтобы убедить самого себя.

Теперь я понимаю, как он контролирует людей в «Руби». При помощи *страха*. Лурдес, Элиас, мой брат, остальные — на самом деле, их здесь нет; их тела не могут чувствовать боль. Кеннет не имеет над ними никакой власти. До тех пор, пока они ему этого не позволяют. Он может причинять им боль только потому, что они так думают. Они сами делают это своей реальностью. А в «Руби» реально то, что ты делаешь реальным.

Но я не часть «Руби» — я всё ещё связана с миром живых, хоть это и не продлится долго. Где-то вдалеке по-прежнему играет песня, но уже тише. Я умираю. Я умираю с тех самых пор, как попала в отель. Я закрываю глаза, а когда открываю их, вокруг меня суматоха и гомон оживлённого отеля, полно людей. Они проверяют свой багаж перед стойкой регистрации, разговаривают с дежурным за стойкой, которого я видела в день нашего прибытия. Это другие, что ходят по могиле отеля «Руби».

Кеннет боязливо озирается по сторонам, а потом хватается меня за руку и притягивает к стойке так близко, что я почти лежу на ней.

— Я управляю этим местом, — кричит он, разбрызгивая слюну. — Я здесь главный.

Мне вспоминается тот случай, когда он сказал мне, что у меня кровоточит рана на голове, а потом я обнаружила, что ничего такого нет. И вот он снова пытается проделать то же самое, но на меня больше не действуют его злые чары. Я вижу, как меняется его упитанное маленькое лицо, когда он понимает это.

— Ты не можешь причинить мне боль, Кеннет, — спокойным тоном говорю я. — Ты ни черта не можешь сделать.

— Что? — Он, не веря в происходящее, мотает головой, обнажив зубы. Они острые и похожи на зубы акулы, но портье больше не пугает меня. Теперь уже нет.

Песня, играющая за моей спиной, начинает звучать громче, зазывая меня назад. Время вышло — мне придётся войти в лифт или я рискую остаться здесь навсегда. Мои глаза опускаются на ладонь Кеннета, сомкнувшуюся вокруг моего запястья. Он заставляет людей страдать, возвращая их в то состояние, в котором они есть на самом деле — сожженные или сломленные. А что случится с Кеннетом, если я перетащу его в реальный мир? Каким *он* там окажется?

Я резко вытягиваю руку и крепко хватаюсь за лацкан его смокинга. Испугавшись, портье начинает бороться, отпускает моё запястье в попытках разжать мои пальцы. Я закрываю глаза, вслушиваясь в песню, позволяя мелодии наполнить сознание. И вот мою кожу холодит ночной воздух на обочине дороги. Ноют мои сломанные кости. Раны на моём теле.

— Стань таким, какой ты есть на самом деле, Кеннет, — решительно шепчу я своё желание. — Стань таким, какой ты есть на самом деле.

Кеннет взывает от боли, его борьба постепенно сходит на нет. Я открываю глаза — моё лицо в нескольких сантиметрах от его мерзкого лица. Портье рычит, и тут его кожа начинает высыхать. На Кеннете появляются ожоги, на щеках — волдыри, которые разрываются и открывают плоть, а он кричит от боли. Его тело под смокингом становится легче, но я, хоть и испытываю отвращение и ужас, набравшись смелости, продолжаю крепко держать его. Моя боль утихает, музыка становится всё тише — моя связь с внешним, реальным миром исчезает.

Я чувствую, как растворяюсь; смерть рядом, и она крадёт моё тепло, замедляет моё сердце. Но я продолжаю толкать Кеннета в мир, которому он не принадлежит. И это пугает его. Уничтожает его.

Кеннет боится только одного — меня. Я вернулась, но ему никогда не понять причин этого. Ему никогда не понять, как сильно я люблю свою семью и что я пойду на всё, лишь бы защитить их. Я выбрала такой конец. Я выбрала вечную жизнь со своей семьёй, потому что не в силах представить какой-то другой путь. Любовь перевешивает мой страх, и это делает Кеннета абсолютно бессильным.

Я хрипло выдыхаю, в последний раз.

— Стань таким, какой ты есть на самом деле, — вновь говорю я, по моим щекам струятся слёзы.

Глазные яблоки Кеннета растворяются, мышечная ткань разлагается, и от портье остаётся лишь скелет. Только тогда я отпускаю лацканы его смокинга. Рухнув на пол, он пеплом разлетается за стойкой регистрации.

Отель «Руби» окутан дымкой, и дежурный за стойкой удивлённо оглядывается по сторонам. Я наблюдаю, как он поднимается со своего места, шаркая туфлями по начищенному до блеска полу, идёт к кучке пепла и останавливается перед ней. Хмурит брови. У меня пересыхает во рту, всё мое тело дрожит. Это последняя моя минута в реальном мире.

— Вы видите меня? — слабым голосом спрашиваю я.

На секунду дежурный замирает, и я задерживаю дыхание. Но тут он пожимает плечами, приоткрывает небольшую дверцу стенного шкафа и достаёт оттуда совок и веник. Он сметает останки Кеннета и выбрасывает их в мусорное ведро. И это то, что портье есть на самом деле — пепел.

— Одри?

Воздух словно затягивает в вакуум, и я разворачиваюсь. Яркий, полный красок мир «Руби» становится ясным и чётким. Я вижу Элиаса, который смотрит на меня, широко раскрыв глаза. Других теперь уже не видно, и, как и сказала Кэтрин, без них замечательно тихо. Дэниел, по-прежнему в луже собственной крови, садится, держась за голову. Его костюм испорчен. Кэтрин цепляется за руку Джошуа, и они оба смотрят на меня в совершеннейшем шоке.

У входа в бальный зал собрались постояльцы, все молчат. Я опускаю глаза на своё окровавленное платье и понимаю, что вся боль из моего тела исчезла. Нет ни ломоты, ни холода. Не слышно музыки. Я втягиваю в себя воздух, и мой вдох громко отдаётся по притихшему вестибюлю.

Элиас прикладывает ладонь к сердцу, по его щекам текут слёзы.

Я мертва.

Мою маму звали Хелен... это имя стало святым после её смерти. Она умерла в возрасте сорока трёх лет, не имея возможности попрощаться. Это была трагедия, ничего печальнее не мог бы написать и Шекспир. И эта трагедия разрушила мою семью. Сломала меня.

Но вот я, в платье, пропитанном кровью моего брата, стою в вестибюле отеля «Руби» и гадаю, чего ждать от моей смерти. Все мои самые близкие тоже уже умерли, но что будет с бабушкой? Сначала она потеряла свою дочь, а теперь и нас. Может ли столько несчастий свалиться на одну и ту же семью? Наверное, это всё-таки в духе Шекспира.

Стоит мне подумать о Райане, как моё сердце пронзает острая боль — ведь я умерла, а он до сих пор влюблён в меня. Ему придётся жить с этим всю оставшуюся жизнь, и эта драма будет так или иначе влиять на его будущие отношения, причиняя боль. Хотя, может быть, он сможет обрести покой. Найти своё счастье.

Моя жизнь, которую я так не хотела, только начиналась. А сейчас я мертва, мне никогда не вернуться обратно. Я умерла, чёрт подери! И с этой мыслью я опускаюсь на пол, закрывая лицо от наступившего шока.

Проходит мгновение, и я чувствую тёплое прикосновение Элиаса. Он сидит на коленях рядом со мной и притягивает меня в свои объятия, плача о том, что должен был сильнее бороться за моё спасение. Я опускаю подбородок на его плечо, слушая его и размышляя, была ли Таня права в том, почему он так заботится обо мне — что это не то, что было у него с остальными, что он ждал меня всю свою жизнь.

Когда Элиас отстраняется, глядя моё лицо и окидывая меня взглядом, я замечаю, какими светлыми стали его янтарные глаза — он как будто выплакал весь цвет.

— Я так виноват, Одри, — едва различимо шепчет он.

— Перестань, — говорю я ему, склоняюсь ближе и целую его губы, щёки. — Хватит, — устав от постоянной тревожности, прошу я. Пусть она останется с моим телом на обочине дороги. Элиас кивает, ещё не придя в себя от моего нового состояния, и помогает мне подняться на ноги.

Папа и Дэниел ждут, оба выглядят убитыми горем. Но то, что я вижу их вместе, наполняет меня чувством надежды. Надежды на нас. Теперь, когда Кеннета больше нет, страх пропал. У меня есть моя семья. И это всё: *у меня есть моя семья!*

В противоположном конце вестибюля раздаётся звонок лифта, и двери открываются. Я непроизвольно улыбаюсь, когда из кабины вылетает Лурдес, а за ней Таня. Первое, что замечает Лурдес, — это стоящего в луже крови Дэниела, его испорченный костюм. Она тут же подходит к нему и поворачивает его голову, чтобы убедиться, что он не ранен. Дэниел закатывает глаза и говорит ей, чтобы она не переживала за него, но, точно говорю, это внимание ему нравится. Стоящая напротив него Кэтрин опускает глаза и ещё крепче вцепляется в Джошуа. Мне кажется, они действительно идеальная пара — и, скорее всего, Джошуа был прав: если бы она была помолвлена с ним, то, возможно, не закончила свою жизнь здесь.

Таня первая замечает меня и смеётся, шокированная, но с облегчением. Она пихает локтем Лурдес, и та поворачивает голову, чтобы посмотреть через плечо. Лурдес застывает на месте, потом вскидывает бровь, спрашивая взглядом, какого чёрта я тут делаю. Я жежимаю плечами и закусываю нижнюю губу, чтобы не разреветься. Да, мне говорили, что с

ней всё будет в порядке, но я так рада, что это оказалось правдой! Лурдес драматично вздыхает, а затем обнимает меня, и я чуть не падаю назад.

— Проклятье, твой брат был прав, — крепко сжимая меня, говорит она. — Ты действительно не оставила его здесь.

— Я не хотела оставлять вас здесь с Кеннетом.

Лурдес отстраняется, её передёргивает от звука имени портье.

— «Руби», кажется, стал счастливее, а? — спрашивает она. — Я сразу же почувствовала, когда его не стало. Не знаю, как тебе это удалось, но ты напугала его до смерти. — Она тихо смеётся. — До жизни. Ты отдала ему свою — свой обратный билет отсюда. — Её тёмные глаза блестят от благодарности, слова которой нет нужды произносить вслух. Она знает, чего я лишилась, чего мы все лишились, оставшись здесь. Лурдес прочищает горло и смотрит на моё платье. — Тебе повезло, я знаю, как выводить пятна крови. — Её слова вызывают у меня улыбку.

— Одри, — окликает меня Джошуа. Я смотрю на него поверх плеча Лурдес — он наклоняется, чтобы подобрать с пола моё приглашение на вечеринку. — Думаю, это тебе больше не понадобится?

И это правда. Теперь я, упустив свой шанс покинуть отель, стала частью «Руби». Если я войду в кабину лифта, то не найду там кнопки тринадцатого этажа. И вообще, его никогда здесь не было. Так что, по факту, мне больше не нужно приглашение, чтобы попасть на вечеринку. Но, может, мне просто хочется, чтобы всё было официально.

Я поворачиваюсь к Элиасу, он смотрит на меня. Его волосы торчат в разные стороны, галстук съехал набок. Он подставляет мне руку и смотрит в сторону дверей бального зала. Моя ладонь проскальзывает в сгиб его локтя, и мы идём вперёд. По дороге я забираю у Джошуа приглашение, и он улыбается мне, вежливо кивая, потому что теперь я гость.

Служащий у входа в бальный зал улыбается мне, когда я остаиваюсь перед ним.

— Мисс Каселла, — радушно приветствует он меня и протягивает руку за приглашением. Я смотрю на чёрный конверт, на моё имя на нём. Внезапно мне становится страшно, я начинаю немного нервничать. Обернувшись, смотрю на брата, на нашего отца и стоящую рядом с ним Лурдес. Он кивает мне, что всё хорошо. Несмотря ни на что, с нами всё хорошо.

Я вглядываюсь в притихшую вечеринку. Гости остановились, чтобы посмотреть на меня, ждут, когда я присоединюсь к ним. Ладонь Элиаса скользит поверх моей руки, успокаивая меня. Я закрываю глаза, перерывая в памяти последние минуты в реальном мире, но за пределами этих стен ничего нет. Выровняв дыхание, протягиваю служащему приглашение на вечеринку, посвящённую первой годовщине отеля «Руби».

В то же мгновение, когда конверт покидает мою ладонь, музыкант за роялем улыбается и начинает играть новую песню. Мы входим в зал, внутри царит дух единения. Любовь к «Руби». Другие гости наблюдают за мной, улыбаясь, довольные тем, что я присоединилась к ним. То и дело в мою сторону поворачиваются головы — наверное, красный цвет действительно мне к лицу.

— Потанцуем? — оглядевшись, спрашивает Элиас. Я, прищурившись, кладу ладони на его грудь и прислоняюсь к нему.

— Я думала, ты не танцуешь, — говорю я, покачиваясь в такт музыке. Элиас берёт мою руку и целует пальцы, а затем кружит меня, чтобы доказать, что он может танцевать, если того хочет.

Бальный зал начинает наполняться, в том числе и живыми постояльцами, чьи образы мерцают, размытые в нашем мире. Входят Лурдес и Дэниел, за ними мой отец и остальные. Переливающийся свет люстры делает всё вокруг каким-то волшебным, безвременным, но живым. Нескончаемая вечеринка в «Руби» — месте, где можно остаться на ночь, а можно остаться навсегда.

Мы с Элиасом танцуем. Теперь я часть этого. Часть «Руби». Другие, живые постояльцы слоняются по залу, выражая недовольство по поводу того, как здесь стало холодно. Или возбуждённо болтая о привидениях. Они в другой плоскости, в другом измерении.

Многие из нас могут всё это видеть. Мы вместе, навсегда, но это не так уж и плохо. Я поворачиваюсь к Эли, забрасываю руки ему на плечи и придвигаюсь ближе. Теперь мне стало понятно, что грусть никогда не исчезнет из его глаз, так же как никогда не исчезнут мои скорбь и вина. Это часть того, кем мы были, кем являемся до сих пор. Мы были потерянными, все мы, но теперь нашлось место, которое стало нашим домом.

Здесь, в «Руби», мы можем начать наши жизни заново — теперь, когда умерли.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Имеется в виду роман Вирджинии Эндрюс «Цветы на чердаке».

«Энтертейнмент Уикли» (англ. «Entertainment Weekly») — популярный американский еженедельник, где рассказывается о значимых событиях массовой культуры, фокусируется на новостях о последних релизах и профессиональных рецензиях.

Имеется в виду героиня серии детских книг про Элоизу, шестилетнюю девочку, которая живёт в нью-йоркском отеле со своей няней, мопсом и черепахой.

«Ай-Ти энд Ти» (англ. «AT&T») — одна из крупнейших американских телекоммуникационных компаний, которая является крупнейшим поставщиком местной и дальней телефонной связи, а также провайдером беспроводной связи в США.